

УИЛЪЯМ ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Собрание сочинений
в 8 томах

МОСКВА
«ИНТЕРБУК»
1997

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Том 1

Ромео и Джульетта
Сон в летнюю ночь
Много шума из ничего
Сонеты

МОСКВА
«ИНТЕРБУК»
1997

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Первое собрание сочинений Шекспира на русском языке вышло в свет сто пятьдесят лет назад. С тех пор появилось множество собраний — как полных, так и избранных, но со времени последнего минуло три десятилетия. Шекспир в России — не просто классик мировой литературы, но один из самых любимых и читаемых писателей. Нехватка его произведений ощущается всегда особенно остро.

Настоящее собрание сочинений в восьми томах рассчитано прежде всего на массового читателя. Оно не ставит задачи академической полноты, но включает все наиболее любимые и популярные произведения Шекспира: трагедии, комедии, хроники, сонеты...

Характер издания позволяет с большей свободой расположить произведения по томам с тем, чтобы, пусть и в нарушение хронологической последовательности или жанровой чистоты, наметить внутренне важные связи, тематические и сюжетные линии развития шекспировского творчества. Многогранность мышления становится наглядной, раскрывается сложность становления мысли и личности великого писателя. Подробнее об этом говорится во вступительной статье к I тому.

Материал по томам распределен следующим образом.

В I томе помещены «Ромео и Джульетта» и «Сон в летнюю ночь», ранняя трагедия и романтическая комедия, созданные одновременно и на одну тему — любви. Их дополняют комедия «Много шума из ничего» и сонеты, полностью приведенные в переводе С. Маршака и в других избранных переводах.

Том II составляют произведения, в которых великая личность показана на политическом поприще: ранняя хро-

ника «Ричард III», «Макбет» и еще две трагедии из римской истории: «Юлий Цезарь» и «Кориолан».

Т о м III развернуто представляет эволюцию жанра комедии: «Комедия ошибок», «Укрощение строптивой», «Бесплодные усилия любви», «Двенадцатая ночь» и «Все хорошо, что хорошо кончается».

В IV т о м е основное место отведено хроникам: «Ричард II» и две части «Генриха IV». Завершается он комедией «Виндзорские насмешницы», служащей эпилогом к судьбе Фальстафа, впервые появившегося в этих хрониках.

Т о м V собрал пьесы, всегда затруднявшие исследователей определением жанра — «серьезные комедии» или «проблемные пьесы»: «Венецианский купец», «Как вам это понравится», «Троил и Крессида», «Мера за меру».

Следующие два тома имеют сходный внутренний сюжет: одна из «великих трагедий», за которой следует продолжающая ее тему или близкая к ней «римская трагедия», а к ним как бы в качестве эпилога — по две поздние трагикомедии.

Т о м VI: «Отелло», «Антоний и Клеопатра», «Цимбелин», «Зимняя сказка».

Т о м VII: «Король Лир», «Тимон Афинский», «Перикл», «Буря».

Наконец, VIII том целиком отдан «Гамлету», которым более, чем любой другой из его пьес, Шекспир обращен в последующие века. Эта трагедия представлена четырьмя полными переводами: Б.Пастернака, А.Кронеберга, К.Р. (псевдоним великого князя Константина Романова) и А.Радловой. Некоторые основные монологи приводятся также и в других переводах.

Каждый том сопровождается краткими историко-литературными примечаниями.

При составлении предпочтение отдавалось переводам поэтов М. Кузмина, Т. Щепкиной-Куперник; также были включены переводы всех семи пьес, сделанные Б. Пастернаком.

О ШЕКСПИРЕ, ДРАМАТУРГЕ И ПОЭТЕ

I

Ни мрамору, ни злату саркофага
Могущих сих не пережить стихов.

Сонет 55. Пер. В. Брюсова

Если предположить, что биографическое повествование о Шекспире писал бы кто-нибудь из старинных авторов, пожелавший в духе романов XVII—XVIII веков дать в названии сжатый план всей книги, то он легко вместил бы в несколько строк почти всё, что нам достоверно известно:

«Повесть о Уильяме Шекспире, сыне почтенного олдермена Джона Шекспира, появившемся на свет апреля 23 дня 1564 года в Стрэтфорде-на-Эйвоне и прожившем там до двадцати одного года, когда, оставив жену и троих детей на попечение своей семьи, он отбыл искать счастье в Лондон, актерствовал, приобрел славу драматурга и поэта, разбогател, сделался совладельцем театра «Глобус», но на склоне лет возвратился в родной город, где и умер в день своего рождения 1616 года».

К этому очень немного можно добавить, основываясь на скурых записях метрических книг о рождениях, браках, смертях, или же предположить, отталкиваясь от еще более скудных сведений, сохранных документами касательно имущественных приобретений и потерь семьи Шекспиров. Уже на протяжении нескольких веков она обитала в окрестностях Стрэтфорда-на-Эйвоне. Предки занимались хлебопашеством. Отец Уильяма получил за женой ферму и земельный надел, который до того арендовал, а вскоре приобрел два дома в самом городе, куда семья и переехала. Джон Шекспир занялся торговлей. В документах он не раз именуется «перчаточником», но это был не единственный его товар.

Судя по тому, что Джон Шекспир несколько раз избирался олдерменом городского совета, его положение было прочно, сограждане его почитали. Однако к концу 70-х годов что-то произошло: он уже не прикупает недвижимость, а распродает ее, постепенно разоряясь.

Старшему сыну Уильяму в это время — около шестнадцати. Тот возраст, когда обычно заканчивали грамматическую школу. В Стрэтфорде она была отменной, славилась на всю страну. На Уильяма возложены надежды семьи, оказавшейся в трудном положении. Похоже, что этих надежд он сначала не оправдал. В ноябре 1582 года ему едва исполнилось восемнадцать, а он уже женат — на женщине старше его восьмью годами. Женитьба была вынужденной, судя по тому, что в мае следующего года родилась Сусанна, первенец. В начале 1585 года на свет появилась двойня: дочь Джудит и сын Гамнет. Сыну суждена короткая, одиннадцатилетняя, жизнь. Дочери переживут отца, выйдут замуж, будут иметь детей, но тем не менее прямое потомство Шекспира прервется еще в XVII веке.

Женитьба — первое событие в жизни Уильяма, которое будет впоследствии волновать воображение его будущих биографов, обрастая легендами*. А тут еще ошибка писаря, перепутавшего фамилию новобрачной в метрической записи: вместо «Хетеуэй» он записал «Уэлти». Исторический персонаж раздвоился, открывая простор увлекательным домыслам.

Их подогревает и скудость бесспорных фактов шекспировской жизни, в основу изучения которой в свое время легли слухи, стрэтфордские предания последних старожилов, то ли еще помнивших Уильяма, то ли что-то слышавших о нем. Почему он сорвался из родного города, оставив семью, переживавшую не лучшие времена и обремененную теперь его собственной женой с тремя малолетними детьми? В ответ — еще один легендарный цикл: о ссоре с соседом-лендлордом, преследовавшим молодого человека за браконьерство на его землях и вынудившим в конце концов к бегству. Старая, но сомнительная история...

Куда вернее, что Уильям подался в столицу вслед за одной из многочисленных актерских групп, гастролировавших в Стрэтфорде. Искушение театром сделалось слишком сильным, чтобы ему противиться. Шекспир стал актером. Хорошим ли? Трудно сказать, но вершин профессии он здесь не достиг, судя по тому, что даже в собственных пьесах играл не первые роли: в «Гамлете» — тень отца Гамлета.

Первые годы в Лондоне — годы становления драматурга.

* Насколько — даже по их объему — отличаются друг от друга шекспировские биографии, если авторы опираются только на твердо установленные факты, от тех, где присутствует легендарный материал, русский читатель может судить, сравнив две не так давно переведенные книги: «Шекспир» С. Шенбаума (М.: Прогресс, 1985), которая, хотя и имеет подзаголовок «Краткая документальная биография», весьма пространна за счет страниц, посвященных критике легенд, и «Шекспир и его мир» Ф. Е. Холлидея (М.: Радуга, 1986). Последняя, действительно, строго фактографична и сжата. Кроме того, две книги о Шекспире были написаны для серии «Жизнь замечательных людей» — М. М. Морозовым (1947, 1956) и А. А. Аникстом (1964).

Что мы знаем о них? Даты постановок пьес — по дневнику театрального антрепренера Хенсло и некоторым другим источникам; даты выхода в свет его книг, многие из которых появлялись вопреки его воле и с неисправным текстом. Он писал главным образом для театра, и то, что он писал, становилось собственностью труппы, с 1599 года — театра «Глобус», одним из создателей и со-владелец которого был и он. «Пиратские издания» пьес — тоже, пусть неприятное, свидетельство успеха. Конкуренты засылали в театры специальных людей, со слуха запоминавших пьесу по ролям (делать записи запрещалось — за этим следили) и передававших текст для издания. После такого рода подделок, дабы дезавуировать их, автору приходилось порой публиковать и исправный текст. Такова была театральная жизнь! Жизнь, еще весьма далекая от литературы или, как бы сказали тогда, — от поэзии, принадлежавшей к гораздо более возвышенным сферам, чем театр — общедоступный, вынужденный отбивать зрителя у петушиных боев и медвежьей травли.

Поэмы и сонеты Шекспир сам отдавал в печать, иногда с посвящением высокому покровителю — графу Саутгемпτονу. Пьесы же печатать его вынуждали, впрочем, половины из них он так и не напечатал. Возможно, мы никогда и не узнали бы текста «Макбета», «Юлия Цезаря», «Бури», «Кориолана», «Зимней сказки», «Двенадцатой ночи» — всего восемнадцати пьес, которые впервые появились в F, так называемом Первом Фолио (т. е. напечатанном большим форматом, в лист, сложенный пополам, в отличие, скажем, от Quarto — в четверть листа). Оно было издано усилиями друзей-актеров семь лет спустя после смерти драматурга — в 1623 году.

Рукописей не осталось. Они должны были храниться в театре «Глобус» и погибли во время пожара при постановке в июне 1613 года пьесы-хроники «Генрих VIII». К этому времени уже год, как Шекспир отошел от дел и поселился в Стрэтфорде. Еще одна загадка: что повлекло его, находящегося в зените славы и жизненного успеха, еще не перешагнувшего пятидесятилетнего возраста, на покой?

Быть может, болезнь? Во всяком случае, как утверждает опытный графолог, подписи на всех трех листах шекспировского завещания сделаны рукой больного человека. Само это завещание — один из немногих документов, безусловно носящих на себе след шекспировской руки, тоже умножает число проблем. Перед смертью Шекспир обо всем и обо всех вспомнил: о домах, сараях и золоченых чашах, распоряжения мельчайшие — вплоть до нескольких шиллингов и даже пенсов близким и дальним родственникам, друзьям-актерам на поминальные кольца...

Забыл он только о своей жене, но потом между строк попросил вписать: «Сим завещаю своей жене вторую по качеству кровать со всеми принадлежностями (то есть драпировками, пологом, постельным бельем, etc.)». Что сие означает? Лучше бы о жене он совсем не вспоминал, оставив возможность для более правдоподобного в этом случае аргумента, что, согласно тогдаш-

нему законодательству, третья часть имущества мужа, помимо завещательного распоряжения, отходила во вдовью долю.

Еще более печалит поколения исследователей отсутствие в завещании, этом единственном личном свидетельстве, оставшемся от Шекспира, хоть единого слова, подтверждающего, что умирает не просто рачительный стрэтфордский горожанин, а великий поэт. Ни слова!

Поэтому, наверное, и возник спустя почти три века «шекспировский вопрос». В том, что некто Уильям Шекспир, уроженец Стрэтфорда-на-Эйвоне, существовал, женился, имел трех законных детей, актерствовал в Лондоне и умер 23 апреля 1616 года, — сомневаться не приходилось. Но его ли перу принадлежат дошедшие до нас под его именем тридцать шесть пьес, о нем ли сказал друг-поэт, предваряя Первое Фолио: «Сладкоголосый эйвонский лебедь!» В этом суть вопроса — «шекспировского вопроса», волнами накатывающего с конца прошлого века. И до сих пор с каждой волной прибывают новые аргументы, а то и новые имена претендентов на авторство. Сегодня их около тридцати...

Вначале искали преимущественно среди лиц титулованных: назывались графы Дерби, Оксфорд, Ретленд — права последнего были поддержаны и в России в 10—20-х годах. Полагали, что только присущее им образование, положение в обществе и при дворе, возможность путешествовать открывали широкий обзор жизни, который есть в пьесах. У них были причины скрывать свое настоящее имя, на которое пятном позора, по тогдашним представлениям, легло бы ремесло драматурга.

Но если такова логика, то мысль уносится все выше, выше, пока не достигает самого трона — королевы Елизаветы. И она — в претендентах. Годы ее правления (1558—1603) дали наименование великой для Англии эпохе, по которой и Шекспир, и его современники вошли в историю как «елизаветинцы». Королева образованна, хитроумна. В эпоху надвигающихся по всей Европе религиозных войн она удерживает Англию между крайностями католицизма и Реформации. Она так и не вышла замуж, сохраняя титул «королевы-девственницы» (невзирая на наличие знаменитых фаворитов — графов Лестера и Эссекса), чтобы необратимо не вступить в политический альянс с соседними державами.

Королева тверда и решительна. Она могла быть беспощадной, как в случае с угрожавшей ее всемогуществу соперницей — Марией Стюарт или взбунтовавшимся любимцем — Эссексом. Оба кончили на плахе. Твердость Елизаветы — залог величия Англии, именно при ней выдвинувшейся в число великих европейских держав, захватившей власть на море после сокрушительного поражения, нанесенного в 1588 году Великой Армаде, испанскому флоту. Дух этого величия — в шекспировских пьесах...

Так не были ли они и написаны той, кому страна обязана духовным взлетом? Остается предположить в Елизавете лишь малое — поэтический гений. Вкус у нее был, даже любовь к поэзии, но гений — на него ничто не указывает и его так трудно скрыть.

Может быть, тогда искать автора пьес, известного под именем Шекспира, среди тех, чей гений бесспорен? Ведь неслучайно сам «шекспировский вопрос» начался с претензий, заявленных в пользу Фрэнсиса Бэкона. Основоположник современного философского мышления, один из зачинателей английской интеллектуальной прозы, а к тому же — выдающийся политик, ставший лорд-канцлером при преемнике Елизаветы — Якове I Стюарте, правда потерявшем свой пост по обвинению во мздоимстве. Что ж, для познания человеческой природы и это не лишнее... Остается малое — доказать, что он был поэтом.

Тогда лучше прямо искать среди поэтов. Нашли Кристофера Марло, чьи шансы и сегодня расцениваются особенно высоко. На нем многое сходится. Ровесник Шекспира, он намного обогнал его своей ранней славой. По приезде в Лондон Шекспир, быть может, более всего был поражен этим новым талантом — в «Тамерлане Великом», в «Трагической истории доктора Фауста» (великий сюжет из немецкой народной книги впервые стал достоянием литературы под пером Марло). Марло — безусловно во главе нового поколения, «университетских умов», образованных, талантливых, беспутных. Именно он выделяется и дарованием, и честолюбием, заставившим его не ограничить себя литературой, но пуститься в политику, тайную, закулисную. Она его и погубила.

В мае 1593 года в окрестностях Лондона во время пьяной драки Марло получил удар кинжалом в висок от руки наемного убийцы. Тогда же первое произведение — поэма «Венера и Адонис» — было занесено в регистрационные книги под именем Шекспира. Версия: высокие покровители не предали Марло, но, инсценировав убийство, помогли бежать на континент, откуда ему с тех пор и приходилось присылать в Англию свои новые произведения, прикрываясь, как маской, именем третьеразрядного актера-пьяницы.

Степень вероятности — в бесспорном даровании Марло и в его способности творчески развиваться, стремительно, блестяще, поднимая английскую драму на небывалую высоту. В «Докторе Фаустусе» порой легче различить родство не с тяжеловесным «Тамерланом», а со стихом шекспировской трагедии, как и в его «Эдуарде II» — с шекспировскими хрониками. Так, может быть, он? Бурный гений XVI века, «университетский ум», а не тот, о ком его друг, «несравненный» Бен Джонсон скажет в посмертных стихах: «...он плохо знал латынь, еще хуже — греческий...»

Однако сказано это будет не с тем, чтобы унижить Шекспира, а чтобы превознести его природный гений и над «Лили, и над изобретательным Кидом, и над мощной строкой Марло».

Какими бы остроумными ни были доводы против Шекспира, самое большое, в чем они убеждают, — в той или иной степени своей вероятности, но в любом случае не дают достаточных оснований даже для того, чтобы любопытную, волнующую воображение догадку поднять на уровень гипотезы.

К чему же тогда догадки? Проще всего объяснить их аристократическим предубеждением против сына «перчаточника». Однако давно уже биографами сказано, что нет оснований представлять Шекспира неотесанным пареньком из провинции: в стрэтфордской школе умели учить. И не случайно «шекспировским вопросом» задалась довольно поздно...

Не в XVII веке, когда появилось много легенд, но не эта: ничто не показалось странным в авторстве Шекспира. Не в эпоху Просвещения, когда знали толк в мистификациях, однако ни в чем не усомнились, не ощутили противоречия между личностью творца и его творением. И не в романтический век, когда сама безличность Шекспира, как бы спрятавшегося, растворившегося в своей поэзии, была принята за идеал «универсального гения», со-природного в своем творчестве. О чем-то «догадываться» начали лишь к концу столетия, когда изучением литературы занялись профессионально, уделяя немалое внимание изучению жизни писателя, составляя словарь «национальной биографии».

И вот здесь, вольно или невольно, наружу вышел тот факт, что у Шекспира... нет биографии, в том смысле как ее понимал XIX век. Правда, ее нет тогда и у большинства его современников, о которых мы знаем ничуть не больше. Разумом это сознавали, но примириться не могли, не могли именно в случае с Шекспиром, открывшим человека нового времени, создавшим галерею современных типов. Галерею, в которой вопиюще зияет отсутствие только одного убедительного портрета — его собственного.

II

Есть в жизни всех людей порядок некий,
Что прошлых лет природу раскрывает.
Поняв его, предсказывать возможно
С известной точностью грядущий ход
Событий...

Генрих IV. Часть вторая. III, сц. 1.
Пер. Е. Бируковой

Известно, что Шекспир не придумывал сюжетов. Он их заимствовал. О чем это говорит?

Прежде всего о том, что ему было откуда заимствовать.

Возрождение в Англию пришло поздно, когда в открывшей эпоху Италии оно уже клонилось к своему упадку и имело более чем двухвековую историю: Данте, Петрарка, Боккаччо, сонет и новелла...

У Ильи Ильфа есть такая фраза: «В 1616 году умерли Шекспир и Сервантес, но никто не родился». В этой фразе сегодня очевиднее всего традиционное и несправедливое пренебрежение к XVII столетию, барочному, трагически разорванному, близкому нам.

В этой же фразе — традиционное преклонение перед «величайшей эпохой, пережитой до того человечеством», — Ренессансом. Шекспир и Сервантес завершали ее, достигшую своей вершины и резко оборвавшуюся, когда мечта о достойном человеке в гармоничном мироздании разбилась о течение реальной жизни.

Шекспир пришел в еще молодую литературу — английскую, но она быстро набирала темп. Ее возраст в эту эпоху измерялся десятилетиями, а обновление — годами. За пять лет, когда Марло царил в английском театре, она окончательно вырвалась из средневековья к тому пределу, за которым следовало ждать поэзии, заговорившей обновленным национальным языком, шекспировским.

Шекспир мог заимствовать сюжеты из итальянских новелл, из комедий и трагедий своих английских предшественников, из античной традиции, уже открытой гуманистами, среди которых в Англии высилась героическая и мученическая фигура Томаса Мора. У Мора Шекспир взял историю Ричарда III, в его же трактовке, с его неприятием короля-тирана. Античную историю Шекспир знал по Плутарху, переведенному Т. Нортон и изданному в 1579 году. Спустя менее чем десять лет, отправляясь сокрушить испанскую Великую Армаду, английские юноши могли подкрепить свой дух героическими примерами не только из Гомера, не только из античной, но и национальной истории — из «Хроник» Э. Холла и совсем недавно опубликованного Р. Холиншеда. Быть может, и Шекспир зачитывался своими будущими источниками еще в Стрэтфорде, еще не помышляя о творчестве.

Шекспиру было откуда заимствовать сюжеты, но та легкость, с которой он это делал, говорит нам о литературном сознании, весьма отличном от нашего собственного. Понятие авторства было тогда куда более зыбким, не защищенным ни специальным правом, ни бытующим к нему отношением. На него зачастую и не претендовали, пуская свои произведения анонимно: одни потому, что стояли слишком высоко, чтобы признаваться в творчестве, другие — слишком низко, чтобы их имя могло что-нибудь значить. В театре же вообще пьеса нередко писалась в несколько рук. Один славился как мастер интриги, другой — чувствительного диалога, третий умел потрясти сцену громовым пафосом. Они объединялись. В шекспироведении есть специальный раздел, отведенный текстологическому угадыванию участия Шекспира в чужих пьесах или чьих-то вставок в его собственных.

Драматическое искусство еще только-только вступало в пору личного творчества, выйдя из фольклорной неразличимости. *Театральность* — явление куда более древнее, чем собственно *театр* с профессиональными актерами, драматургами, специальным устройством и зданием. В Лондоне первое здание было построено в 1576 году Джеймсом Бербедежем (его сын Ричард будет исполнителем основных трагических ролей в пьесах Шекспира). Оно и называлось просто: «Театр»; впрочем, в том же году оно перестает

быть единственным. Начало было положено и имело бурное продолжение*.

Этому началу предшествовали века и века становления драматического искусства. Сначала драма называлась *литургической*, ибо сопровождала церковную службу, шедшую на латыни и большинству прихожан остававшуюся текстуально непонятной. Эпизоды Священного писания разыгрывались перед их глазами — проясняя сюжет, сообщая ему наглядность. Затем из церкви через церковный двор, где она на какое-то время задержалась, будучи удаленной из храма, драма вырывается на площадь — в карнавал, в праздник, из литургической становится городской, но сами жанры — *миракли* и *мистерии* — сохраняют библейские сюжеты.

На подвижных повозках, переезжающих в праздничный день с площади на площадь, окруженных плотным кольцом толпы, разыгрывается действо. Исполнители — сами горожане, как правило, ремесленники; каждый цех получает свой эпизод библейской истории: сотворение Адама, Каин и Авель, потоп, рождение Христа, распятие — полный цикл мог включать в том или ином городе несколько десятков эпизодов. Ремесленник, выступающий в роли, выходит на передвижную сцену и объявляет, кого он будет изображать, от чьего лица говорить. В своего героя не перевоплощались, его показывали, не сливаясь с ним, что для исполнителей «отрицательных» ролей, скажем Ирода, было бы и жизненно опасно перед лицом весьма впечатлительной и доверчивой толпы.

Театру шекспировского времени достается в наследство эта актерская техника — декламационная, отрешенная от текста, но обращающая слово в зал, общение исполнителя с которым было гораздо непосредственное, чем в театре позднейшего времени. Сцена трапезией или полукругом выдавалась в толпу, по-прежнему, как и на площади, обступившую, готовую моментально отметить успех и неуспех, подать реплику, которую комики подхватывали. Импровизационное начало еще было живо.

Постепенно, однако, драма вступает в свои права, она уже не сценарий, а литературный текст. Она уже не ограничивается пересказом Библии и от дел небесных обращается к делам земным. Это происходит в позднесредневековом жанре *моралите*, назидательно излагающем жизнь Человека, Человека вообще — так и называется самое известное такого рода произведение: «Everyman». Бог через своего вестника требует Человека к себе, отчитаться в своих делах, добрых или порочных. Смерть, Дружба, Родство, Добрые дела, Красота, Знание — все это персонажи моралите. По сути дела, пока что они единственные персонажи.

Всего за какие-то полвека до Шекспира, хотя бы по сюжетной видимости, обобщенно взятая жизнь человека сменится историческим бытием: в назидание будет предложено какое-либо известное

* Из книг, подробно излагающих историю самого театрального быта, сценического искусства, можно назвать следующие: М ю л л е р В. К. Драма и театр эпохи Шекспира. Л.: Academia, 1925; А н и к с т А. А. Театр эпохи Шекспира. М.: Искусство, 1965.

житие, например короля Иоанна Безземельного. Поучительная история.

...Когда в шекспировской хронике «Ричард III» (1592—1593) еще не король, но брат короля Ричард Глостер выходит на публику со своим первым монологом, он как бы делает шаг из старого средневекового театра. Он выходит, чтобы ввести зрителя в курс событий, к чему и приступает с первой фразы: «Здесь нынче солнце Йорка злую зиму // В ликующее лето превратило...» (*пер. А. Радловой*).

Если перевести метафору на язык исторических фактов, то Ричард повествует о том моменте в войне Алой и Белой роз, когда дом Йорков, к которому и он принадлежит, одержал победу... Событийный зачин был обязательным в старой пьесе. Либо хор, на манер античной трагедии, либо кто-то из персонажей, фактически взявший на себя эту роль, появлялся и предварял действие вплоть до самого финала, который не считали нужным скрывать. Он и без того был известен зрителю, рассчитывающему не на неожиданность развязки, а на переживание известного, обновленного игрой страстей и нравственным уроком. На старые истории шли охотнее, чем на новые.

Ричард ничего не скрывает: ни плана своих будущих действий, ни своего характера:

Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней.

Физические пороки Ричарда («Уродлив, исковеркан и до срока // Я послан в мир живой...») — зримая метафора его душевного уродства. Это черта шекспировского психологизма, основанного на театральной традиции и всегда ищущего для внутреннего состояния внешней выраженности: в портрете, жесте, откровенном монологе или даже в материализовавшемся фантастическом видении, какое посетит Ричарда в ночной сцене перед боем или Макбета в сцене с ведьмами.

Ричард открывается зрителю, но не другим персонажам. С нами у него — двойная игра, также обещанная при его первом появлении. Только залу он должен быть ясен с самого начала и до самого дна своей душевной низости, не человеческой, а дьявольской. Ассоциация не случайная, а обязательная для понимания характера, восходящего к Дьяволу средневекового театра. Шекспир, как всегда, рассказывает старую историю на новый лад.

Тогдашний зритель хорошо понимал — кто перед ним, но никогда прежде он не видел врага рода человеческого столь виртуозным и вдохновенным. Никогда — столь человечным. В старом театре большей частью приходилось верить на слово, поскольку действие бывало в основном заменено рассказом о нем и происходило за сценой. У Шекспира оно на сцене разыгрывается. Как бы следуя принципу презумпции невиновности, он не берет на себя право обвинять героя только на основании его слов о себе. Характер приобретает небывалую прежде подвижность, ибо из растяну-

тых монологов смещается в действие, требует нового слова — драматического, по-разговорному беглого и поэтически много-смысленного.

Таков Ричард в сценах, следовавших за первым монологом, — с братом, герцогом Кларенсом, которого, притворно любя и жалея, отправляет на смерть в Тауэр, с леди Анной — одна из замечательных сцен шекспировского театра. Ричард — убийца ее жениха, принца из династии Ланкастеров, и его отца Генриха VI, за чьим гробом она следует с проклятиями убийце. Что же заставило ее закончить сцену фактическим согласием на любовь Ричарда? Чем он ее взял?

...В спектакле Вахтанговского театра (режиссер Р. Капланян) играющий Ричарда Михаил Ульянов решает все силой, которой не может противостоять Анна,—этим взял. Почти буквально. Ничего другого ему не дано. В этом спектакле Ричард почти уравнен в человеческом значении с двумя наемными убийцами, которых у Шекспира он лишь подсылает к брату Кларенсу, а здесь они неотступно сопровождают его в качестве телохранителей, адъютантов, вечных спутников. Они же его и убьют, когда он струсит, поняв, что проиграл. У Шекспира не так — Ричард велик и силен до конца, до роковой встречи с графом Ричмондом, который в честном поединке отнимет у него жизнь вместе с короной Англии. Герой-спаситель (основатель династии Тюдоров, завершаемой Елизаветой) побеждает героя-злодея, но — героя. Это закон эпоса и наследующей ему высокой трагедии.

Вахтанговский спектакль дан как современное прочтение (на которое театр, разумеется, имеет право) не только шекспировской хроники, а вечной проблемы — совместности злодейства с гением. Невозможно допустить или признать их совместность — пафос, особенно понятный в конце XX столетия. Шекспировский «Ричард III» читается в одном ряду с брехтовской пьесой «Карьера Артуро Уи» и многими другими произведениями о кажущемся величии, о том, что великая кровь не возвеличивает пролившего ее, а человечески уничтожает его. Это наши проблемы и решения.

У Шекспира, однако, другой ряд. «Ричард III» открывает путь к трагедиям в гораздо большей мере, чем предвещающий его «Тит Андроник». Обилие трупов и крови там было предугазано жанром «кровавой трагедии». К ней привык и ее любил зритель, но Шекспир лишь однажды согласился уступить его вкусам с тем, чтобы заинтересовать самым страшным: крушением человеческого в человеке. И чем более велик человек, тем страшнее в своем падении. «Ричард III» открывает путь к «великим трагедиям», напрямую — к «Макбету».

Он и к хроникам открывает путь в гораздо большей мере, чем предшествовавший ему растянутый на три части, инсценирующий события «Генрих VI». Это была первая поставленная на сцене в 1592 году шекспировская пьеса, и, кажется, не без успеха. Во всяком случае она настолько задела авторское самолюбие одного из самых ярких среди «университетских умов» — Роберта Грина, что тогда же в своем покаянно-предсмертном памфлете «На грош ума, купленного за миллион раскаяния» он обмолвился о новоявленном

«потрясателе сцены, вороне, которая рядится в наши перья». Под «потрясателем сцены», вероятно, подразумевался Шекспир, чья фамилия по-английски может быть прочитана как соединение двух слов: «потрясать» и «копье». В таком случае это первое упоминание и первый отклик.

В отношении «Генриха VI» Грин мог чувствовать себя уязвленным в том смысле, что новый драматург легко подхватил достоинства предшественников. Ими была разработана техника драмы, позволяющая с гораздо большей легкостью и разнообразием представить действие в событиях и характер в слове. Шекспир лишь эффектно развернул эти новшества в панорамном «Генрихе VI», но зато уж в «Ричарде III» он со всей очевидностью создал нечто небывалое.

Чтобы идти дальше, он сначала вернулся назад, подчеркнув связь с жанром моралите. Ему понадобился прежний источник нравственного света, в котором он представил события, но высветил их не с Божественной высоты, а изнутри. Не мировой порядок нарушает его герой-злодей, а ход Времени. Действует ли в таком случае закон нравственного возмездия?

Шекспир ответил утвердительно, опровергнув тем самым пространное учение Никколо Макьявелли и принявшего его К. Марло. Правда, вопреки устойчивому мнению, Макьявелли не учил быть злодеем, он лишь открыл закон неизбежности злодея в современной политике, какова она есть. Он показал, что политика отделена от морали, а цель в ней оправдывает средства.

Шекспир с этим не согласился: не оправдывает. Не согласившись, однако, он не воспользовался старыми аргументами — Божеского возмездия, а нашел новые. Наказание обнаруживает себя нравственной мукой, хотя Ричард с присущей ему твердостью души или бездушия пытается сопротивляться. Здесь этот мотив сжат до одной сцены, но позже он будет развернут во все пространство трагедии в «Макбете». Есть ведь и другой аргумент против злодея — исторический, даже политический. Цель — власть, а она достигнута лишь по видимости, ее не удастся удержать окровавленными руками. Уже в сцене коронавания Ричард обречен — безмолвием народным.

Правитель и народ — это главный вопрос истории и, следовательно, всего цикла хроник.

...Еще один знаменитый шекспировский спектакль — «Генрих IV» в Ленинградском Большом драматическом театре у Г. Товстоногова. Свободное пространство сцены, вдоль которой стоят лишь ряды разного размера барабанов, стилизованные под походные котлы. Их гром — единственная музыка. Главный элемент оформления — огромная корона, нависшая над сценой и вспыхивающая изнутри кровавой подсветкой в минуты наивысшего напряжения. Найден верный сценический символ: все сосредоточено вокруг трона, вокруг власти, нравственный смысл которой высвечен кровью.

Уже в хрониках Шекспир соединил многое, известное его предшественникам — как открытое ими, так и восходящее к старой те-

атральной традиции: и к моралите, и к «кровавой трагедии»... Соединил наложением — одного на другое, чтобы *высшая нравственность заговорила кровью, пролитой в исторических событиях*.

Двумя частями «Генриха IV» (1597—1598) для Шекспира фактически будет завершено становление жанра хроники. Потом, под самый конец, будет еще написанный при его участии «Генрих VIII», но это не более чем послесловие к жанру и исторической концепции.

Хроники и комедии определяют первое творческое десятилетие — девяностые годы. В комедиях — его пафос; в хрониках — открытие *исторического времени*: «Есть в жизни всех людей порядок некий...» Этим шекспировским открытием еще воспользуется и история как наука, которую он обогнал в своих прозрениях, и длинная череда исторических романистов, начиная с Вальтера Скотта. Все они — его ученики.

Открытие началось, когда Ричард Глостер, при первом своем появлении узнаваемый как дьявол из средневекового театра, по ходу действия превращается в короля Ричарда, отделившего политику от морали. Открытие завершится в «Генрихе IV» уже не столько по линии восхождения жанра, сколько через выяснение его возможностей в соседстве и взаимодействии с главными жанровыми формами: комедией и трагедией.

Шекспир никогда не мыслит жанр как нечто законченное и застывшее, не соотносит его с неким обязательным образцом или рядом непреложных правил. Это черта мышления более поздней эпохи — классицизма. *Шекспировский жанр — способ видения, угол зрения, преломляющий магистральную тему: для трагедии — Человек, для комедии — Природа, для хроники — История**. Становление жанра — процесс прояснения зрения, когда определяется основной круг его героев, присущие ему Пространство и Время.

Что касается героев, то в «Генрихе IV» каждый жанр имеет своих полномочных представителей. Что касается Пространства, то пространство хроники первоначально сужено до предела — до размеров двора короля Генриха. Дальше пока что не удастся продвинуть идею крепкого *национального государства, ту идею, с момента возникновения которой Шекспир начинает отмерять историческое Время*. Оно не властно ни над феодальной, ни над кабацкой вольницей.

Генрих вырвал корону из рук слабого тирана Ричарда II. О нем у Шекспира — отдельная пьеса (1595—1596), поскольку эти события и послужили почти вековой смуте, завершившейся войной Роз. Избыток силы губит одного Ричарда, избыток слабости — другого. И в том, и в другом — своеволие, вредоносное для государства, для гармонии общественной.

* Именно такое распределение жанровых акцентов намечено в трудах замечательного, самого оригинального советского шекспироведа последних десятилетий — Л. Е. Пинского, и прежде всего в главной его книге: Шекспир: Начала драматургии. М.: Художественная литература, 1971.

О ней мечтает, для нее не щадит себя король Генрих. Но все тщетно, ибо он тоже нарушитель. Не по наследственному праву достался ему трон, а по праву сильного, хотя в данном случае тому и было нравственное оправдание: он безвинно пострадал от царственного родича.

По средневековому праву, власть монарха — от Бога, и никто не смеет посягать на нее, требуя ответа. Не Божественной каре подвергает Шекспир Генриха IV, а ставит перед неизбежностью политических последствий переворота. Власть не возьмешь в одиночку, а если так, то, взяв ее, ты окажешься в руках собственных сподвижников. Не избежать новой смуты. Она гнетет короля. И еще — беспутство наследника, лишаящее надежды укрепить власть в будущем.

В замках восставших феодалов Время остановилось. Там царит эпическое Время, не знающее перемен, соотносящее человека с неизменной повторяемостью природного цикла. Человек рождается не для Истории, а для Природы, и она отзывается на его рождение:

При появлении моем на свет
Пылало небо и земля дрожала.

Генрих IV. Часть первая. III, сц. 1.

Пер. Б. Пастернака

Так утверждает пришедший во главе валлийцев Глендаур. Уэльс — самая отсталая часть страны, и ее представитель всех архаичнее по своему мышлению. Он кажется себе едва ли не героем богатырской сказки. Это начинает казаться смешным и раздражать. Ему иронически отвечает Готспер, на его стихи — прозой: «Это событие произошло бы и в том случае, если бы у вашей матери окотилась кошка, а вас не было бы и в помине».

Глендаур ярится и упорствует — стихами:

Я говорю вам, при моем рожденье
Земля тряслась...

В этом споре — обреченность заговорщиков. И не только потому, что он подрывает их единство. Он доказывает, что Время, которое они вознамерились остановить, повернуть вспять, неумолимо движется, разъединяя их самих. Сказочно мыслящему Глендауру не договориться с героем рыцарского эпоса Готспером, поклоняющимся не чудесам, а единственному богу — Чести, личной славе.

Готспер — настоящий герой, почти идеальный. На него с тоюкою посматривает король, желающий видеть его не противником, а союзником и похожим на него — своего беспутного сына. Они — тезки, оба Гарри. Шекспир подчеркнул сходство, сделав — вопреки фактам — их ровесниками. Сближение по контрасту, чтобы вначале усилить низость падения принца и героизм Перси, прозванного Готспером (hot — горячий, spur — шпора) за свой неукротимый нрав.

Однако здесь он — герой чужого жанра. Он явился из эпоса и мог бы прийти в трагедию, где, цельный и не изменяющий себе,

был бы обречен на высокую гибель и оплакан. Здесь он осмеян: павший в частном бою от руки принца и отданный на поруганье Фальстафу. Жирный рыцарь, преодолев страх, убедившись, что герой мертв, взвалит его тело ногами себе на плечи и отправится за наградой, объявив себя победителем. Таков конец героя, перенесенного в плоскость комедии и сниженного фарсом. Нередко полагали, что эта сцена была написана Шекспиром на потребу невзыскательной публике, и сожалели об этом. Нет, у нее высокий смысл.

Таинственный Фальстаф, загадочный и великий в своей *сниженности*. Он тоже из средневекового прошлого — сэр Джон Фальстаф. Вор, лгун, трус, распутник, пьяница... Нет порока, его миновавшего. Мерзкий старик, которому, однако, почти веришь, когда он хвастливо заявляет: «Мы — молодежь». Под его началом в кабаках и на большой дороге проходит школу жизни принц Генрих.

Готспер раздражается от искренних небылиц Глендаура; принц восторженно внимает сказочному краснобайству Фальстафа, в котором нет — он это знает — ни грана правды. Один помнит только себя и свою честь; другой открыт голосу человеческой Природы, *играющей карнавальной жизни*. Как античный Антей, принц черпает силу у земли, у всего, что телесно и материально. Эта сила поможет ему в поединке с Готспером, у которого он вырвал победу, а значит и славу.

Пространство хроники, до предела суженное, теснимое вначале, восторжествует вместе с идеей государства. В этом пространстве нет места ни Готсперу, ни Фальстафу:

Знай, я не тот, что был, и свет увидит,
Что, как отверг я прежнего себя,
Так от знакомцев прежних отвернулся.

Г е н р и х IV. Часть вторая. V, сц. 5.

Пер. Б. Пастернака

Других слов нет у только что коронованного Генриха V для своего прежнего наставника и друга. Он познал Природу, завоевал право на человеческое величие, сразив Готспера, но все для одной цели — Государства, которому он посвящает себя с самоотреченьем. Теперь он — идеальный герой исторического Времени, каковым и явится в следующей хронике, носящей его имя: «Генрих V» (1598—1599). Она выдержаннее по жанру и — однообразнее. Природа и Личность в ней с самого начала подчинены Истории.

Фальстафу другой путь — в комедию. Он сам произносит под занавес это слово, объясняя отречение от него короля, якобы не желающего лишь открыться на людях. Но судья Шеллоу пророчески предрек: «Как бы эта комедия не затянулась до вашей смерти».

Дальнейшая судьба Фальстафа, действительно, — сменить жанр. Он еще раз появится в «Виндзорских насмешницах», написанных одновременно с «Генрихом V» и, как говорят, по личному

заказу королевы. Существует мнение, что там — другой персонаж, сохранивший лишь имя, толщину, пороки, но лишенный остроумия и обаяния. Нет, он тот же — и в корзине с грязным бельем. Изменилась его роль.

Фальстаф — шут по своему театральному амплуа и зависит от того, что он высматривает. В хронике — он шут Времени, под чей смех хоронят эпоху. Он сам инсценирует карнавальные поминки с телом Готспера. Шекспировский смех — последний мощный раскат *смеховой культуры**, и Фальстаф — главный ее герой. Смех опрокидывает догмы, от него лопаются иллюзии; порой он звучит издевательски, но более всего этот смех возвращает на землю, напоминая о природном и человеческом.

Фальстаф меняется не потому, что его вываливают вместе с грязным бельем, а потому, что из исторического времени его «вываливают» в быт, из хроники — в комедию, где его «здравый смысл» уже не призраку рыцарской чести противостоит, а такому же, только более крепкому и честному, здравому смыслу добропорядочных горожан. Фальстаф изъят из своей ритуальной смеховой роли и вместе с ней утрачивает свои исключительные права на смех, развенчан, сам превращен в объект насмешки. Вся шекспировская комедия по своей природе — смеющаяся, *смеховая* и тем противостоящая последующему развитию жанра, уходящего в сатиру.

III

Люблю тебя и если разлюблю,
Наступит хаос...

Оттело V, с. 3.
Пер. Б. Пастернака

Когда Шекспира узнали в континентальной Европе, раньше всего во Франции, то изумились и ужаснулись. Изумились силе поэтического гения, знанию природы. Ужаснулись его неправильности, неведению правил или полнейшему к ним равнодушию. В момент знакомства с Шекспиром на дворе стоял XVIII век, еще только-только переваливший за первую треть, на сцене шли Корнель, Расин, а эстетическим вкусом правил Буало.

И как было не ужаснуться тем, кто полагал, что высокому предмету подобает высокий жанр и стиль, низкому — низкий, а их смешение — безобразно. Шекспир же все смешивал. Трагический герой, Гамлет, на краю могилы своей возлюбленной балагурит с могильщиками. После страшного преступления, когда в погнание

* Теория народной смеховой культуры была разработана М. М. Бахтиным и принадлежит к числу самых важных культурологических идей нашего века. См.: Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.

законов человечности и гостеприимства Макбет убил короля Дункана, на сцену является пьяный привратник и несколько минут не может собраться с силами и духом, чтобы открыть дверь замка на ледяной кровью полночный стук.

Позже, уже не столько оправдывая, сколько превознося Шекспира над мелочной критикой классицистов, будут говорить о том, как глубоко он знал жизнь, в которой, как и в его произведениях, все смешано. Не лучшее объяснение: Расин, вероятно, не хуже Шекспира знал, что в естественной жизни — *смешано*, но в искусстве, полагал, должно быть *разделено*, приведено в художественный порядок. К этому побуждал и жизненный уклад, более регламентированный, иерархичный, чем в шекспировские времена. Из него вырастали культурные привычки, стилистический декорум. А в театре шекспировской эпохи еще был жив обычай перебивать божественный сюжет комической интерлюдией. Божественное — высокое; а человеческое, светское, земное — сниженное. Человеку дано совершать паломничество — путь наверх, но и Божественное нередко спускается на землю, становится предметом карнавального, пародийного обыгрывания. Иерархия если и была, то подвижная, легко опрокидывающаяся, вплоть до полного смешения верха и низа.

Так же и в жанровой иерархии. Шекспир различал трагедию и комедию, но различал не только для того, чтобы противопоставить, развести, но часто — сблизить, заставить взаимно проникнуть друг в друга. В сходной жизненной ситуации он не раз намечал возможность противоположного развития...

Молодые люди любят друг друга наперекор воле родителей. Разве не так в комедии «Сон в летнюю ночь» (1595—1596)? И в одновременной с ней трагедии «Ромео и Джульетта»? В одном случае в финале — свадьбы, в другом — «Нет повести печальнее на свете...»

Гермия любит Лизандра, а ее отцу мил Деметрий. На браке с ним отец и настаивает перед афинским царем Тезеем. Для нас же, зрителей, эти двое юношей удивительно неразличимы, всем равны — возрастом, положением, достоинствами. Остается предположить, что один избран прихотью любви, а другой — родительской прихотью. Победит первый, ибо вся пьеса — о прихотливости любовного чувства, о его праве, подтвержденном чудом природы, которое здесь же материализуется: лесом, фантазией, эльфами... Отцу просто некуда деться. Он уступает.

Ситуация стремится к разрешению, к счастливому концу, если в основе ее — препятствия случайные и устранимые. Строптивцу, оказывается, не так сложно укротить, если все дело не в ее характере, сильном, лишенном мелочности, потому на поверку куда менее строптивом, чем у многих других, а в том, что еще не нашелся укротитель. Женихи Бьянки? Они невозможны рядом с Кэт. Нужен другой человек. Нашелся Петруччо, и все стало на свои места.

Все ранние комедии так или иначе могут быть озаглавлены по первой из них: «Комедия ошибок» (1593—1594). Ошибки, недоразумения, незнания, одним словом, *случай в основе их конфлик-*

та. Происходящее не противоречит гармонии мира, связи не распались, они лишь чуть сдвинуты. Это поправимо.

Иначе будет в более поздних комедиях, появившихся на рубеже и в начале нового столетия. Их называют *серьезными, драматическим, проблемными* или для них привычно обыгрывают название одной из них: «Все хорошо, что хорошо кончается» (в другом русском переводе — «Конец — делу венец»). Нет, говорят, не всё: счастливый конец, подразумеваемый жанром комедии, не убеждает, что гармония восстановлена, ибо уже не случайными были ее нарушения. Одно дело — отцовский каприз, другое — оскорбленное чувство дворянской гордости, социальный предрассудок, через который должен переступить Бертрам, граф Руссильонский, по королевскому приказу берущий в жены дочь лекаря.

Или, как поверить, что узурпатор герцога, от злодейств и гнева которого персонажи бегут в Арденнский лес, располагающий не к феерическим чудесам, а к меланхолическому уединению, что этот самый герцог сам явится туда повинный и покаянный («Как вам это понравится», 1599—1600)? Справедливость восстановлена, но это уже откровенно поэтическая справедливость, счастливый конец, дописанный к не слишком счастливой истории. Разлад углубился, конфликт вошел в характеры, обстоятельства. И есть пьесы, где счастливый конец не позволяет сохранить прежнее жанровое обозначение: «Мера за меру» или еще ранее написанный «Венецианский купец».

В «Венецианском купце» уже прямо появляются герои, ломающие жанр: это и пораженный какой-то беспричинной меланхолией купец Антонио, и в еще большей мере купец-еврей Шейлок, написанный как будто с одной целью — показать, сколь разным может быть один и тот же человек, какие крайности сходятся в его натуре. Иногда считают, что этот характер полемичен по отношению к пьесе Марло «Мальтийский еврей», драматизовавшей национальный предрассудок, на месте которого Шекспир создает национальный характер. Характер — трагический и в этом смысле представляющий контраст с первой собственно шекспировской трагедией, годом ранее написанной, — «Ромео и Джульетта» (1595—1596). Если ли в ней трагический герой?

Действие открывается прологом, который произносит хор, в четырнадцать строк вместивший все ее содержание и даже предложивший свое объяснение: «...судьба подстраивает козни» (*пер. Б. Пастернака*). Запомним: *судьба!*

Потом первая сцена — ссора фарсовая, пародийная по отношению к вражде, раздирающей два старинных дома в славном городе Вероне: Монтекки и Капулетти. Такое комическое предварение, иногда даже без слов — пантомимой, было принято, так что Шекспир еще раз, как и в прологе, подтвердил свое согласие следовать литературным и сценическим обычаям. Вплоть, как видим, до мотивировки — *судьба препятствует любви*.

Так ли это в действительности?

У этого объяснения в трагедии есть свой верный сторонник, свой рупор. Это Ромео. Не раз, особенно предвосхищая какой-либо

важный поступок, шаг, он читает в звездах «грядущего недобрые приметы», пока, наконец, изгнанный из родного города, не получит ложного известия о смерти Джульетты и не вспомнит о них в последний раз: «Я шлю вам вызов, звезды!» (V, сц. 1). И всё. И больше — ни слова о звездах, о судьбе...

Как будто писал трагедию судьбы и не дописал, бросил перед самым финалом!

Шекспир, уже и становясь самим собой, не спешит ничего менять, а если меняет, то склонен скрыть свои новшества за привычным фасадом. Зритель ожидает трагедии, и автор не хочет обмануть его ожиданий, оставляя узнаваемые приметы жанра, его мотивировки, заставляя своего героя говорить с чужого голоса — с голоса традиционно мыслящего героя трагедии.

Перемены обнаруживают себя в поступках и событиях. Там видим, что в трагедии, как и в хронике, срок и ход человеческой жизни отмеряется не длиной нити, которую прядут парки, а *по часам исторического времени*.

Противостояние Монтекки и Капулетти — это еще не конфликт трагедии, а лишь повод для конфликта, в котором враждующие дома по сути единомышленники. Они — по одну сторону баррикады. По другую — влюбленные. Вражда и любовь сошлись в трагедии, и вражда потерпела поражение — над телами любящих:

Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!

Значит, не *судьба* была против любви, а *вражда*, весь город, его расколотый и охваченный. Южный город, где кипение крови подогрето раскаленным зноем, как в сценах роковых убийств: сначала Меркуцио, потом Тибальта. Город, живущий еще по обычаям, завещанным прошлым, откуда и вражда неутихающая, хотя повод для нее давно затерян в памяти.

Вражда — из прошлого, средневекового, родового, феодального. А любовь?

Следуя современным тематическим рубрикам, впрочем весьма условным, и шекспировские трагедии пытаются подразделить: это философская, а это любовная... Невозможное для той эпохи подразделение. Ее философия начиналась с любви, с «Новой жизни» Данте, с сонетов Петрарки, с открытия платоновского Эроса, с восторженно узнаваемой в себе способности — любить. *Любящим приходит человек нового времени*. В любви утверждающим для себя мировую гармонию и земной мир, где ему предстоит обжиться основательнее, прочнее, по-деловому. Деловитость будет замечена позже, а сначала — любовь.

Трагедия «Ромео и Джульетта» появляется в окружении сонетов, в основном ей одновременных, в ней отзывающихся. Сонетный тон подхвачен и в трагедии, прежде всего самим Ромео. Говоря о любви, он не удерживается в пределах драматического белого стиха и срывается в рифмованный лирический, наслаждающийся любовным мучением, воспевающий его.

Фрагменты сонетной формы вспыхивают среди беседы, переби-

вая разговорную фразу, обнаруживая, что всегда Ромео — во власти одного чувства и одной мысли — о любви. Вот он впервые на сцене, уже влюбленный, но еще не в Джульетту, влюбленный в любовь, в женщину; а только что тут была новая вспышка старой семейной ссоры. Противоположности начинают для него соединяться еще прежде, чем они роковым образом сойдутся в его любви к Джульетте:

Где мы обедать будем? — Сколько крови!

Не говори о свалке. Я слышал.

И ненависть мучительна и нежность...

С первого бытового вопроса — к родственнику и другу Бенволио — он перескакивает мыслью поочередно на вражду и любовь, чтобы разразиться потоком сталкивающихся в противостоянии образов:

И ненависть, и нежность — тот же пыл

Слепых, из ничего возникших сил,

Пустая тягость, тяжкая забава,

Нестройное собрание стройных форм,

Холодный жар, смертельное здоровье,

Бессонный сон, который глубже сна.

Вот какова, и хуже льда и камня,

Моя любовь, которая тяжка мне.

1, сц. 1. *Пер. Б. Пастернака*

Как никому, Пастернаку вполне удаются эти мгновенные поэтические воспарения среди беседы, не выпадающие из ее стремительного ритма, то есть не тормозящие ритма сценического. И хранящие все напряжение мучительного наслаждения.

Такова сонетная любовь. Хотя нужно сказать, что в русских переводах самих шекспировских сонетов мы представляем ее несколько однообразнее, чем она есть в оригинале. Несмотря на то что сонеты переводятся со середины прошлого века и по сей день, широко известны они только в одном переводе — С. Маршака. Это и понятно. Не так часто переводным стихам выпадает стать фактом национальной поэтической культуры. Маршак перевел сонеты Шекспира в тот момент, когда на оригинальную лирическую поэзию был наложен идеологический запрет — как на явление упадническое, враждебное и прочая, и прочая. На рубеже 40—50-х годов традиция русской поэзии, какой она могла проникнуть в печать и дойти до читателя, не в последнюю очередь продолжилась этими переводами.

Они вошли в историю поэзии, но сегодня мы заново сравниваем их с оригиналом и замечаем расхождение с ним. Оно возрастает там, где Шекспир метафорически усложняет мысль, где он преступает заповеди куртуазного сонетного ритуала, то есть особенно в последних сонетах сборника, обращенных уже не к другу, а к прекрасной даме (начиная со 127-го сонета). Прекрасной, но в нарушение традиции не белокурой.

Для читателя сегодняшнего не велика разница: блондинка или брюнетка, но для шекспировского современника смысл замены был вполне понятен. Дело не в том, что поэт устанавливает новый тип физической красоты, нет, физическая красота теперь попадает

в иной ряд — духовных ассоциаций. «Белокурая» — по-английски fair, но этим же словом обозначался сложнейший комплекс нравственного совершенства. В эпитете, обозначающем темный цвет волос, эта смысловая цепь распадается, и само понятие любви, прежде высвечиваемое до бесплотности, вызывает совсем иные представления:

Издержки духа и стыда растрата —
Вот сладострастье в действии...

С о н е т 129

Это один из лучших шекспировских сонетов и один из первых, посвященных даме. В его переводе видна ограниченность стилистики, избранной Маршаком. В подстрочном переводе первая строка должна была бы звучать: «Издержки духа в пустыне стыда...» Из двух возможных значений слова «waste» — «пустыня» и «растрата» — переводчик выбрал наиболее употребительное, но наименее здесь поэтически соответствующее. Зато оно позволило риторически уравновесить строку, подав ее как пару аналогичных явлений, связанных соединительным союзом. Метафора была уничтожена, смысл сглажен, как и во второй строке, где вместо «сладострастья» у Шекспира сказано «похоть».

О трагедии «Ромео и Джульетта» иногда говорят: в ней нет *трагического героя*. Что имеют в виду? Мы ведь уже видели, как пунктуально эта традиционная роль исполняется самим Ромео: он живет трагическим предсказанием, он же подсказывает мотивировки, кивая на судьбу и звезды. Но это уже отработанные мотивировки, здесь ничего не объясняющие. По ходу событий становится ясно, что родилась новая трагедия — шекспировская. А родился ли новый герой, если Ромео мыслит по законам прежнего жанра?

Конечно, родился, ибо на столкновении со старым порядком — во всем — и возникает конфликт. Противореча ему, влюбленные старались сохранить видимость примирения, пока обстоятельства не вырвали у Ромео: «Я шлю вам вызов...»

И все-таки Ромео — *юность шекспировского героя*. В этом смысл возникающего иногда сомнения — есть ли он в этой пьесе? В будущем трагедия потребует героя целиком. Здесь же он отдает жизнь, но оставляет неприкосновенной любовь: прекрасную, не знающую сомнения, не допускающую внутрь себя несовершенство внешнего мира.

Такую любовь и считают сонетной. Ей, однако, в большей мере соответствуют шекспировские сонеты в русском переводе, чем в оригинале, где тема углублена и намечена в развитии: от «Ромео и Джульетты» к «Отелло» (1602—1603).

Ни у кого из персонажей первой трагедии не возникает вопрос: почему Ромео и Джульетта любят друг друга? И тот же вопрос мучительно занимает всех во второй: как могла полюбить Дездемона немолодого мавра, чужого среди итальянцев Венеции? Предполагают разное: отец ее, Бранцио, считает, что виной всему чары, колдовство; Яго уверен, что «попущение крови с мол-

чаливого согласия души» (I, сц. 3. *Пер. Б. Пастернака*). Сам Отелло, согласно старому русскому переводу, памятно мелодраматизирующему ситуацию, сообщал: «Она меня за муки полюбила...»

Надо было бы перевести — «за испытания» («dangers»), неизбежно выпадающие на долю профессионального воина. В переводе Б. Пастернака — именно эта мысль, усиленная настолько, что она даже перекочевала в монолог Дездемоны, который она произносит, будучи вызванной в сенат для объяснений: «Краса Отелло — в подвигах Отелло» (I, сц. 3). На самом же деле Дездемона говорит нечто иное...

Точнее Пастернака А. Радлова: «Дела Отелло — вот его лицо». И наконец, в идеально верном подстрочном переводе М. Морозова эта строка звучит так: «Я увидела лицо Отелло в его душе». Значимое и в какой-то мере предрекающее трагедию расхождение с объяснением Отелло: он искал для любви внешних достоинств, Дездемона со всей метафорической решительностью выражения перенесла ценности во внутренний мир.

Ею употреблено то же слово «mind», что в знаменитом определении любви, данном в 116-м сонете: «соединение двух душ» (Маршак перевел — «сердец»).

Любовь Ромео и Джульетты — такой же душевный союз, но он как бы само собой подразумевается во внешнем сродстве влюбленных, юных и прекрасных. Внешний план в «Отелло» имеет столь мало значения для этой любви, что даже внешние препятствия Шекспир подчеркнуто устраняет с пути влюбленных. Лишь в I акте возникает ощущение опасности, когда по нескольким репликам стало понятно могущество Брабанцио, почитающего себя обманутым мавром. Однако обстоятельства не в его пользу: началась война с Турцией, что резко повышает акции командующего венецианской армией Отелло. Последующее же действие и вовсе перенесено на Кипр, где он, Отелло, губернатор и единственный хозяин.

В отличие от «Ромео и Джульетты» обстоятельства здесь во власти героя, и тем трагичнее, что он этой властью не умеет распорядиться. Трагедия станет возможной, когда он поверит Яго, *доверится* венецианскому здравомыслию. Нам дано видеть, как любят в Венеции: легко, как Кассио Бьянку, по-деловому, по-семейному — как Яго Эмилию. Но так, как Отелло Дездемону, — так не любят и потому не могут верить в ее любовь.

Шекспир всегда повторяет основную тему трагедии в нескольких параллельных сюжетах (за что ему позже пеняли сторонники правильного построения, трех единств, среди которых главное — единство действия, им нарушаемое). Такой повтор необходим, чтобы судить об исключительности трагического героя, который не может не быть исключительным. Теряя это качество, он совершает трагическую ошибку.

Отелло поверил, что Дездемона — как все, и разрушил их душевный союз. Ромео и Джульетта погибают, побеждая вражду любовью, поскольку не изменили ей и себе. Трагедия Отелло

другая, подобна его любви. Все внешнее в этой трагедии — повод. *Все происходящее сдвинуто внутрь душевного мира*, которому принадлежит и любовь, и роковая ошибка, и главное крушение: крушение самой любви, после чего гармонию сменил хаос. Судьба? Никому здесь не приходит в голову о ней вспомнить, хотя неизбежность трагедии предсказывают — Яго прежде всего. Он исходит из своего знания людей и понимания их любви. В данном случае он обманулся, но ему удалось убедить Отелло...

И еще одно различие есть между трагедиями любви. В «Ромео и Джульетте» еще казалось, что все худшее — из прошлого, а будущее светло, оно за любовью. Теперь так не кажется: Яго современнее Отелло, Полоний — Гамлета...

IV

Зло есть добро, добро есть зло,
Летим, вскочив на помело!

Макбет. I, сц. 1.
Пер. Б. Пастернака

С новым веком для Шекспира начинается период «великих трагедий». Первым в хронологическом ряду стоит «Гамлет» (1600—1601). Что ему предшествовало? Из комедий всего ближе «Как вам это понравится» с философствующим о возрастах человеческого бытия Жаком-меланхоликом. *Меланхолия — болезнь нового века и поэтическое состояние его души*. Первым из героев Шекспира ею был поражен Антонио в «Венецианском купце», теперь — Гамлет. Она подталкивает к уединению, созерцанию, заставляет углубляться в себя и бросать печальный взгляд вокруг.

Еще «Гамлету» близок «Юлий Цезарь», но близок не через того, чьим именем названа эта *римская трагедия*, а по линии ее нравственного идеалиста Брута. Он слишком одинок, чтобы победить, и слишком предан добру, чтобы выжить. Но когда он погибает, даже его противник Антоний не может удержаться от произнесения ему посмертной хвалы:

Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человек был!»

Пер. М. Зенкевича

Эти приближенные к финалу строки «Юлия Цезаря» будут удивительно подхвачены в следом за ним написанном «Гамлете». Еще ни о чем не зная, Гамлет спрашивает своего единственного друга — Горацио, помнит ли тот его отца. Ответ Горацио: «Он был король». Реплика-возражение Гамлета:

Он человек был в полном смысле слова.
Уж мне такого больше не видать.

I, сц. 2. *Пер. Б. Пастернака*

И в том, и в другом случае, продолжая традицию гуманистической мысли Возрождения, слово «человек» звучит как обозначение высшей мыслимой ценности, высшая похвала, но теперь глаголом прошедшего времени отодвигается в невозвратное прошлое: «*Он человек был...*» И такого более не будет.

Либо с горьким осознанием этой новой правды, либо в попытке опровергнуть ее написаны три «великие трагедии»: «Гамлет», «Король Лир», «Макбет» (1600—1606). Когда-то к ним, чтобы характеризовать их общность, их цикличность, пытались применить термин *тронные*. Термин неточный в том смысле, что смещает трагическую тему в другой жанр — хронику. Там место — короне и трону, атрибутам власти, под знаком которой все происходит и решается. У трагедии другой магистральный сюжет — Человек.

Но термин верен в том смысле, что одним из доминирующих признаков великой личности избирается ее отношение к власти.

Отношение Гамлета наиболее неопределенно, хотя и для него весь клубок проблем завязался вокруг трона, которого его незаконно лишили и который он не спешит, может быть, даже не хочет занять.

Отношения Лира и Макбета к власти противоположны. Лир — король, о чем сказано в самом заглавии трагедии, начинающейся с того, что он им более не хочет быть. Всей своей судьбой он готов подтвердить верность гамлетовского возражения Горацио: не король, но человек. Лир просит любви, а не почитания. Просит, чтобы в нем увидели человека, но делает это по-королевски, не умея снизойти до чужой человечности, понять ее. Чтобы понять, он должен будет прожить всю трагедию.

Макбет мечтает о троне, но не имеет на него права, *наследственного* права, которому противопоставляет другое — *человеческое*. Не он ли единственный здесь достоин трона? За этим вопросом — весь ужас трагедии, но логика вопроса разве не продиктована гуманистической мыслью, все меряющей достоинством человека и призывающей освободиться от всего, что препятствует осуществлению достойной личности?

Снова о гении и злодействе, об их совместности, о том, есть ли и должен ли быть нравственный предел для поступков великого человека? Макбет знает ответ, и это знание заставляет его колебаться:

Решусь на все, что в силах человека.
Кто смеет больше, тот не человек.

I, сц. 7. *Пер. Б. Пастернака*

Знает, колеблется и все-таки совершает злодеяние, возносящее его на вершину земного величия, но лишаящее права *быть человеком*.

Исполнилось предсказание ведьм и аукнувшееся с ним предсказание первых слов, произнесенных в пьесе самим Макбетом. Первые слова героя обычно важны как задающие тон характеру, судьбе, значащие порой больше, чем ведомо самому герою. Макбет не слышал песенки ведьм с ее припевом: «Зло есть добро, добро есть зло...» В оригинале: «Fair is foul, and foul is fair».

Но Макбет откликается на них в первом же выходе, имея в виду только что им выигранную битву: «So foul and fair a day I have not seen».

У Пастернака: «Прекрасней и страшней не помню дня». К сожалению, и другие русские переводы (А. Радловой, Ю. Корнеева) эту переключку не улавливают, не сохраняют, а с нею и очевидность того, что ведьмы пророчествуют не больше, чем есть в душе, в тайных помыслах героя. Помыслы, которые сами по себе прекрасны и ужасны, *fair and foul*.

Выше уже шла речь о том, что, заменив в сонетах традиционно белокурую красавицу темноволосой смуглянкой, Шекспир произвел смещение важного духовного понятия «fair». Там это еще была сложная, даже двусмысленная игра: с одной стороны — отвлеченно прекрасное переводилось в земной план («Но милая ступает по земле» — сонет 130, пер. С. Маршака), с другой же — в этом земном воплощении ощущалась угроза духу, опасность, что чувственное возобладает и прорвется «похоть».

В «Макбете» уже необратимо прекрасное сливается со своей противоположностью, переходит в нее: что есть в пьесе выше, прекраснее Макбета в начале и что ужаснее его в конце? И самое ужасное в сознании эпохи то, что перерождается объект ее веры: Человек.

Вместе с этим сознанием приходит боязнь поступка, действия, каждого шага, ибо каждым человек все прочнее связывает себя с несовершенным миром, как бы пособничает его несовершенствам: «Так всех нас в трусов превращает мысль...» (Гамлет. III, сц. 1. Пер. Б. Пастернака).

Почему медлит Гамлет? Сакраментальный вопрос, на который отчасти уже дан ответ. Поэтому зададим другой: «А откуда нам известно, что он медлит?»

Прежде всего от Гамлета же, казнящего, понукающего себя — к действию, имя которому...

Завершая второй акт, Гамлет, наконец, возбудит себя настолько, что произнесет нужное слово и как будто в нужном тоне. Во всяком случае к этому он себя распал, подхлестывал. Произойдет это после сцены с актерами, готовыми сыграть перед королем-узурпатором Клавдием изболiviaющую его пьесу. Для полноты сходства событий с убийством его отца Гамлет дописывает несколько строк, и «мышеловка» готова. Вот он один. Вспоминает актера, читавшего ему монолог, восхищен им сыгранной страстью, хотя, казалось бы, «что он Гекубе? Что ему Гекуба?». Но это достойный пример для подражания ему, Гамлету, имеющему действительный повод потрясти небо и землю. Он же молчит, когда ему следует возопить: «О мщенье!»

Он вырвал у себя это слово — на пределе пафоса и голоса, чтобы тут же одуматься и одернуть себя: «Ну и осел я, нечего сказать».

Всего пятью годами ранее Ромео был согласен хотя бы внешне сохранить видимость традиционной роли трагического героя. Гамлет откровенно идет с ней на разрыв, не умея и, как оказывается, не желая выступить привычным публике героем-мстителем, тем более что эту роль есть кому сыграть. Показать ее в исполнении превосходно может актер, а непосредственно воплотить в действие — Лаэрт, Фортинбрас... Гамлет готов восхититься их решимостью, их чувством чести, но не может не чувствовать бессмысленности их деяний:

Двух тысяч душ, десятков тысяч денег
Не жалко за какой-то сена клоч!

IV, сц. 4. *Пер. Б. Пастернака*

Так он откликается на поход Фортинбраса в Польшу. Фортинбрас — человек рыцарской чести (как некогда Готспер в хронике), а не расчета, не мысли, которая сковывает действия.

На этом героическом фоне отчетливее проступает бездеятельность Гамлета, диагноз которой ставят уже два столетия: слаб, нерешителен, подавлен обстоятельствами, наконец, болен. В эти раздумья очень уместно вмешался великий поэт и критик нашего столетия Т. С. Элиот, начав свое эссе о трагедии с утверждения, что «пьеса «Гамлет» — первостепенная проблема, а Гамлет как характер — только второстепенная» (1919).

Герой живет в произведении, которое само по себе живет в традиции, перекликается с другими ему подобными, воплощающими тот же тип, тот же жанр. В данном случае популярнейший жанр шекспировского театра — *трагедия мести*.

У него свой угол зрения на мир, своя философия. Почему обязательно мстить? Мы ошибемся, если предположим, что дело это исключительно личное. Совсем не личное. Как провозглашает хор в первой английской трагедии «Горбодук» (написанной и поставленной в назидание только что вступившей на трон Елизавете), «кровь требует крови, а на смерть следует ответить смертью, ибо так в этом по справедливости установленном вечном мироздании справедливо потребовал Юпитер».

Иными словами, такова Божественная справедливость, воплощенная мировым законом бытия, который может быть подорван: если кому-то причинено зло, то, значит, зло причинено всему целому, оно проникло в мир. Мстя, мы восстанавливаем гармонию. Отказываясь от мести, выступаем соучастниками ее уничтожения.

Таков закон, от которого дерзает отступить Гамлет. Шекспир и зрители того времени, безусловно, понимали, от чего он отступил в своем нежелании мстить. И сам Гамлет понимает смысл той роли героя-мстителя, в которой помимо воли оказался.

Хотя в шекспировских пьесах деление на акты принадлежит издателям Первого Фолио (в прижизненных публикациях пьес его,

как правило, не было), но писал Шекспир, имея в виду эту установленную со времен поздней античности формальную композицию. На конец первого акта у него обычно приходится рифмованное двустишие с эпиграмматически точной формулировкой героем или кем-то из персонажей сложившейся ситуации и возможности ее развития в дальнейшем. В старом русском переводе А. Кронеберга первый акт «Гамлета» памятно завершается так:

Ни слова боле: пала связь времен!
Зачем же я связать ее рожден?

Для чего он рожден, Гамлет знает, но исполнит ли свое предназначение? И вопрос этот относится в общем не к его человеческим качествам: силен он или слаб, вял или решителен. Всей трагедией подразумевается вопрос не о том, каков Гамлет, а о том — каково его место в мире. Это предмет его трудного раздумья, его смутных догадок. И не только его, героя, но и автора — Шекспира. Завершая уже цитированное выше эссе, Т. С. Элиот скажет о том, что таинственность трагедии обусловлена не проблемой, оказавшейся не по силам герою, как многие полагают, а проблемой, оказавшейся не по силам Шекспиру. В этом — не слабость его, а гениальность: в «Гамлете», как нигде, он угадывал нечто небывалое и нечто уводящее вперед — на века.

Чтобы воспринимать акт мести имеющим всемирное значение, восстанавливающим всеобщую гармонию, нужно было мыслить по-старому, эпически, как мыслил Глендаур в «Генрихе IV»: если Природа отключается на рождение героя, то и сам он наделен способностью ответить ей, единым поступком вмешаться в ход ее событий. Надо для этого мыслить себя необходимой и важной частью мирового механизма. А Гамлет уже иной...

Когда-то Л. Е. Пинский афористично назвал его первым «рефлектирующим героем» мировой литературы. Первым, у кого мысль возобладала над способностью действовать. То, что нравственное размышление сковывает волю и действие, знают и другие герои Шекспира. В первом акте «Ричарда III» убийца, подосланный к Кларенсу, говорит о совести, превращающей в труса; в пятом акте о том же скажет сам король Ричард. Они выбрали поступок и злодейство. Гамлет выбрал мысль, сделавшись «первым рефлектирующим», а через это — *первым отчужденным героем мировой литературы*.

Отчужденный от мира, он уже внутренне не верит, что его единственный удар что-то может решить в мировой гармонии, что ему, независимо от того — слаб он или силен, в одиночку можно что-то изменить, тем более «вправить вывихнутое Время». Осознание своего отношения к миру всего труднее дается герою, поскольку это и есть проблема небывалой сложности и небывалой новизны. Вся трагедия — процесс осознания как для героя, так и для автора.

Катастрофично именно отчуждение Гамлета, нарастающее по ходу действия. На наших глазах довершается разрыв связей с пре-

жде близкими людьми, с прежним собой, со всем миром представлений, в котором он жил, с прежней верой... Тайна трагедии в том, что ее стройность постоянно под угрозой: с одной стороны — от бездействия героя, с другой — от его рефлексии. Говорят даже о двух Гамлетах: *Гамлете действия* и *Гамлете монологов*, весьма между собою различных. Колеблющийся и размышляющий — второй; над первым же еще сохраняет власть инерция общепринятого, инерция самой жизни. И даже инерция собственного характера, как мы можем судить, по своей природе отнюдь не слабого, решительного во всем, пока дело не касается главного решения — мстить. Тут Гамлет переходит к монологам.

Отчуждение будет и далее трагически нарастать в шекспировских пьесах. Правда, не в «великих трагедиях», написанных вслед «Гамлету». В них — последняя попытка эпически цельного и прекрасного (*fair*) героя пробиться в мир: *любовью* — Отелло, *добром* — Лир, *силой* — Макбет. Это не удастся: *Время* становится непроницаемым для них. Это слово у Шекспира, часто с заглавной буквы, подсказывает определение тому типу трагедии, который он создал: не трагедия судьбы, не тронная трагедия, конечно, а *трагедия Времени*. Оно — противник, который роднит всех его трагических героев. И еще их роднит неизбежность поражения, подтверждающего, что «связь времен» действительно и необратимо распалась, что мир сделался ужасен (*foul*) и от него лучше стоять в отдалении.

Именно так поступают герои следующего цикла — *римских трагедий* (1606—1608). Впрочем, и это решение не делает их счастливыми. Трагедия теперь теряет в величии, в человеческом размахе, но приобретает еще более горький привкус неизбежности. Одни добровольно, другие после краха иллюзий замыкаются в отчуждении. Антония любовь, ведущая к Клеопатре, уводит из мира («Антоний и Клеопатра»). А давно ли, по ренессансному эталону, любовь связывала, а не разъединяла; ее глазами смотрели на мир и видели его необычно цельным, гармоничным?

Тимон споткнулся о тему нового века, тему всей мировой литературы на последующие века — *деньги* («Тимон Афинский»). Вот зачем теперь всеобщность власти и объединяющей силы, способность замещать любые достоинства — это было открытием, потрясшим, отвратившим от человечества. Оказалось, что новый человек пришел не для того, чтобы любить, а — делать деньги.

«Кориолан» — финал еще одной важной шекспировской темы, прошедшей сквозь все жанры: *народной*. Уже в хрониках обозначилось: народ — регулятор общественной гармонии, показатель всеобщего благополучия, но и возможный нарушитель его. Чтобы стать мудрым правителем, принц Генрих прошел сквозь *народный смеховой* — фальстафовский — фон, но, придя к власти, изгнал учителя. Власть — для народа, но не для того, чтобы потакать его слабостям. Народ часто принимает за правду призрак правды, и с ним вернее находит язык не честный Брут, а ловкий Марк Антоний («Юлий Цезарь»).

Великий Кай Марций не обольщается народной любовью даже в минуту своего триумфа, когда за победу над врагом он всенарод-

но пожалован почетным именем Кориолана (по названию взятого им города *Кориоли*). Он и тогда не отвечает на любовь, не желает смирить или хотя бы скрыть, как делают другие патриции, своего высокомерного презрения к черни. Тем он обрекает себя на изгнание и гибель, а Рим — на незащищенность перед лицом врага.

Чем более велик человек, тем вернее он обречен на отчуждение и гибель. Да и само его величие все более видится в прошлом. В настоящем — отчаяние, в будущем — сказка или утопия.

Именно так — *утопически* — доигрывается финал шекспировского спектакля: «Зимняя сказка», «Буря» (1611—1612). Если в начале творчества — открытие исторического времени, то в финале — выход за его пределы. «Игра и произвол — закон моей природы», — поет хор-Время в «Зимней сказке» (IV. *Пер. В. Левика*). Счастье, недостигнутое в Истории, манит фантазию.

Последние пьесы создаются в фантастическом и смешанном жанре *трагикомедии*. Они часто звучат как бы послесловием к трагическим сюжетам, повторяя ситуацию, но меняя их развязку — с надеждой на лучшее. В «Зимней сказке», как, скажем, и в «Отелло», — любовь и ревность. А «Буре» — всё сразу: коварство, злодейство, узурпация трона и свободы, но все это до начала действия. Теперь злодеи в руках мудрого мага и волшебника, некогда герцога Милана, а теперь обитателя пустынного острова, где, кроме него самого, его дочери и волшебных существ, никто не живет. В его власти казнить и миловать.

Просперо все знает, все видит: и отдельных людей, и человека в целом. Как он изменился теперь — взгляд на человека! Неужели это Калибан: существо, стоящее между Разумом и Природой, которая, однако, отзывается в нем не благостью, а зверством и биологией, поражая той самой раздвоенностью, что в XX веке заметит З. Фрейд, а в XVII — Шекспир?!

Просперо все видит, над всеми имеет власть, но, подобно королю Лиру, не желает ею воспользоваться. Он бросает в море свой волшебный посох и хочет быть равным со всеми, хотя едва ли обольщается вместе со своей юной дочерью, впервые увидевшей людей как пришельцев из дивной страны:

О чудо! Сколько вижу я красивых
Созданий! Как прекрасен род людской!
О дивный новый мир, где обитают
Такие люди!

V, сц. 1. *Пер. О. Сороки*

Преображающая реальность сила утопического зрения... Однако, как известно, эти слова перейдут в название одной из самых прославленных и горьких антиутопий XX столетия — романа О. Хаксли «О дивный новый мир».

Рассказывают, что одному англичанину удалось дожить до зрелых лет, не читав Шекспира. Наконец, его уговорили. Он прочел и разочаровался: «Собрание всем известных цитат».

Анекдот. Шутка, но, как и всякая хорошая шутка, — по серьезному поводу. Для человека англоязычной культуры Шекспир — это

прежде всего язык, которым говорят теперь и который родился в его поэзии. Язык определяет мышление, независимо от того, в какой мере люди это сознают. Он направляет мысль, он строит культуру.

Для тех, кто знает Шекспира в переводе, языковое начало отступает на второй план, хотя поколениями переводчиков создан свой Шекспир, хотя многое вошло в язык — образами, цитатами, названиями... Но вот различие. На языке оригинала названия чаще всего подхватывают образные формулы: «Шум и ярость» Фолкнера, «Зима тревоги нашей» Стейнбека, «Пироги и пиво» Мозма... А русские названия чаще указывают на характеры: «Гамлет Щигровского уезда» и «Стелной король Лир» Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова...

Языковое в переводе неизбежно бледнеет, но общечеловеческое звучит с не меньшей, быть может, умноженной силой. Для нас Шекспир менее поэт, но автор всемирной драмы, создатель небывалых характеров и писатель в том русском значении, которое сопутствует этому имени. В знании человека видят величие Шекспира и о человеке же спорят с ним, как спорил Лев Толстой, судивший шекспировских персонажей по законам своей психологии, «диалектики души», которой они не соответствовали, или ему казалось — не соответствовали. Вот, скажем, Лир — все неправдоподобно: на старости лет бросает дом, бежит в бурю, умирает в поле... Вспоминают, что на это гениальный исполнитель Лира на сцене еврейского театра Михозлс заметил: а сам Толстой разве не то же самое сделал?

...В том году, когда Шекспир родился, умер последний из великих титанов итальянского Возрождения — девяностолетний Микеланджело Буонарроти. В его скульптурах из каменной неразличимости в мир глянуло лицо нового человека, зримое, живое. Оно же — в галерее шекспировских типов. Новый мир... Дивный? Пугающий? Внушающий надежду или разочарование?

Каков бы он ни был — он новый и неизбежный. Шекспир присутствовал при его рождении, скрывая свой лик в тени уходящего Времени, по закону которого человек еще принадлежал в большей мере не себе, а всем: *Природе и Человечеству*. Но Время вышло из пазов, единство распалось, замелькало множество лиц, быть может поражающих не прежним величием, но новым разнообразием. За прошедшие с тех пор уже почти четыре века мы не так много к этому разнообразию смогли добавить. Остается с доверием повернуться к нему, всмотреться и узнать — сцены собственной жизни и самих себя, каким мы были при начале нашего Времени.

И. ШАЙТАНОВ

Ромео и Джульетта
Трагедия в 5 актах

Перевод
Б. Пастернака

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал¹, князь веронский.

Граф Парис, молодой человек, родственник князя.

Монтекки }
Капулетти } главы двух враждующих домов.

Дядя Капулетти.

Ромео, сын Монтекки.

Меркуцио, родственник князя, друг Ромео.

1 Бенволио, племянник Монтекки, друг Ромео.

Тибальт², племянник леди Капулетти.

Брат Лоренцо }
Брат Джованни } францисканские монахи.

Балтазар, слуга Ромео.

Самсон }
Грегорио } слуги Капулетти.

Петр, слуга кормилицы.

Абрам, слуга Монтекки.

Аптекарь.

Три музыканта.

Паж Париса.

Первый горожанин.

Леди Монтекки, жена Монтекки.

Леди Капулетти, жена Капулетти.

Джильетта, дочь Капулетти.

Кормилица³ Джульетты.

Горожане Вероны, мужская и женская родня
обоих домов, ряженые, стража, слуги. Хор.

Место действия — Верона и Мантуя⁴.

ПРОЛОГ

Входит хор.

Хор

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречают нас события,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.
Их жизнь, любовь и смерть и, сверх того,
Мир их родителей на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера —
Их сгладить постарается игра.

АКТ I

СЦЕНА 1

Верона. Площадь.

Входят Самсон и Грегорио, слуги Капулетти,
с мечами и щитами.

Самсон

Грегорио, уговор: перед ними не срамиться.

Грегорио

Что ты! Наоборот. Кого ни встречу, сам осрамлю.

Самсон

Зададим им баню!

Г р е г о р и о

Самим бы выйти сухими из воды.

С а м с о н

Я скор на руку, как раскипчусь.

Г р е г о р и о

Раскипятить-то тебя — не скорое дело.

С а м с о н

При виде монтекковских шавок я вскипаю, как кипяток.

Г р е г о р и о

Кипеть — уйдешь. Вскипишь — и наутек, как молоко. А смелый упрется — не сдвинуть.

С а м с о н

Перед шавками из дома Монтеки я упрусь — не сдвинуть. Всех сотру в порошок: и молодцов и девок!

Г р е г о р и о

Подумаешь, какой ураган!

С а м с о н

Всех до одного. Молодцов в сторону, а девок по углам и в щель.

Г р е г о р и о

Ссора-то ведь господская и между мужской прислугой.

С а м с о н

Все равно. Слажу с мужской, примусь за женскую. Всем покажу свою силу.

Г р е г о р и о

И бедным девочкам?

С а м с о н

Пока хватит мочи, и девочкам. Я, слава богу, кусок мяса не малый.

Г р е г о р и о

Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты соленой трескою. Скорей, где твой меч? Вон двое монтекковских.

С а м с о н

Готово, меч вынут. Задери их. Я тебя не оставлю.

Г р е г о р и о

Это еще что за разговор? Как! Струсить и показать пятки?

С а м с о н

Обо мне не беспокойся.

Г р е г о р и о

Есть о ком беспокоиться!

С а м с о н

Выведем их из себя. Если они начнут драку первыми, закон будет на нашей стороне.

Г р е г о р и о

Я скорчу злое лицо, когда пройду мимо. Посмотрим, что они сделают.

С а м с о н

Я буду грызть ноготь⁶ по их адресу. Они будут опозорены, если смолчат.

Входят А б р а м и Б а л т а з а р.

А б р а м

Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

С а м с о н

Грызу ноготь, сэр.

А б р а м

Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

С а м с о н

(вполголоса Грегорио)

Если это подтвердить, закон на нашей стороне?

Г р е г о р и о

(вполголоса Самсону)

Ни в коем случае.

С а м с о н

Нет, я грызу ноготь не на ваш счет, сэр. А грызу, говорю, ноготь, сэр.

Г р е г о р и о

Вы набиваетесь на драку, сэр?

А б р а м

Я, сэр? Нет, сэр.

С а м с о н

Если набиваетесь, я к вашим услугам. Я проживаю у господ ничуть не хуже ваших.

А б р а м

Но и не у лучших.

Г р е г о р и о

(в сторону, Самсону, заметив вдали Тибальта)

Говори — у лучших. Вон один из хозяйской родни.

С а м с о н

У лучших, сэр.

А б р а м

Вы лжете!

Входит Бенволио.

С а м с о н

Деритесь, если вы мужчины! Грегорио, покажи-ка им свой молодецкий удар.

Дерутся.

Б е н в о л и о

Оружье прочь — и мигом по местам!

Не знаете, что делаете, дурни.

(Выбивает у них мечи из рук.)

Входит Тибальт.

Т и б а л ь т

Как, ты сцепился с этим мужичьем?

Вот смерть твоя — оборотись, Бенволио!

Б е н в о л и о

Хочу их помирить. Вложи свой меч,

Или давай их сообща разнимем.

Т и б а л ь т

Мне ненавистен мир и слово «мир»,

Как ненавистен ты и все Монтекки.

Постой же, трус!

Дерутся.

Входят приверженцы обоих домов и присоединяются к дерущимся;
затем горожане с дубинками и алебардами.

П е р в ы й г о р о ж а н а н

Сюда с дубьем и кольями! Лупи!

Долой Монтекки вместе с Капулетти!

Входят Капулетти в халате и леди Капулетти.

К а п у л е т т и

Что тут за шум? Где меч мой боевой?

Л е д и К а п у л е т т и

Костыль ему! Меча не доставало!

К а п у л е т т и

Подать мне меч! Монтекки — на дворе

И на меня свое оружие поднял.

Входят Монтекки и леди Монтекки.

Монтекки
Ты, Капулетти, плут! Пусти, жена!

Леди Монтекки
К дерущимся не дам ступить ни шагу!

Входит князь со свитой.

Князь
Изменники, убийцы тишины,
Грязнящие железо братской кровью!
Не люди, а подобия зверей,
Гасящие пожар смертельной розни
Струями красной жидкости из жил!
Кому я говорю? Под страхом пыток
Бросайте шпаги из бесславных рук
И выслушайте княжескую волю.
Три раза под влияньем вздорных слов
Вы оба, Капулетти и Монтекки,
Резней смущали уличный покой.
Сняв мантии, советники Вероны
Сжимали трижды в старческих руках
От ветхости тупые алебарды,
Решая тяжбу дряхлой старины.
И если вы хоть раз столкнетесь снова,
Вы жизнью мне заплатите за все.
На этот раз пусть люди разойдутся.
Вы, Капулетти, следуйте за мной,
А вас я жду, Монтекки, в Виллафранке^а
По делу этому в течение дня.
Итак, под страхом смерти — разойдитесь!

Все уходят, кроме Монтекки, леди Монтекки и Бенволио.

Монтекки
Кто сызнова затеял этот спор?
Скажи, племянник, ты ведь был при этом?

Бенволио
Я нашу дворню с челядью врага
Уже застал в разгаре рукопашной.
Едва я стал их разнимать, как вдруг
Неистовый Тибальт вбежал со шпагой
И ею стал махать над головой.
Он вызывал меня на бой, а ветер
Насмешливо свистел ему в ответ.
Пока чередовали мы удары,

С толпой людей, сбежавшихся на зов,
Явился князь и ронял драчунов.

Л е д и М о н т е к к и

А где Ромео? Виделись вы с ним?
Он не был тут? Он правда невредим?

Б е н в о л и о

Сударыня, за час пред тем, как солнце
Окно востока золотом зажгло,
Я в беспокойстве вышел на прогулку.
Пересекая рошу сикомор,
У западных ворот я натолкнулся
На сына вашего. Он там гулял
В такую рань. Я зашагал вдогонку.
Узнав меня, он скрылся в глубине,
И так как он искал уединенья,
То я его оставил одного.

М о н т е к к и

Его там часто по утрам видали.
Он бродит и росистый пар лугов
Парами слез и дымкой вздохов множит.
Однако, только солнце распахнет
Постельный полог в спальне у Авроры,
Мой сын угрюмо тащится домой,
Кидается в свой потаенный угол
И занавесками средь бела дня
Заводит в нем искусственную полночь.
Откуда этот неотступный мрак?
Хочу понять и не пойму никак.

Б е н в о л и о

Вы знаете причину, милый дядя?

М о н т е к к и

Не ведаю и не могу узнать.

Б е н в о л и о

С расспросами к нему вы обращались?

М о н т е к к и

А как же! Я и лучшие друзья.
Но он непроницаем для расспросов
И отовсюду так же защищен,
Как червяком прокушенная почка,
Которая не выгонит листа
И солнцу не откроет сердцевины.

Ты спрашиваешь, знаю ль я причину?
Когда б я знал печали этой суть,
Я б излечил больного чем-нибудь.

Входит Ромео.

Бенволио
А вот и он. Вы здесь как бы случайно.
Увидите, я доберусь до тайны.

Монтекки
Пойдем, жена. Оставим их вдвоем,
Как исповедника с духовником.

Монтекки и леди Монтекки уходят.

Бенволио
Ромео, с добрым утром!
Ромео
Разве утро?

Бенволио
Десятый час.

Ромео
Как долг час тоски!
Что это, не отец мой удалился?

Бенволио
Да, твой отец. Какая же тоска
Тебе часы, Ромео, удлиняет?

Ромео
Тоска о том, кто б мог их сократить.

Бенволио
Ты по любви тоскуешь?

Ромео
Нет.

Бенволио
Ты любишь?

Ромео
Да, и томлюсь тоскою по любви.

Бенволио
О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!

Ромео
Как сразу, несмотря на слепоту,
Находит уязвимую пяту!—
Где мы обедать будем?—Сколько крови!

Не говори о свалке. Я слышал.
И ненависть мучительна и нежность.
И ненависть и нежность — тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собрание стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Ты не смеешься?

Бенволио

Нет, скорее плачу.

Ромео

О чем, дружок?

Бенволио

В ответ слезам твоим.

Ромео

Какое зло мы добротой творим!
С меня и собственной тоски довольно,
А ты участием делаешь мне больно.
Заботами своими обо мне
Мою печаль ты растравил вдвойне.
Что есть любовь? Безумье от угара.
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье — необдуманности ради,
Смешение яда и противоядия.
Прощай, дружок.

Бенволио

Постой, ты слишком скор.

Пойду и я, но кончим разговор.

Ромео

Я потерял себя, и я не тут.
Ромео нет, Ромео не найдут.

Бенволио

Нет, не шутя скажи: кого ты любишь?

Ромео

А разве шутки были до сих пор?

Бенволио

Конечно, нет. Но кто она, без шуток?

Ромео

Скажи больному у его одра,
Что не на шутку умирать пора.
Она не в шутку женщина, приятель.

Бенволио

Я так и знал, и бью не в бровь, а в глаз.

Ромео

Лихой стрелок, но дева не про нас.

Бенволио

Чем лучше цель, тем целимся мы метче.

Ромео

Сюда неприложимы эти речи.
У ней душа Дианы, Купидон
Не страшен девственности и смешон.
Она не сдастся на умильность взора
Ни за какие золотые горы.
Красавица, она свой мир красот
Нетронутым в могилу унесет.

Бенволио

А что, она дала обет безбрачья?

Ромео

Увы, дала и справится с задачей.
От этой девы и ее поста
Останется в потомстве пустота.
Она такая строгая святая,
Что я надежд на счастье не питаю,
Ей в праведности жить, а мне конец:
Я не жилец на свете, я мертвец.

Бенволио

Советую, брось помыслы о ней.

Ромео

Так посоветуй, как мне бросить думать.

Бенволио

Дай волю и простор своим глазам —
Другими любуйся.

Ромео

Это способ
Признать за ней тем больше совершенств.

В разрезах черных масок с большей силой
Сверкают лица женщин белизной.
Ослепший вечно помнит драгоценность
Утраченного зренья. А в чертах
Красавиц я прочту напоминанье
О той, кто без сравненья лучше всех.
Забвенью все же я не научился.

Б е н в о л и о

Я научу, как ты бы ни крепился.

Уходят.

СЦЕНА 2

Улица.

Входят Капулетти, Парис и слуга.

Капулетти

Монтекки и меня оштрафовали.

А разве трудно было б жить в ладу?

Парис

Да, это странно. Два почтенных старца —

И почему-то вечно на ножах.

Однако вы мне не дали ответа.

Капулетти

Я повторю, что я уже сказал:

Ведь дочь моя совсем еще ребенок,

Ей нет еще четырнадцати лет⁹,

Еще повремените два годочка,

И мы невестою объявим дочку.

Парис

Вступают в брак моложе, чем она.

Капулетти

Но эта зрелость ранняя вредна.

Мои надежды пожрала могила,

И небо только дочь мне сохранило.

Столкнитесь с нею, дорогой Парис, —

Вот все, что надо, чтобы мы сошлись.

Узнайте наперед ее желанья,

А я благословляю вас заране.

Сегодня вечером у нас прием —
Мы ежегодный праздник задаем.
Тут соберется множество народа.
Мы будем рады вашему приходу.
Вы попадете на богатый съезд,
Как звезды ночи, блещущих невест
И будете свидетелем веселья,
Подобного разливу вод в апреле.
Когда вас окружит их хоровод
И вы очутитесь среди красот,
Решите вы, какая с большей силой
Воображение ваше поразила.
Без права на такую похвалу
Дочь будет тоже ночью на балу.
Пойдемте, граф.

(Слуге, отдавая ему записку.)

А ты, мошенник низкий,
Всех приглашенных обойди по списку.
Скажи гостям, чье имя здесь стоит,
Что вход для них широко к нам открыт.

Капулетти и Парис уходят.

С л у г а

«Обойди по списку, обойди по списку»! А кто поймет этот список? А может, тут написано, что дело сапожника — аршин, а дело портного — колодка. «Обойди по списку»! А может, тут написано, что рыбу ловят кистью, а крыши красят неводами. «Скажи гостям, чье имя здесь стоит»! А ты мне скажи, чье здесь стоит имя? Для этого есть некоторые умеющие. Да вот они! Легки на помине.

Входят Бенволио и Ромео.

Б е н в о л и о

Молчи, мой друг. Огонь огнем встречают,
Беду — бедой и хворью лечат хворь,
Круженьем вспять кружение прекращают,
И ты с бедою точно так же спорь.
Схватить старайся новую заразу,
И прежняя не вспомнится ни разу.

Р о м е о

Хорош при этом также подорожник¹⁰.

Б е н в о л и о
При чем, дружок?
Р о м е о
При переломе ног.

Б е н в о л и о
Да ты не спятил?

Р о м е о
Нет, совсем не спятил,
Но на цепи, как спятивший с ума,
Замучен и в смирительной рубашке.

С л у г а
Здорово, сэр. Вы мастер ли читать?

Р о м е о
О да! Свой жребий по складам несчастий.

С л у г а
Спасибо за откровенность. А нам надо, которые по писаному.

Р о м е о
Куда ты? Я пошутил. Дай я прочту. (*Читает.*) «Позвать синьора Мартино с супругой и дочерьми; графа Ансельмо с его прекрасными сестрами; вдовствующую госпожу Витрувио; синьора Плаченцо и его милых племянниц; Меркуцио с его братом Валентином; дядю Капулетти с женой и дочерьми; прелестную племянницу Розалину; Ливию; синьора Валенцио с его братом Тибальтом; Лючио и его резвуху Елену».

Прекрасный выбор! А куда их ждут?

С л у г а
Вон в тот конец.

Р о м е о

Куда?

С л у г а

К нам в дом на ужин.

Р о м е о

В чей дом?

С л у г а
Хозяйский дом.

Р о м е о

Об этом всё

Я должен был спросить тебя сначала.

С л у г а
Это я вам сам скажу. Мой хозяин — богач Капулетти.

Может, слышали? Если вы не родня Монтекки, пожалуйста к нам на чарочку.

Уходит.

Бенволио

У Капулетти, кроме Розалины,
Твоей зазнобы, будут на балу
Виднейшие красавицы Вероны.
Пойдем туда. Когда ты их сравнишь
С твоею павой непредубежденно,
Она тебе покажется вороной.

Ромео

О, если вы такие святотатцы,
Богоотступных глаз моих зрачки,
Пусть ваши слезы в пламя обратятся
И вы сгорите, как еретики!
Неужто зреньем бог меня обидел,
Чтоб я на небе солнца не увидел?

Бенволио

Но ты ведь солнца этого красы
Еще не клал ни разу на весы.
Взгляни кругом на тех, что попригожей,
И вряд ли будешь петь одно и то же.
Быть может, твой единственный алмаз
Простым стеклом окажется для глаз.

Ромео

Пойдем на бал, но не на смотр собраний,
А ради той, кто выше описаний.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

Капулетти

Кормилица, скорее: где Джульетта?

Кормилица

Клянусь былой невинностью, звала.
Джульетта, где ты? Что за непоседа!
Куда девалась ярочка моя?

Входит Джульетта.

Д ж у л ь е т т а

Ну, что еще?

К о р м и л и ц а

Тебя зовет мамаша.

Д ж у л ь е т т а

Я здесь. Что, матушка, угодно вам?

Л е д и К а п у л е т т и

Сейчас. Кормилица, выйди на минуту, мы поговорим. Впрочем, постой, не уходи, тебе лучше послушать. Моя дочь порядком подросла.

К о р м и л и ц а

Помилуйте, я ее лета сочту до часочка.

Л е д и К а п у л е т т и

Ей нет четырнадцати лет.

К о р м и л и ц а

Я прозакладую своих четырнадцать зубов, даром что их только четыре, что нету. Сколько до Петрова дня?

Л е д и К а п у л е т т и

Две недели с лишним.

К о р м и л и ц а

С лишним или без лишнего, не об этом спор, а четырнадцать ей минет на Петров день, я вам верно говорю. Она и Сусанна — упокой ее, господи! — были ровесницы. Но я ее не стоила, и ее господь прибрал. А четырнадцать ей минет на Петров день, это вы не сомневайтесь, я хорошо помню. Этому трясенью земли, вы теперь сосчитайте, полных одиннадцать годов. А в самое трясенье, как сейчас помню, я ее отлучила. Натерла я себе соски полынью и села у голубятни на солнечный припек. Вы с их милостью были в Мантуе, ну скажите, какова память! Хватила она, родимая, с соска полыни и закатилась — не приведи бог! В это самое время голубятня передо мною кувырк, и я, само собой, оттуда давай бог ноги. А этому делу теперь полных одиннадцать годов. Она уже тогда на ножки становилась — да что я, на ножки! — бегала уже и ходила, ей-богу, правда, истинный господь! Теперь я вам скажу, расшибла она себе в то время лобик. И вот мой муж... царство ему небесное, ужасный был шутник!.. взял он ребенка на руки и говорит: «Лицом, говорит, Джулинька, падать не годится. Вырастешь, будешь, говорит, норовить упасть на спину. Будешь?» — говорит. И что же вы думаете? Утерла моя крошка слезы и отвечает ему: «Да». Вы подумайте, что за смехота! Тысячу лет проживу и никогда не забуду. «Будешь, говорит,

на спину, Джулинька?» И она, как ни в чем не бывало, отвечает ему: «Да».

Л е д и К а п у л е т т и
Довольно болтать! Замолчи, пожалуйста!

К о р м и л и ц а
Слушаю, сударыня. Но скажите, разве не умора? Угомонилась в минуту и, не задумываясь, отвечает ему «да», а ведь шишка-то была здоровенная, с голубинное яйцо, и плакала она горячими слезами. «Лицом, говорит, падать не годится. Вырастешь, будешь, говорит, на спину? Будешь?» — говорит. И эта крошка отвечает ему «да» и разом угомонилась.

Д ж у л ь е т т а
Угомонись, кормилица, и ты.

К о р м и л и ц а
Слушаюсь, больше не буду. Из моих питомиц ты была самая хорошенькая. Дожить бы мне до твоей свадьбы, то-то была бы радость!

Л е д и К а п у л е т т и
До свадьбы? А о свадьбе-то и речь.
Затем пришла. Скажи-ка мне, Джульетта,
К замужеству как ты бы отнеслась?

Д ж у л ь е т т а
Об этой чести я не помышляла.

К о р м и л и ц а
Об этой чести? Вы подумайте! Жаль, я твоя кормилица, а то можно было бы сказать, что ты ум с молоком всосала.

Л е д и К а п у л е т т и
Так вот подумай. Меньших лет, чем ты,
Становятся в Вероне матерями,
А я тебя и раньше родила¹¹.
Итак, покуда второпях и вкратце:
К нам за тебя посватался Парис.

К о р м и л и ц а
Ну, это, барышня моя, мужчина на славу! Такой мужчина, что объедешь целый свет — лучшего не сыщешь. Не человек, а картинка.

Л е д и К а п у л е т т и
Цветок, каких Верона не видала.

К о р м и л и ц а
Цветок, нет слова. Слова нет, цветок.

Л е д и К а п у л е т т и
Что скажешь? По сердцу ли он тебе?
Сегодня на балу его изучишь.
Прочти, как в книге, на его лице
Намеки ласки и очарованья.
Сличи его черты, как письма,мена,
Измерь, какая в каждой глубина,
А если что останется в тумане,
Ищи всему в глазах истолкованья.
Вот где тебе блаженства полный свод,
И переплета лишь недостает.
Как рыба — глуби, с той же силой самой
Картина требует красивой рамы,
И золотое содержание книг
Нуждается в застежках золотых,
Вот так и ты, подумавши о муже,
Не сделаешься меньше или хуже.

К о р м и л и ц а

Не сделаешься меньше! Больше, сударыня, больше. От
мужчин женщины полнеют.

Л е д и К а п у л е т т и
Ну, как, займешься ль ты его особой?

Д ж у л ь е т т а
Еще не знаю. Надо сделать пробу.
Но это лишь единственно для вас.
Я только исполняю ваш приказ.

В х о д и т с л у г а .

С л у г а .

Сударыня, гости пришли, кушать подано, вас кличут не
докличутся, каждый спрашивает барышню, в кладовой на
чем свет стоит ругают кормилицу, и всё вверх дном. Побегу
к гостям. Сделайте милость, пожалуйста безотлагательно.

Л е д и К а п у л е т т и
Идем.

Слуга уходит.

Скорей, Джульетта! Граф уж там.

К о р м и л и ц а
Благих ночей в придачу к добрым дням!

Уходят.

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Ромео, Меркуцио и Бенволио с пятью или шестью ряжеными, факельщики и мальчик с барабаном.

Ромео

Прочесть ли нам приветствие в стихах
Или войти без лишних предисловий?

Бенволио

Нет, в наше время это не в ходу.
Мы сможем обойтись без Купидона
С повязкой шерстяною на глазах,
С татарским луком¹² из линючей дранки,
Который видом так бывал нелеп,
Что дамам был страшней вороньих пугал.
Нам не придется никого томить
Экспромтами при помощи суфлера.
Под дудку их не будем мы плясать,
А спляшем под свою и удалимся.

Ромео

Тогда дай факел мне. Я огорчен
И не плясун. Я факельщиком буду¹³.

Меркуцио

Ромео, нет, от танцев не уйдешь.

Ромео

Уволь меня. Вы в легких бальных туфлях,
А я придавлен тяжестью к земле.

Меркуцио

Ведь ты влюблен, так крыльями амура
Решительней взмахни и оторвись.

Ромео

Он пригвоздил меня стрелой навывлет.
Я ранен так, что крылья не несут.
Под бременем любви я подгибаюсь.

Меркуцио

Повалишься, ее не придави:
Она нежна для твоего паденья.

Ромео

Любовь нежна? Она груба и зла.
И колется и жжется, как терновник.

М е р к у ц и о

А если так, будь тоже с ней жесток,
Коли и жги, и будете вы квиты.
Однако время маску надевать.
Ну, вот и всё, и на лице личина.
Теперь пусть мне что знают говорят:
Я ряженный, пусть маска и краснеет.

Б е н в о л и о

Стучитесь в дверь, и только мы войдем —
Все в пляс, и пошевеливай ногами.

Р о м е о

Дай факел мне. Пусть пляшут дураки.
Половики не для меня стелили.
Я ж со свечой, как деды говорили,
Игру понаблюдаю из-за плеч,
Хоть, кажется, она не стоит свеч.

М е р к у ц и о

Ах, факельщик, своей любовью пылкой
Ты надоел, как чадная коптилка!
Стучись в подъезд, чтоб не истлеть живьем,
Мы днем огонь, как говорится, жжем.

Р о м е о

Таскаться в гости — добрая затея,
Но не к добру.

М е р к у ц и о

А чем, спросить посмею?

Р о м е о

Я видел сон.

М е р к у ц и о

Представь себе, и я.

Р о м е о

Что видел ты?

М е р к у ц и о

Что сны — галиматья.

Р о м е о

А я не ошибался в них ни разу.

М е р к у ц и о

Все королева Маб¹⁴. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,

А по размерам — с камушек агата
В кольцо у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах — спицы из паучьих лапок,
Каретный верх — из крыльев саранчи,
Ремни гужей — из ниток паутины,
И хомуты — из капелек росы.
На кость сверчка накручен хлыст из пены,
Комар на козлах — ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц¹⁵.
Ее возок — пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц — жук и белка.
Она пересекает по ночам
Мозг любящих, которым снится нежность,
Горбы вельмож, которым снится двор,
Усы судей, которым снятся взятки,
И губы дев, которым снится страсть.
Шалунья Маб их сыпью покрывает
За то, что падки к сладким пирожкам.
Подкатит к переносице сутяги,
И он почувствует тяжбы аромат.
Щетинкой под ноздрею пощечочет
У пастора, и тот увидит сон
О прибыльности нового прихода.
С разбегу ринется за воротник
Солдату, и ему во сне приснятся
Побоища, испанские ножи,
И чары в два ведра, и барабаны.
В испуге вскакивает он со сна
И крестится, дрожа, и засыпает.
Все это плутни королевы Маб.
Она в конюшнях гривы заплетает
И волосы сбивает колтуном,
Который расплести небезопасно.
Под нею стонут девушки во сне,
Заранее готовясь к материнству.
Вот эта Маб...

Р о м е о

Меркуцио, молчи.
Ты пустомеля.

М е р к у ц и о

Речь о сновиденьях.

Они плоды бездельницы-мечты
И спящего досужего созданья.
Их вещество — как воздух, а скачки —
Как взрывы ветра, рыщущего слепо
То к северу, то с севера на юг
В приливе ласки и порыве гнева.

Б е н в о л и о

Не застудил бы этот ветер твой
Нам ужина, пока мы сдуру медлим.

Р о м е о

Не сдуру медлим, а не в срок спешим.
Добра не жду. Неведомое что-то,
Что спрятано пока еще во тьме,
Но зародится с нынешнего бала,
Безвременно укоротит мне жизнь
Виной каких-то страшных обстоятельств.
Но тот, кто направляет мой корабль,
Уж поднял парус. Господа, войдемте!

Б е н в о л и о

Бей, в барабан!

Уходят.

СЦЕНА 5

Зал в доме Капулетти.

Музыканты. Слуги с салфетками.

Первый слуга

Где Антон Сотейщик? Отчего не помогает убирать? Так и липнет к обедам! Так и возит языком!

Второй слуга

Плохо дело, когда вся работа на одном или двух, да и у тех руки немытые.

Первый слуга

Резные кресла — вон, горки с посудой — к стене. При-
сматривай за серебром. Припрячь мне, дорогой мой, кусок

марципану и, если любишь меня, предупреди внизу у входа, чтобы пропустили Надежду Наждачницу и Нелли. Антон Сотейщик!

Т р е т и й с л у г а

Здесь я. Об чем крик?

П е р в ы й с л у г а

В большой комнате тебя зовут, кличут, требуют, и уж не знаю, как сказать.

Т р е т и й с л у г а

Всюду не поспеешь, надвое не разорваться. Веселей поворачивайся, ребята! Поживешь дольше — наживешь больше.

Входят Капулетти, леди Капулетти, Джульетта и Тибальт с домашними навстречу гостям и ряженым.

К а п у л е т т и

Привет, синьоры! Дамам без мозолей

У нас работы хватит до утра.

Что скажете, красавицы? Какая

Не станет после этого плясать?

Сейчас и заподозрим, что мозоли.

Вот видите, у нас вы и в руках.

Привет, синьоры! Дамам, было время,

И я признанья на ухо шептал.

То время миновало, миновало...

Входят Ромео, Меркуцио, Бенволио и другие.

Привет, друзья! Играйте, музыканты!

С дороги все! Танцоры, дамы — в круг!

Музыка. Гости танцуют.

Побольше света! Отодвиньте стулья!

Залейте жар в камине: духота.

(Дяде Капулетти.)

Глядишь на танцы, так и разбирает.

Нет, что вы, сядьте, где уж нам плясать!

Когда, скажите, дядя Капулетти,

Плясали в масках мы в последний раз?

Д я д я К а п у л е т т и

Да, думаю, тому назад лет тридцать.

К а п у л е т т и

О, нет, не так давно, не так давно!

Считайте, сколько лет женат Люченцо?

Никак не больше двадцати пяти.
На свадьбе у него мы и плясали.

Дядя Капулетти
Да нет, их сыну тридцать с чем-то лет.

Капулетти
Он только год, как вышел из опеки.

Ромео
(слуге из своей компании)
Кто эта барышня, с которой в ряд
Стал этот кавалер?

Слуга
Не знаю, сударь.

Ромео
Ее сиянье факелы затмило.
Она, подобно яркому бериллу
В ушах арапки, чересчур светла
Для мира безобразия и зла.
Как голубя среди вороньей стаи,
Ее в толпе я сразу отличаю.
Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини.
Я истинной красы не знал доныне.

Тибальт
Мне показалось, голосом — Монтекки.
Мальчишка, шпагу! Этот негодяй
Осмелился пробраться к нам под маской
В насмешку над семейным торжеством!
Ну что ж, у нас находчивости хватит.
Он жизнью мне за этот шаг заплатит.

Капулетти
Мой дорогой, зачем ты поднял крик?

Тибальт
У нас Монтекки! Как он к нам проник?
Врывается к нам, ни на что не глядя,
Чтобы позорить нас на маскараде!

Капулетти
Ты о Ромео?

Т и б а л ь т
О дрянном Ромео.

Ка пу л е т т и
Приди в себя. Что ты к нему пристал?
Он держится, как должно, и в Вероне
Единогласно признан, говорят,
Примером истинного благородства.
За все богатства мира я не дам
Кому-нибудь у нас его обидеть.
Оставь его, вот мой тебе приказ.
И если для тебя я что-то значу,
Развеселись и больше лба не хмурь.
В гостях надутость эта неуместна.

Т и б а л ь т
Нет, к месту, если лишние в гостях.
Я не снесу...

Ка пу л е т т и
Снесешь, когда прикажут!
Вы слышали? Каков! Он не снесет!
Он не снесет! Не я, а он хозяин!
Он не снесет! Он мне, того гляди,
В моей гостиной общество взбунтует!
Он главный тут! Он всё! Он коновод!

Т и б а л ь т
Но, дядя, это срам.

Ка пу л е т т и
Без разговоров!
Угомонись!

(Гостям.)
Так, так. Не может быть!
(Тибальту.)

Он будет мне давать еще советы!
(Гостям.)

Не может быть!
(Тибальту.)
Ты неуч и буян!

Учись манерам.
(Слугам.)
Свету, больше свету!
(Тибальту.)

Добром не хочешь — силой научу.

(Гостям.)

Что за разброд? Дружнее, дорогие!

Т и б а л ь т

Уйти, смиреньем победивши злость?

Что ж. И уйду. Но ваш незванный гость,

Которого нельзя побеспокоить,

Еще вам будет много крови стоить!

Уходит.

Р о м е о

(одетый монахом, Джульетте)

Я ваших рук рукой коснулся грубой.

Чтоб смыть кощунство, я даю обет:

К угоднице спаломничают губы

И зацелуют святотатства след.

Д ж у л ь е т т а

Святой отец, пожатые рук законно.

Пожатые рук — естественный привет.

Паломники святыням бьют поклоны.

Прикладываться надобности нет.

Р о м е о

Однако губы нам даны на что-то?

Д ж у л ь е т т а

Святой отец, молитвы воссылать.

Р о м е о

Так вот молитва: дайте им работу.

Склоните слух ко мне, святая мать.

Д ж у л ь е т т а

Я слух склоню, но двигаться не стану.

Р о м е о

Не надо наклоняться, сам достану.

(Целует ее.)

Вот с губ моих весь грех теперь и снят.

Д ж у л ь е т т а

Зато мои впервые им покрылись.

Р о м е о

Тогда отдайте мне его назад.

Д ж у л ь е т т а

Мой друг, где целоваться вы учились?

К о р м и л и ц а

Тебя зовет мамаша на два слова.

Джульетта уходит.

Ромео

А кто она?

Кормилица

Да вы-то сами где?

Она глава семьи, хозяйка дома.

Я в мамках тут и выходила дочь.

Вы с ней сейчас стояли. Помяните:

Кто женится на ней, тот заберет

Хороший куш.

Ромео

Так это Капулетти?

Я у врага в руках и пойман в сети!

Бенволио

Прощайся. Вижу, шутка удалась.

Ромео

И даже чересчур на этот раз.

Капулетти

О нет, куда вы, господа, так рано?

Вон слуги с прохладительным идут.

Не можете? Торопитесь? Ну что же,

Благодарю. Прощайте. Добрый путь.

Светите им! А я на боковую.

Ах, черт, а ведь и правда поздний час!

Пора в постель.

Капулетти и другие уходят.

Джильетта

Кормилица, послушай:

Кто этот гость у выхода в углу?

Кормилица

Сын и наследник старика Тиберьо.

Бенволио уходит.

Джильетта

А этот вот, который стал в дверях?

Кормилица

А это, кажется, Петруччо-младший.

Меркуцио уходит.

Джильетта

А тот, который подошел к нему

И не охотник танцевать?

Ромео уходит.

К о р м и л и ц а
Не знаю.
Д ж у л ь е т т а
Поди узнай-ка.

Кормилица удаляется к расходящимся.

Если он женат,
Пусть для венчанья саван мне кроят.

К о р м и л и ц а
(возвращаясь)
Его зовут Ромео. Он Монтекки.
Сын вашего заклятого врага.

Д ж у л ь е т т а
Я воплощение ненавистной силы
Некстати по незнанию полюбила!
Что могут обещать мне времена,
Когда я так увлечена?

К о р м и л и ц а
Что ты бормочешь?

Д ж у л ь е т т а
Так, стихи, пустое.
На танцах в парке кто-то подсказал.

Л е д и К а п у л е т т и
(за сценой)
Джुльетта!

К о р м и л и ц а
Слышим, слышим! Знаю, знаю!
Все разошлись. Пойдем и мы, родная.

Уходят. Входит х о р.

Х о р
Былая страсть лежит на смертном ложе,
И новая на смену ей пришла.
И бывшая Ромео всех дороже
Перед Джульеттой больше не мила.
Хотя любовь их все непобедимей,
Они пока еще разделены.
Исконная вражда семей меж ними
Разрыла пропасть страшной глубины.
В ее семье Монтекки ненавидят,
В глазах родни Ромео не жених.
Когда и где она его увидит
И как спасет от ненависти их?
Но страсть их учит побеждать страданье
И им находит способ для свиданья.

Хор уходит.

А К Т II

СЦЕНА I

У стены сада Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

Куда уйду я, если сердце здесь?
Вращайся круг планеты, бедный спутник!
(Перелезает через стену сада.)

Входят Бенволио и Меркуцио.

Бенволио

Ромео, стой!

Меркуцио

Ромео не дурак:

Он дома и, наверное, в постели.

Бенволио

Он перелез чрез эту стену в сад.
Погромче позови его, Меркуцио.

Меркуцио

Звать мало — вызову его, как тень.
Ромео! Сумасшедший обожатель!
Стань предо мной, как облачко, как вздох!
Произнеси полстрочки, и довольно.
Скажи «увы». Срифмуй «любовь» и «кровь».
К Венере обратись иль Купидону.
Скажи, что это мерзкий сорванец
С подбитым глазом. Расскажи легенду
О нищей и царе Кофетуа¹⁶.
Не слышит, не колышется, не дышит.
Бедняга мертв, а я зову его!
Зову тебя во имя Розалины,
Ее горящих глаз и влажных губ,

Крутого лба и стройных ног и бедер
И прочих околичностей, проснись
И выйди к нам.

Б е н в о л и о

Он может рассердиться.

М е р к у ц и о

А собственно, на что? Иной вопрос,
Когда бы я к его любезной вызвал
Другого и оставил их вдвоем.
Но я ведь заклинаю дух Ромео
В его прямом и собственном лице.
Он должен оценить, а не сердиться.

Б е н в о л и о

Идем отсюда. Он засел в кустах.
Его слепые чувства одолели.

М е р к у ц и о

Слепая страсть не достигает цели.
Он, верно, тут, под деревом, застыл
И сожалеет, что его царица
Не ягода садовая кизил,
Чтоб в рот к нему без косточки свалиться.
О, если б ягодой она была!
Ну и дурак набитый ты, Ромео!
Прощай, однако. Поспешу в постель.
В твоей походной койке страшный холод.
Идем, Бенволио.

Б е н в о л и о

Идем. Зачем

Искать того, кто найден быть не хочет?

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

Входит Р о м е о.

Р о м е о

Им по незнанию эта боль смешна.
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

На балконе показывается Д ж у л ь е т т а.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Принявши ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чем она задумалась украдкой?
О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Д ж у л ь е т т а

О горе мне!

Р о м е о

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленной толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Д ж у л ь е т т а

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Р о м е о

Прислушиваться дальше или ответить?

Д ж у л ь е т т а

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,

Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Р о м е о

О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Д ж у л ь е т т а

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Р о м е о

Не смею

Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Д ж у л ь е т т а

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Р о м е о

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Д ж у л ь е т т а

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Р о м е о

Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены.
В нужде она решается на все,
И потому — что мне твои родные!

Д ж у л ь е т т а

Они тебя увидят и убьют.

Р о м е о

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Д ж у л ь е т т а

Не попадись им только на глаза!

Р о м е о

Меня плащом укроет ночь. Была б
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Д ж у л ь е т т а

Кто показал тебе сюда дорогу?

Р о м е о

Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Д ж у л ь е т т а

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковойной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупую должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

Р о м е о

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Д ж у л ь е т т а

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Джульетта

Не клянись ничем

Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Джульетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео

Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта

А что прибавить к нашему сговору?

Ромео

Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

Джульетта

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео

Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта

Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я ухожу. Прощай. —
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь еще. Постой-ка.

Уходит.

Ромео

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Все это сон? Так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это все!

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решение.
Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица
(за сценой)

Голубушка!

Джульетта

Иду! Сюю минуто!—

А если у тебя в уме обман,
Тогда, тогда...

Кормилица
(за сценой)

Голубушка!

Джульетта

Немедля

Оставь меня и больше не ходи.
Я завтра справлюсь.

Ромео

Я клянусь спасеньем...

Джульетта

Сто тысяч раз прощай.

Уходит.

Ромео

Сто тысяч раз
Вздохну с тоской вдали от милых глаз.
К подругам мы — как школьники домой,
А от подруг — как с сумкой в класс зимой.
(Направляется к выходу.)

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Ромео, где ты? Дудочку бы мне,
Чтоб эту птичку приманить обратно!

Но я в неволе, мне кричать нельзя,
А то б я эхо довела до хрипа
Немолчным повтореньем этих слов:
Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

Р о м е о

Моя душа зовет меня опять.
Как звонки ночью голоса влюбленных!

Д ж у л ь е т т а

Ромео!

Р о м е о

Милая!

Д ж у л ь е т т а

В каком часу

Послать мне завтра за ответом?

Р о м е о

В девять.

Д ж у л ь е т т а

До этого ведь целых двадцать лет!
Мученье ждать... Что я сказать хотела?

Р о м е о

Припомни, я покамест постою.

Д ж у л ь е т т а

Постой, покамест я опять забуду,
Чтоб только удержать тебя опять.

Р о м е о

Припоминай и забывай, покуда,
Себя не помня, буду я стоять.

Д ж у л ь е т т а

Почти светает. Шел бы ты подальше.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты как ручная птичка щеголихи,
Привязанная ниткою к руке.
Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шелковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.

Р о м е о

Мне б так хотелось

Той птицей быть!

Д ж у л ь е т т а

О, этого и я

Хотела бы, но я бы умертвила

Тебя своими ласками. Прощай!
Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!
Так и твердить бы век: «Спокойной ночи».

Уходит.

Р о м е о

Прощай! Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!
А я к духовнику отправлюсь в келью
Поговорить о радости и деле.

Уходит.

СЦЕНА 3

Келья брата Лоренцо.

Входит б р а т Л о р е н ц о с корзиной.

Б р а т Л о р е н ц о

Ночь сердится, а день исподтишка
Расписывает краской облака.
Как выпившие, кренделя рисуя,
Остатки тьмы пустились врассыпную.
Пока роса на солнце не сошла
И держится предутренняя мгла,
Наполню я свой кузовок плетеный
Целебным зельем и травой сонной.
Земля — праматерь всех пород, их цель,
Гробница их и вновь — их колыбель.
Все, что на ней, весь мир ее зеленый
Сосет ее, припав к родному лону.
Она своим твореньям без числа
Особенные свойства раздала.
Какие поразительные силы
Земля в камни и цветы вложила!
На свете нет такого волокна,
Которым не гордилась бы она,
Как не отыщешь и такой основы,
Где не было бы ничего дурного.
Полезно все, что кстати, а не в срок —
Все блага превращаются в порок.
К примеру, этого цветка сосуды:
Одно в них хорошо, другое худо.

В его цветах — целебный аромат,
А в листьях и корнях — сильнейший яд.
Так надвое нам душу раскололи
Дух доброты и злого своеволия.
Однако в тех, где побеждает зло,
Зияет смерти черное дупло.

Р о м е о
(за сценой)

Отец!

Б р а т Л о р е н ц о

Благословение господне!

Кому б ко мне в такую рань сегодня?

Входит Р о м е о.

Ах, это ты? Вполне ли ты здоров,
Что пробудился раньше петухов?
Иное дело старость и заботы:
У них свои с бессонницею счеты.
Но в молодые годы крепкий сон,
Мне кажется, единственный закон.
Ты неспроста горишь усердьем ранним,
А по каким-то важным основаниям.
Ты должен был по нездоровью встать,
А то и вовсе не ложился спать?

Р о м е о

Ты прав. Об этом не было помину.

Б р а т Л о р е н ц о

Прости, господь! Ты был у Розалины?

Р о м е о

Нет, с Розалиной у меня конец.
Я имя позабыл ее, отец.

Б р а т Л о р е н ц о

Я одобряю. Что ж ты так сияешь?

Р о м е о

Сейчас, отец, ты главное узнаешь:
Вчера я ранен был, придя на бал,
И на удар ударом отвечал.
Перевяжи нас поскорей обоих.
Вот я зачем в твоих святых покоех.
Как заповедь твоя мне дорога!
Я зла не помню и простил врага.

Б р а т Л о р е н ц о
Попроше, сын. Что отвечать я стану,
Когда так исповедь твоя туманна?

Р о м е о
Дочь Капулетти, знай, я полюбил
И ей такую же любовь внушил.
Мы друг без друга часа не протянем,
Все слажено, и дело за венчаньем.
Теперь скорее по делам пойдем.
Подробности я расскажу потом.
Но раньше мне пообещай, однако,
Сегодня взяться за свершение брака.

Б р а т Л о р е н ц о
Святой Франциск, какой переворот!
О Розалине уж и речь нейдет.
Привязанности нашей молодежи
Не в душах, а в концах ресниц, похоже.
Скажи, по ком недавно, вертопрах,
Я видел слезы на твоих глазах?
Рассолу сколько, жалости в приправу,
Без всякой пользы вылито в канаву?
Давно ли замер твой последний вздох?
Давно ли безутешный стон заглох
И побледнели слез следы и пятна?
Чьи это были чувства, непонятно.
Я, может, ошибаюсь и похвал
В честь Розалины ты не расточал?
Но если так мужское слово шатко,
Какого ждать от женщины порядка?

Р о м е о
Не за нее ль бывал мне нагоняй?

Б р а т Л о р е н ц о
Не за нее — за резвость через край.

Р о м е о
Вот я и охладел к ней тем скорее.

Б р а т Л о р е н ц о
Чтоб новою увлечься вслед за нею?

Р о м е о
Но эта предыдущей не чета.
Та злобилась, а эта — доброта.

Б р а т Л о р е н ц о
И хорошо, что злилась. За любовью
Она угадывала пустословье.
Но я с тобою, юный ветрогон.
Я к вам обоим вот чем привлечен:
Мне видится в твоей второй зазнобе
Развязка вашего междоусобья.

Р о м е о

Прошу скорей!

Б р а т Л о р е н ц о
Прошу не торопить:
Тот падает, кто мчится во всю прыть.

Уходят.

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Бенволио и Меркуцио.

М е р к у ц и о
Где носят черти этого Ромео?
Он был сегодня ночью дома?

Б е н в о л и о

Нет.

Я там справлялся.

М е р к у ц и о
Эта Розалина
Своей пустой, бессовестной игрой
Беднягу доведет до полоумья.

Б е н в о л и о
Слышал? Тибальт, племянник Капулетти,
Прислал ему письмо.

М е р к у ц и о
Вызов, вот увидите.

Б е н в о л и о
Ромео ответит.

М е р к у ц и о
Ничего удивительного. Ответить на письмо — не
хитрость.

Б е н в о л и о

Нет, он ответит принятием вызова.

М е р к у ц и о

Бедный Ромео! Он и так уже мертв от черного глаза белой лиходейки. Уши у него прострелены серенадами, сердце — любовною стрелою. И такому-то тягаться с Тибальтом!

Б е н в о л и о

А что такое Тибальт?

М е р к у ц и о

Нечто посушественней кота Тибальта¹⁷ из сказки, можешь мне поверить. В делах чести — настоящий дьявол. Фехтует, как по нотам: раз, два, а три уже сидит по рукоятку у тебя в брюхе. Такой дуэлист, что мое почтение! А его бессмертные *passado*, его *punto reverso*, его *hai*¹⁸!

Б е н в о л и о

Его что?

М е р к у ц и о

Это из их дурацкой тарабарщины, чтоб их черт побрал! Только и слышишь: «Готов побойжиться, вот это клинок! Бьюсь об заклад, вот это мужчина! Провалиться, вот это девка!» И откуда их столько берется, этих мух заморских с их модными *pardonnez moi*¹⁹ и *bon, bon*²⁰! А их широченные штаны, от которых не стало места на старых лавках!²¹

Входит Ромео.

Б е н в о л и о

Гляди-ка, никак Ромео!

М е р к у ц и о

Моща мощой, как высохшая селедка! О бедная плоть человеческая, до чего же ты уподобилась рыбьей! Вот кому теперь растекаться стихами вроде Петрарки²², благо перед его милой Лаура²³ не больше, чем кухонная замарашка. Бонжур, синьор Ромео! Французский поклон вашим французским штанам. Здорово вы нас вчера надули!

Р о м е о

Здравствуйте оба. Надул? Каким образом?

М е р к у ц и о

А как же: уговор был идти вместе, а вы улизули.

Ромео

Прости, милый Меркуцио, я теперь так занят! В делах, как мои, не до условностей.

Меркуцио

Еще бы! В делах, как твои, приходится ползать на коленях.

Ромео

Весьма вежливое соображение.

Меркуцио

Еще бы! Я цвет вежливости.

Ромео

Гвоздика, наверное.

Меркуцио

Совершенно верно.

Ромео

Вроде гвоздики на моих башмачных застёжках.

Меркуцио

Ах, как остроумно! Развивай эту сапожную остроту, пока не сотрешь на ней подошвы. О, единственное в мире остроумие, натянутое и долговечное, как стелька!

Ромео

Зато ты — сама естественность. Ты воображаешь, что от натянутости тебя спасает твоя распушенность?

Меркуцио

Ну что, это не лучше твоих «охов» и «ахов»? Теперь с тобой можно разговаривать, ты — Ромео, ты — то, что ты есть и чем должен казаться. А эта чертова твоя любовь — как слюнявая юродивая, которая ходит из угла в угол, укачивая деревянную чурку и кутая ее в тряпки.

Бенволио

Довольно, довольно.

Меркуцио

Ты боишься, что это будет против шерсти?

Бенволио

Я боюсь, что этому не будет конца.

Меркуцио

Ошибаешься. Я добрался до сущности и кончаю.

Ромео

Обратите внимание, вот так зрелище!

Входят кормилица и Петр.

Меркуцио

На горизонте парус!

Бенволио

Целых два: юбка и штаны.

Кормилица

Петр!

Петр

Что изволите?

Кормилица

Мой веер, Петр.

Меркуцио

Дай ей веер, чтобы прикрыться. Он исправит ей внешность.

Кормилица

С добрым утром, добрые государи!

Меркуцио

С добрым вечером, добрая государыня!

Кормилица.

Разве уж вечер?

Меркуцио

По-видимому. В вашей жизни—бесспорно.

Кормилица

А ну вас, право! Что вы за человек?

Ромео

Природою, сударыня, он создан себе на посмеянье.

Кормилица

Любопытно! Себе, говорите, на посмеянье? Но дело не в этом. Кто мне скажет, где найти молодого Ромео?

Ромео

Извольте. Только молодой Ромео будет немного старше, когда вы его найдете, чем во время поисков. Из людей с этим именем я самый младший, за неимением худшего.

Кормилица

Если вы Ромео, мне надо вам сказать что-то доверительное.

Б е н в о л и о

Увидишь, она зазовет его куда-нибудь на ужин.

М е р к у ц и о

Ай да сводня! Ату ее, ату ее!

Р о м е о

Кого ты выследил?

М е р к у ц и о

К сожалению, не зайца. Или такого, который за старостью может считаться постным. *(Поет.)*

Если зайца кусок

Запечь в пирог,

Ты им постного не оскорomiшь.

Но бывает, что так

Староват русак—

Тронешь вилокoю, зуб переломишь.

Ромео, собираешься ли ты домой? Мы идем к вашим обедать.

Р о м е о

Сейчас я подспею.

М е р к у ц и о

Прощайте, старая барыня, прощайте!

К о р м и л и ц а

Прощайте, скатертью дорога.

Меркуцио и Бенволио уходят.

Объясните мне сударь, кто этот нахал, бог знает что о себе возомнивший?

Р о м е о

Это молодой человек, который любит послушать себя и в час наговорит столько, что будет жалеть об этом целый месяц.

К о р м и л и ц а

Если это он на мой счет, ему не поздоровится, будь он вдесятеро вострей двадцати таких же выскочек. Я покажу ему, как смеяться надо мною! А если не покажу, все равно найдутся, которые покажут. Подлый хвостун! Ты это со своими сударками так разговаривай или с кем-нибудь из твоих поганных забулдыг! *(Обращаясь к Петру.)* А этот тоже хорош! Стоит, как пень, и смотрит, как каждый негодяй делает с его госпожой, что хочет.

П е т р

Я этого не замечал. Я бы таких вещей не потерпел и на месте вынул бы оружие. Я пускаю в дело шпагу ничуть не хуже всякого, едва вижу к этому повод и когда знаю, что закон на моей стороне.

К о р м и л и ц а

Боже правый, я до сих пор не могу прийти в себя, и всю меня так и трясет! Подлый хвостун!.. Ах, сэр, ведь я-то пришла совсем по другому делу. Моя барышня, как говорится, просила меня узнать. Что она просила, это, конечно, моя тайна, но если вы, сударь, собираетесь ее одурачить, это я уж просто слов не найду, как нехорошо. Потому что моя барышня совсем еще молоденькая, и если вы ее обманете, хорошие люди так не поступают. И вам так не годится, ей-богу, не годится.

Р о м е о

Погоди, нянюшка. Во-первых, передай от меня барышне поклон. Уверю тебя...

К о р м и л и ц а

Я передам ей это, добрая вы душа. То-то она обрадуется!

Р о м е о

Что передать ты хочешь? Я и рта ведь не успел еще открыть порядком.

К о р м и л и ц а

Передам, что вы уверяете. Это, как я полагаю, изъятие немаловажное.

Р о м е о

Скажи, что под любым предлогом надо
К полудню ей на исповедь прийти.
Нас с нею обвенчает брат Лоренцо.
Не спутаешь? А это за труды.

К о р м и л и ц а

Да полноте, не надо ни полушки.

Р о м е о

Ну вот еще! Дают, так надо брать.

К о р м и л и ц а

Устрою, ладно. Приведу к полудню.

Р о м е о

А ты постой у монастырских врат
И там покараулишь человека
С веревочною лестницей. По ней
Взберусь я ночью на вершину счастья.

Я за услуги отблагодарю.
Теперь прощай. Поклон твоей хозяйке.

К о р м и л и ц а
Спаси вас бог! Послушайте-ка, сэр...

Р о м е о
Что, нянюшка?

К о р м и л и ц а
А человек-то верный?
К чему нам третий, в толк я не возьму.
Меня б одну, а третий ни к чему.

Р о м е о
Ручаюсь, он надежнее железа.

К о р м и л и ц а
Ну хорошо, сэр. Моя барышня... Господи, господи!.. Когда она была маленькая... Слушайте, здесь в городе есть молодой человек, некто Парис, который бы не прочь ее за-получить. Но для нее он все равно что лягушка—ей-богу, все равно что лягушка. Она терпеть не может, когда я гово-рю, что этот Парис более подходящая партия, чем вы, и при этих словах белеет, как полотно. Что, слова «розма-рин»²⁴ и «Ромео» не на одну букву?

Р о м е о
На одну, нянюшка. Что ж из этого? Оба начинаются на «р».

К о р м и л и ц а
Какие вы насмешники! Это собачья буква²⁵. «Эр»—со-всем другое дело. Ваше имя начинается не так. Я знаю, она придумывает всякие словечки на вас и розмарин. Вам бы страшно понравилось.

Р о м е о
Поклон барышне.
К о р м и л и ц а
Да, тысяча поклонов.

Ромео уходит.
Петр!

П е т р
Чего изволите?

К о р м и л и ц а
Возьми мой веер и ступай вперед проворней.

Уходят.

СЦЕНА 5

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Кормилицу я в девять отослала.
Она хотела сбегать в полчаса.
Они не разминутись? Быть не может.
Нет, попросту она плохой ходок.
Рассыльными любви должны быть мысли,
Они быстрее солнечных лучей,
Несущихся в погоне за теньями.
Вот что торопит почту голубей
И отчего у Купидона крылья.
Однако солнце уж над головой
И три часа от девяти до полдня,
Ее же нет как нет. Когда б она
Была с горячей кровью и страстями,
Она летала б с легкостью мяча
Между моим возлюбленным и мною.
Но это право старых хитрецов—
Плестись и мешкать, корча мертвецов.

Входят кормилица и Петр.

Но вот она. Кормилица, родная!
Что нового? Ты видела его?
Спровадь Петра.

Кормилица

Ступай-ка, брат, к воротам.

Петр уходит.

Джульетта

Ну, няня... Чем ты так огорчена?
Дурных вестей не множь угрюмым видом,
Но если сообщенья хороши,
Их портит кислая твоя улыбка.

Кормилица

Я утомилась. Дай передохну.
Концы—не шутка. Ноги отходила.

Д ж у л ь е т т а

Мои бы кости за твою бы весть
Готова в жертву я тебе принести!

К о р м и л и ц а

Подумаешь, горячка! Ты не видишь—
Одышка одолела, я без сил.

Д ж у л ь е т т а

А на одышку плакаться есть силы?
Ах, нянюшка, твои обиняки
Длинней иного полного рассказа!
В порядке ли дела у нас иль нет?
Скажи, я успокоюсь и отстану.
Итак, скажи, в порядке ли дела?

К о р м и л и ц а

Сама знаешь, в каком порядке. Навязала себе сокровище! Без меня выбирала, на себя и пеняй. Ромео! Ну, что поделаешь... Конечно, лицом он хорош, но фигура еще лучше. О руках и ногах, конечно, нечего и говорить, но они выше всякого сравнения. Да что уж там... Служи, детка, молебен. Вы еще не обедали?

Д ж у л ь е т т а

Нет, нет. Но я все это знала раньше.
Со свадьбой как? Что он о ней сказал?

К о р м и л и ц а

Головушку как ломит, инда треснет
И разлетится на двадцать кусков!
А поясница-то, а поясница!
Ты полагаешь, бог тебе простит,
Что до смерти меня ты загоняла?

Д ж у л ь е т т а

Мне очень жаль, что ты удручена,
Но что сказал он, золотая няня?

К о р м и л и ц а

Как полагается человеку доброму, красивому и, главное, порядочному, он сказал... Где матушка твоя?

Д ж у л ь е т т а

Где матушка моя? Она в дому.
А где ж ей быть? Какой ответ нелепый!

«Как люди с воспитаньем, он сказал:
«Где матушка твоя?»»

К о р м и л и ц а

О боже правый!

Вот егоза! И этот нетерпеж—
Моим костям заслуженная грелка?
Вперед летай с записками сама.

Д ж у л ь е т т а

Вот мука-то! Что говорит Ромео?

К о р м и л и ц а

Ты б нынче исповедаться могла?

Д ж у л ь е т т а

Могу.

К о р м и л и ц а

Тогда беги к Лоренцо в келью...

Там муж твой сделает тебя женой.
Ишь кровь-то как, злодейка, заиграла!
Зарделась, только палец покажи!
Ну вот. Ты в храм, а у меня забота:
Веревочная лестница нужна
Для твоего ночного шатуна.
Кто хочет, всяк меня, старуху, мучит.
Да ночью и тебя, смотри, навьютчат.
Пойду поестъ. А ты не опоздай.

Д ж у л ь е т т а

Иду, иду, родимая! Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 6

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Ромео.

Б р а т Л о р е н ц о

Брак надо достоительно освятить,
Чтобы о том впоследствии не плакать.

Р о м е о

Аминь! Что б ни грозило впереди,
Все беды перевешивает счастье
Свидания с Джульеттой хоть на миг.

С молитвою соедини нам руки,
А там хоть смерть. Я буду ликовать,
Что хоть минуту звал ее своею.

Б р а т Л о р е н ц о

У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что, наконец, и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо.

Входит Джульетта.

Вот и она. Столь легкая нога
Еще по этим плитам не ступала.
Влюбленный дух, наверно, невесом,
Как нити паутины бабьим летом.

Д ж у л ь е т т а

Привет тебе, духовный мой отец!

Б р а т Л о р е н ц о

Благодари, Ромео, за обоих.

Р о м е о

Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
От счастья бьется сердце? Если так же,
Найди слова, которых я лишен,
Чтоб выразить, что нас переполняет.
Пропой хоть звук из хора голосов,
Которые бушуют в нашей встрече.

Д ж у л ь е т т а

Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.
Любовь моя так страшно разрослась,
Что мне не охватить и половины.

Б р а т Л о р е н ц о

Пойдем и поскорей всё обрядим.
Не повенчав, с такою речью страстной.
Вас оставлять одних небезопасно.

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Площадь.

Входят Меркуцио, Бенволио, паж и слуги.

Бенволио

Прошу тебя, Меркуцио, уйдем.
Сегодня жарко. Всюду Капулетти.
Нам неприятностей не избежать,
И в жилах закипает кровь от зноя.

Меркуцио

Ты похож на тех, кто, входя в трактир, кладут шпагу на стол со словами: «Пронеси, господи!» и хватаются за нее при второй чарке без надобности.

Бенволио

Разве я таков?

Меркуцио

Милый мой, ты горяч, как все в Италии, и так же склонен к безрассудствам и безрассуден в склонностях.

Бенволио

Неужто?

Меркуцио

А то нет? Он еще сомневается! Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого²⁶, у кого на один волос больше или меньше в бороде, чем у тебя, или только за то, что человек ест каштаны, в то время как у тебя глаза каштанового цвета. Голова у тебя набита кулачными соображениями, как яйцо—здоровою пищей, и, совершенно как яйцо, сбита всмятку вечными потасовками. Разве ты не поколотил человека за то, что он кашлянул на улице и разбудил твою собаку, лежавшую на солнце? Разве ты не набросился на портного, осмелившегося надеть новую пару до пасхи, или

на кого-то другого за то, что он новые башмаки подвязал старыми лентами? И такой-то хочет научить меня миролюбия?

Б е н в о л и о

Если бы я любил ссоры, как ты, я дал бы застраховать себя с гарантией на час с четвертью.

М е р к у ц и о

Застраховать себя! Эх ты, гарантия!

Входят Тибальт и другие.

Б е н в о л и о

Ручаюсь головой, вот Капулетти.

М е р к у ц и о

Ручаюсь пяткой, мне и дела нет.

Т и б а л ь т

За мной, друзья! Я потолкую с ними.—Словечко-два, не больше, господа!

М е р к у ц и о

Словечко-два? Скажите, какая важность! Я думал, удар-другой.

Т и б а л ь т

Я всегда готов к вашим услугам, дайте мне только повод.

М е р к у ц и о

Его еще надо давать?

Т и б а л ь т

Меркуцио, ты в компании с Ромео?

М е р к у ц и о

В компании? Это еще что за выражение! Что мы, в арти бродячих музыкантов? Если так, то не прогневайтесь. Вот мой смычок, которым я вас заставлю попрыгать. Это мне нравится! В компании!

Б е н в о л и о

Напрасно мы шумим среди толпы.

Одно из двух: уединимся—либо

Обсудим спор с холодной душой

И разойдемся. Отовсюду смотрят.

М е р к у ц и о

И на здоровье. Для того глаза.

Пусть их смотрят. Я не сдвинусь с места.

Входит Ромео.

Т и б а л ь т

Отстаньте! Вот мне нужный человек.

М е р к у ц и о

Ваш человек? К чему же он приставлен?

По-видимому, состоять при вас

Противником на вашем поединке.

Т и б а л ь т

Ромео, сущность чувств моих к тебе

Вся выразима в слове: ты мерзавец.

Р о м е о

Тибальт, природа чувств моих к тебе

Велит простить твою слепую злобу.

Я вовсе не мерзавец. Будь здоров.

Я вижу, ты меня совсем не знаешь.

Т и б а л ь т

Словами раздраженья не унять,

Которое всегда ты возбуждаешь.

Р о м е о

Неправда, я тебя не обижал.

А скоро до тебя дойдет известье,

Которое нас близко породнит.

Расстанемся друзьями, Капулетти!

Едва ли знаешь ты, как дорог мне.

М е р к у ц и о

Трусливая, презренная покорность!

Я кровью должен смыть ее позор!

Как, крысолов Тибальт, ты прочь уходишь?

Обнажает шпагу.

Т и б а л ь т

Что, собственно, ты хочешь от меня?

М е р к у ц и о

Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь, в ожидании восьми остальных, которые я выколочу следом. Тащи за уши свою шпагу, пока я не схватил тебя за твои собственные!

Т и б а л ь т

С готовностью!

Обнажает шпагу.

Р о м е о

Меркуцио, оставь!

М е р к у ц и о

Ну, сударь мой, а где *passado* ваше?

Бьются.

Р о м е о

Вынь меч, Бенвольо! Выбивай из рук
У них оружие. Господа, постыдитесь!
Тибальт! Меркуцио! Князь ведь запретил
Побоища на улицах Вероны.
Постой, Тибальт! Меркуцио!

Из-под руки Ромео Тибальт ранит Меркуцио и скрывается со своими
сообщниками.

М е р к у ц и о

Заколол!

Чума возьми семейства ваши оба!
А сам ушел—и цел?

Б е н в о л и о

Большой укол?

М е р к у ц и о

Царапина. Но и такой довольно.
Где паж мой? Сбегай, мальчик, за врачом.

Паж уходит.

Р о м е о

Мужайся, рана ведь не из глубоких.

М е р к у ц и о

Ну конечно, колодцы глубже и церковные двери шире.
Но довольно и этой. Клики меня завтра, и тебе скажут,
что я отбежался. Для этого света я переперчен, дело ясное.
Чума возьми семейства ваши оба! Ах, собака, и крыса, и
кошка! Зацарапать человека до смерти! Подлец бессовест-
ный! Выучился драться по книжке! Какого черта затесались
вы между нами? Меня ранили из-под вашей руки!

Р о м е о

Я вас хотел разнять.

М е р к у ц и о

Веди, Бенвольо,

Куда-нибудь. Я чувств сейчас лихусь.
Чума возьми семейства ваши оба!
Я из-за вас стал кормом для червей.
Всё прахом!

Бенволио уходит с Меркуцио.

Ромео

Он—мой друг и родич князя

И ранен тяжело из-за меня.

Я молча снес смертельную обиду:

Меня пред всеми оскорбил Тибальт,

Тибальт, который скоро больше часу

Стал мне родным! Благодаря тебе,

Джюльетта, становлюсь я слишком мягким.

Бенволио возвращается.

Бенволио

Ромео, наш Меркуцио угас.

Его бесстрашный дух вознесся к небу,

С презреньем отвернувшись от земли.

Ромео

Недобрый день! Одно убийство это—

Грядущего недобрая примета.

Возвращается Тибальт.

Бенволио

Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый!

Ромео

Как, невредим и на вершине славы?

А тот убит? Умолкни, доброта!

Огненноокий гнев, я твой отныне!

Тибальт, возьми обратно подлеца,

Которого сказал мне! Дух Меркуцио

Еще не отлетел так далеко,

Чтобы тебя в попутчики не жаждать.

Ты или я разделим этот путь.

Тибальт

Нет, только ты. Ты в жизни с ним якшался,

Ты и ступай!

Ромео

Еще посмотрим, кто!

Бьются. Тибальт падает.

Бенволио

Беги, Ромео! Живо! Горожане

В движенье. Ты Тибальта заколол.

Тебя осудят на смерть за убийство.

Что ты стоишь? Немедленно беги!

Ромео
Насмешница судьба!
Бенволио
Зачем ты медлишь?

Ромео уходит. Входят горожане.

Первый горожанин
Куда удрал головорез Тибальт?
Меркуцио мертв. Держите негодя!

Бенволио
Вот ваш Тибальт.

Первый горожанин
Я вас предупреждаю:
Вы арестованы. За мной, синьор!
Входят князь со свитой, Монтеки, Капулетти,
их жены и другие.

Князь
Кто подал поножовщины пример?

Бенволио
Светлейший князь, восстановить велите
Причину этого кровопролитья.
Рукой Ромео умерщвлен и нем
Убивший сам Меркуцио пред тем.

Леди Капулетти
Тибальт! Тибальт! Дитя родного брата!
О муж! О князь! О страшная утрата!
Кровь родственная наша пролилась!
Взыщи ее с Монтеки, добрый князь!
Вот он стоит—убийца и мерзавец!

Князь
Я спрашиваю, кто самоуправец?

Бенволио
Виной Тибальт, который здесь простерт.
Он оскорбил Ромео. Оскорбленный
Стерпел обиду и, наоборот,
Как мог, старался охладить Тибальта.
Но все Тибальту было нипочем,
Он продолжал буянить. Тут вмешался
Меркуцио, сцепились, и пошло.

Они сражались долго с равной силой.
Вертясь почти все время между шпаг,
Ромео их просил остановиться,
Но сам приблизил роковой исход:
Из-под его руки был ранен насмерть
Храбрец Меркуцио. Тибальт бежал
И думал скрыться, но потом вернулся.
Тогда Ромео вышел из себя.
И, прежде чем успел я разобраться,
Лежал Тибальт без жизни на земле
И от последствий убегал Ромео.
Вот поединка достоверный ход.
Я жизнью отвечаю за отчет.

Л е д и К а п у л е т т и

Он из семьи Монтекки. Для него
Не истина важнее, а родство.
Их было двадцать человек, и еле
Всем скопищем Тибальта одолели.
Схвати Ромео, князь! Убийца он
И по закону должен быть казнён.

К н я з ь

Ромео был возмездия орудьем.
Кого мы за Меркуцио осудим?

М о н т е к к и

Ромео меньше всех. Он с ним дружил
И мстил убийце, как и ты б отмстил.

К н я з ь

И за поступок этот самочинный
Немедля будет выслан на чужбину.
А ваш раздор мне надоел вдвойне
С тех пор, как жизни близких стоит мне.
Я наложу на вас такую пеню,
Что вы оцените мое терпенье.
Слезам, мольбам не придаю цены,
Вы ими не искупите вины.
Когда Ромео края не оставит,
Ничто его от смерти не избавит.
Очистить площадь! Мертвеца убрать.
Прощать убийцу—значит убивать.

Уходят.

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

Входит Джульетта

Джульетта

Неситесь шибче, огненные кони,
К вечерней цели! Если б Фазтон²⁸
Был вам возницей, вы б давно домчались
И на земле настала б темнота.
О ночь любви, раскинь свой темный полог,
Чтоб укрывающиеся могли
Тайком переглянуться и Ромео
Вошел ко мне неслышим и незрим.
Ведь любящие видят всё при свете
Волненьем загорающихся лиц.
Любовь и ночь живут чутьем слепого.
Прабабка в черном, чопорная ночь,
Приди и научи меня забаве,
В которой проигравший в барыше,
А ставка—непорочность двух созданий.
Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
Покамест вдруг она не осмелеет
И не поймет, как чисто все в любви.
Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео,
Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
Как иней на вороньем оперенье!
Приди, святая, любящая ночь!
Приди и приведи ко мне Ромео!
Дай мне его. Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце.
Я дом любви купила, но в права
Не введена, и я сама другому
Запродана, но в руки не сдана.
И день тосклив, как накануне празднеств,
Когда обновка сшита, а надеть
Не велено еще. Но вот и няня
С вестями от Ромео, а тогда
Любой язык красноречив, как небо.

Входит кормилица с веревками.

Какие вести, няня? Это что:
Веревки для Ромео?

К о р м и л и ц а
Да, веревки.

Бросает их наземь.

Д ж у л ь е т т а
Что ты ломаешь руки? Что с тобой?

К о р м и л и ц а
Погибель наша! Светопреставленье!
Убит, убит, родимая, убит,
Убит, болезный, отдал богу душу!

Д ж у л ь е т т а
Ужель так бессердечны небеса?

К о р м и л и ц а
Не небеса, а милый твой Ромео.
А я-то, дура! Кто ж мог ожидать?

Д ж у л ь е т т а
Зачем ты мучаешь меня, чертовка?
От этой пытки взвыли бы в аду!
Итак, Ромео сам с собой покончил?
Да или нет? Меня такое «да»
Убьет вернее взгляда василиска²⁹.
Одно такое «да», и я—не я
И больше никогда собой не буду.
Ответь мне: да иль нет, и слов не трать,
Чтоб осчастливить или доконать.

К о р м и л и ц а
Сама видала рану. Вот такая.
Здесь, на груди. Не приведи господь!
А крови сколько, крови! Лужа крови!
Сам белый-белый, точно полотно.
Я прямо обмерла, как увидала.

Д ж у л ь е т т а
О сердце! Разорившийся банкрот!
В тюрьму, глаза! Закройтесь для свободы.
Стань снова прахом, прах. В одном гробу
Ромео и тебя я погребу.

К о р м и л и ц а
Тибальт, Тибальт! Сердечный друг Тибальт!
Какая речь! Какое обхожденье!
Зачем тебя должна я пережить!

Д ж у л ь е т т а

Как, этот вихрь меняет направление?
Убит Ромео и Тибальт убит?
Лишилась мужа я? Лишилась брата?
Что ж не трубит архангела труба?
Кто жив еще, когда таких не стало?

К о р м и л и ц а

Убит один Тибальт, Ромео жив.
Он заколол Тибальта и в изгнание.

Д ж у л ь е т т а

Ромео пролил кровь Тибальта?

К о р м и л и ц а

Да.

Хоть верь, хоть не верь, а пролил, пролил!

Д ж у л ь е т т а

О, куст цветов с таящейся змеей!
Дракон в обворожительном обличье!
Исчадь ада с ангельским лицом!
Поддельный голубь! Волк в овечьей шкуре!
Ничтожество с чертами божества!
Пустая видимость! Противоречье!
Святой и негодяй в одной плоти!
Чем занята природа в преисподней,
Когда она вселяет сатану
В такую покоряющую внешность?
Зачем негодный текст переплетен
Так хорошо? Откуда самозванец
В таком дворце?

К о р м и л и ц а

В мужчинах нет ни в ком

Ни совести, ни чести. Все притворство,
Пустое обольщение и обман.
Глоток наливки! Эти огорченья
Меня, старуху, скоро вгонят в гроб.
Позор Ромео твоему!

Д ж у л ь е т т а

Опомнись!

Ромео для позора не рожден,
Позор стыдится лба его коснуться.
На этом незапятнанном лице
Могла бы честь короноваться. Низость,
Что я осмелилась его бранить.

К о р м и л и ц а

А что ж тебе хвалить убийцу брата?

Д ж у л ь е т т а

Супруга ль осуждать мне? Бедный муж,
Где доброе тебе услышать слово,
Когда его не скажет и жена
На третьем часе брака? Ах, разбойник,
Двоюродного брата умертвил!
Но разве было б лучше, если б в драке
Тебя убил разбойник этот, брат?
Вернитесь вспять к своим истокам, слезы!
Вы не у места. Данники тоски,
Вы счастью дань несете по ошибке.
Супруг мой жив, которого Тибальт
Хотел убить. Убит Тибальт, который
Хотел его убить. Все обошлось.
Так что ж я плачу? Слово я слыхала.
Тибальта жалко, но оно страшней.
Я рада бы забыть его, но память
Полна им, как раскаяньем злодей.
«Тибальт убит, а твой Ромео изгнан».
Вот это слово: «Изгнан». Этот звук
Страшнее смерти тысячи Тибальтов.
Достаточно Тибальтова конца,
Но если горю скучно в одиночку
И требуется общество, скажи
Вслед за известьем о конце Тибальта
Про гибель матери или отца,
Или обоих, если очень нужно.
Но на Тибальтов труп нагромождать
Слова: «Ромео изгнан»—это слишком
И значит уничтожить мать, отца,
Тибальта, и Ромео, и Джульетту.
«Ромео изгнан»—это глубина
Отчаянья без края и без дна!
Где мой отец и мать, скажи мне, няня?

К о р м и л и ц а

Рыдают над Тибальтом без скончанья.
Не хочешь ли ты к ним? Я отведу.

Д ж у л ь е т т а

Не надо, няня. Пусть поплачут сами.
Ромео я не ворочу слезами.
А лестницу веревочную спрячь.

Веревочки, о сколько неудач!
У вас ведь тоже разочарованье:
Ромео ждали вы, а он в изгнание.
Вас вили, чтоб, хватаясь за узлы,
Ко мне проник он под покровом мглы,
А вы теперь валяетесь без цели.
Тут и без вас в невестах овдовели.
Возьми их, няня... Лягу на кровать—
Не жениха, а скорой смерти ждать.

К о р м и л и ц а

Ну, так и быть. Я знаю, где Ромео.
Утешься, детка. Я его найду
И к вечеру доставлю непременно.
Сейчас отправлюсь. Он в монастыре.

Д ж у л ь е т т а

Надень ему кольцо на безымянный.
И пусть придет проститься на заре.

Уходят.

СЦЕНА 3

Келья брата Лоренцо.

Входит б р а т Л о р е н ц о.

Б р а т Л о р е н ц о

Ромео, выйди. Выходи, несчастный!
В тебя печаль влюбилась. Ты женат
На горести.

Входит Р о м е о.

Р о м е о

Отец, какие вести?
Что приговор гласит? Какое зло
Еще желало бы со мной знакомства?

Б р а т Л о р е н ц о

Ты прав. С тобою в дружбе беды все.
Я весть принес о княжеском решении.

Р о м е о

Он дело переносит в Страшный суд?

Б р а т Л о р е н ц о

О нет, зачем? Его решение мягче:
Ты к ссылке, а не к смерти присужден.

Р о м е о

О, лучше сжался и скажи, что к смерти!
Мне близость ссылки тяжелей, чем смерть.
Не говори ни слова об изгнание.

Б р а т Л о р е н ц о

Ты выслан из Вероны. Потерпи.
Все впереди, не клином свет сошелся.

Р о м е о .

Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.
Из жизни выслать, смерти ли обречь—
Я никакой тут разницы не вижу.
Когда ты мне об этом говоришь,
Ты мне топор вручаешь на подносе,
Чтоб мне с улыбкой голову срубить.

Б р а т Л о р е н ц о

Неблагодарный! Ты ведь по закону
Достоин смерти, а остался жить.
Так что ж, ты слеп, что милости не видишь?

Р о м е о

Какая это милость! Это месть.
Небесный свод есть только над Джульеттой.
Собака,мышь,любая мелюзга
Живут под ним и вправе с ней видаться,
Но не Ромео. У навозных мух
Гораздо больше веса и значенья,
Чем у Ромео: им разрешено
Соприкасаться с белоснежным чудом
Джульеттиной руки и воровать
Благословенье губ ее стыдливых,
Но не Ромео. Этому нельзя.
Он в ссылке, а мухи полноправны!
И ты сказал, что высылка—не смерть?
Ты б отравил меня или зарезал,
Чем этим пустословьем донимать.
Изгнание! Изгнание—выражение,
Встречаемое воплями в аду.
И ты, священник, друг, мудрец, наставник,
Ты мог меня изгнанником назвать?

Б р а т Л о р е н ц о

Влюбленный дурень, дай сказать мне слово.

Ромео

Ты об изгнание вновь заговоришь.

Брат Лоренцо

В защиту от твоих тоскливых мыслей
Я философию препровожу
С тобой в изгнание, спутницу гонимых.

Ромео

Опять изгнание? Это не исход.
Твоя премудрость не создаст Джульетты,
Она не сдвинет стен, не упразднит
Приказа. Философия—не помощь.

Брат Лоренцо

Ну, значит у безумцев нет ушей.

Ромео

Безумцы глухи, а провидцы слепы.

Брат Лоренцо

Дай о твоих делах поговорим.

Ромео

Молчи о том, чего не понимаешь!
Когда б ты так же молод был, как я;
Любил Джульетту; час, как обвенчался;
Убил Тибальта; так же тосковал
И шел бы в ссылку, ты бы мог по праву
Судить о том. Тогда б ты на себе
Рвал волосы и по полу катался,
Снимая мерку гроба для себя.

Стучат в дверь.

Брат Лоренцо

Стучат. Вставай. Скорей, Ромео! Прячься!

Ромео

Зачем! Я спрятан все равно от всех
Стеной непроницаемой печали.

Стучат.

Брат Лоренцо

Ты слышишь, как стучатся? Уходи.

Стучат.

Кто там? Сейчас.—Вставай. Тебя задержат.
Ступай в читальню. Ах, как ты упрям!

Стучат.

Сейчас, сейчас! Какое нетерпенье!
Кто там! Кого вам надо? От кого?

Кормилица
(за сценой)

Откройте дверь, тогда отвечу. Это
Кормилица Джульетты.

Брат Лоренцо
В добрый час.

Входит кормилица.

Кормилица
Святой отец, скажите, где Ромео,
Муж госпожи моей?

Брат Лоренцо
Он на полу

И пьян от слез.

Кормилица
Какое совпадение!

Точь-в-точь она.

Брат Лоренцо
Сочувствие сердец.

Сродство души.

Кормилица
Вот так лежит и плачет,
Лежит—и всё. А вам нельзя, нельзя!
Вы встаньте, сударь, встаньте! Вы мужчина,
Вам не к лицу.

Ромео
Ах, няня!

Кормилица
Вот и «ах»!

Мы все умрем и смерти не минуем.

Ромео
Ты о Джульетте говоришь? Ну как?
Что с ней? Я, верно, ей кажусь злодеем?
Ведь я родною кровью обагрил
Ей память детства. Как ее здоровье?
Как ей живется? Где она сейчас?
Что говорит она о нашем браке?

Кормилица
Что говорит? Ревет, ревмя ревет.
То на постель повалится, то вскочит,
То закричит «Ромео», то «Тибальт».
И снова навзничь падает.

Ромео

Ромео!

Ах, это имя—гибель для нее,
Как было смертью для ее родного.
Скажи, где в нас гнездятся имена?
Я уничтожу это помещенье.

(Вынимает шпагу.)

Брат Лоренцо

Сдержи, безумец, руку! Отвечай:
Мужчина ль ты? Слезливостью ты баба,
А слепотой поступков—дикий зверь.
Женоподобье в образе мужчины!
Звереныш с человеческим лицом!
Ты удивил меня. Священным саном
Клянусь, я думал лучше о тебе.
Убил ли ты Тибальта? Что же, надо
Убить себя и заодно убить
Свою жену, живущую тобою?
Чем плох твой род и небо и земля,
Которые ты предаешь хуленьям?
Они соединились все в тебе
Не для распада. Этим ты позоришь
Свою природу и любовь и ум.
Не пользуясь своим тройным богатством,
Подобен ты скупцу-ростовщику.
Твоя природа—восковая кукла,
Когда бесстрашьем не оживлена.
Твоя любовь—игра напрасной клятвой,
Когда во вред для любящих. Твой ум—
Как порох у неловкого солдата,
Который рвется у него в руках,
Меж тем как создан для самозащиты.
Встань, человек! По ком ты обмирал,
Жива твоя Джульетта. Это счастье.
Как ни желал тебя убить Тибальт,
Ты сам убил Тибальта. Снова счастье.
Подумай, сколько сыплется удач,
А ты сердит на собственную участь!
Смотри, смотри, таким плохой конец.
Пойди к Джульетте ночью на свиданье,
Как решено, и успокой ее,
Но возвращайся до обхода стражи,
А то не сможешь в Мантую попасть.
Будь в Мантуе, пока найдется повод

Открыть ваш брак и примирить дома.
Тогда упросим, чтоб тебя вернули,
И радость будет в двести раз сильнее,
Чем горе нынешнего расставанья.
Кормилица, хозяйке передай,
Чтоб в доме спать легли сегодня раньше,—
От слез и так ведь нападает сон,—
И чтоб она к себе ждала Ромео.

К о р м и л и ц а

О боже, боже! Ночь бы до утра
Стоять да слушать. Вот она, ученость!
Скажу, что вы придете, доложу.

Р о м е о

И что готовлюсь выговор услышать.

К о р м и л и ц а

Она послала, сударь, вам кольцо.
Смотрите, как-нибудь не опоздайте.

Уходит.

Р о м е о

Как ожил я от этого всего!

Б р а т Л о р е н ц о

Ступай. Спокойной ночи. Значит, помни,
Одно из двух: до стражи уходи
Иль утром проберись переодетым.
Будь в Мантуе. Я буду посылать
С твоим слугой по временам известья,
Как подвигаются твои дела.
Пора. Дай руку. До счастливой встречи!

Р о м е о

Я к ней—и под собой не слышу ног,
А то б с тобой расстаться я не мог.
Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти и Парис.

К а п у л е т т и

У нас несчастье, граф, и до сих пор
Мы с дочерью еще не говорили.
В Тибальте здесь не чаяли души.

Но смерть есть смерть. Уже довольно поздно.
Джульетта сверху больше не сойдет.
Когда б не ваше общество, поверьте,
Я тоже лег бы час тому назад.

П а р и с

Дни траура—для сватовства не время.
Миледи, вашей дочери поклон.

Л е д и К а п у л е т т и

Я поклонюсь и все у ней узнаю.
Она утратой вся поглощена.

К а п у л е т т и

Парис, я знаю дочь, и я ручаюсь:
Она полюбит вас. Нелепа мысль,
Чтобы она ослушалась. Проведай
Ее пред сном, жена, и приготовь
К тому, что сын наш будущий задумал.
И в эту среду... Впрочем, что у нас?

П а р и с

Сегодня понедельник.

К а п у л е т т и

Понедельник?

Пожалуй, в среду рано—не успеть.
Тогда в четверг. Итак, в четверг, скажи ей,
Ее с Парисом решено венчать.
Вы будете готовы? Вы согласны?
Без шума. Два-три друга, вот и всё.
А то Тибальт—и вдруг веселье, сплетни,
Не правда ли? Две или три семьи.
Удобно ли в четверг, скажите прямо?

П а р и с

Жаль, что четверг не завтра, не сейчас.

К а п у л е т т и

Отлично. Так в четверг. Теперь ступайте.
А ты сходи к Джульетте. Прикажи,
Чтобы она готовилась к венчанью.
Прощайте, граф. Светите, слуги, мне!
Так поздно, что уж скоро будет рано.
Спокойной ночи!

Уходят.

СЦЕНА 5

Комната Джульетты.

Ромео и Джульетта.

Джульетта

Уходишь ты? Еще не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

Ромео

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Джульетта

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелоносца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

Ромео

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла—не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.

Джульетта

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладицей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит!
Не трели он, а любящих разводит,
И жабы будто у него глаза.

Нет, против жаворонков жабы—прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.

Ромео

Румяней день и все черней прощанье.

В комнату входит кормилица.

Кормилица

Джюльетта!

Джюльетта

Няня?

Кормилица

Матушка идет.

Светает. Осторожнее немножко.

Уходит.

Джюльетта

В окошко—день, а радость—из окошка!

Ромео

Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

Джюльетта

Ты так уйдешь, мой друг, мой муж, мой клад?

Давай мне всякий раз все это время

Знать о себе. В минуте столько дней,

Что, верно, я на сотни лет состарюсь,

Пока с моим Ромео свижусь вновь.

Ромео

Я буду посылать с чужбины весть

Со всяким, кто ее возьмется свезть.

Джюльетта

Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

Ромео

Наверное. А муки эти все

Послужат нам потом воспоминаньем.

Джюльетта

О боже, у меня недобрый глаз!

Ты показался мне отсюда, сверху,

Опущенным на гробовое дно

И, если верить глазу, страшно бледным.

Ромео

Печаль нас пожирает, и она

Пьет нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!

Уходит.

Д ж у л ь е т т а
Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

Л е д и К а п у л е т т и
(за сценой)

Ты встала, дочь?

Д ж у л ь е т т а
Кто говорит со мною?
Вы, матушка? Еще вы не легли
Иль поднялись? Что надо вам так рано?

Л е д и К а п у л е т т и
Ну как, Джульетта?

Д ж у л ь е т т а
Мне не по себе.

Л е д и К а п у л е т т и
Все плачешь об убитом? Но слезами
Его не выполощешь из земли,
А вымоешь—не оживишь. Довольно.
Поплакать в меру—знак большой любви,
А плач без меры—признак тупоумья.

Д ж у л ь е т т а
А если так утрата велика?

Л е д и К а п у л е т т и
Ведь слез твоих утраченный не видит.

Д ж у л ь е т т а
Да я ж их по своей охоте лью.

Л е д и К а п у л е т т и
Ты плачешь не о том, что нет Тибальта,
А что подлец, его убивший, жив.

Д ж у л ь е т т а
Какой подлец?

Л е д и К а п у л е т т и
Ромео!

Д ж у л ь е т т а
(в сторону)

Он и подлость
Никак не совместимы.—Видит бог,
Еще никто так не терзал мне сердца!

Л е д и К а п у л е т т и
Все потому, что он еще живет.

Д ж у л ь е т т а
Живет и для меня недосыгаем.
Я за Тибальта отомщу сама.

Л е д и К а п у л е т т и
Отмстим и мы, ты можешь быть покойна.
Я в Мантую пошлю, где, говорят,
Скрывается преступник. Там сумеют
Отравы подмешать ему в еду.
Он в гости поторопится к Тибальту,
И это восстановит твой покой.

Д ж у л ь е т т а
Я, правда, никогда не успокоюсь,
Пока Ромео не в моих руках.
Найдите человека для посылки,
А яд Ромео я сама сыщу.
Я так составлю для него отраву,
Что с миром он, поверьте мне, уснет.
О, что за мука слышать это имя
И быть не в силах броситься к нему,
Чтоб из любви к несчастному Тибальту
Его в объятьях насмерть задушить!

Л е д и К а п у л е т т и
Составь мне смесь, а я гонца достану.
Теперь тебе я радость сообщу.

Д ж у л ь е т т а
В такое время радость очень кстати.
Итак, в чем радость эта состоит?

Л е д и К а п у л е т т и
Отец твой полон о тебе заботы.
Чтобы тебя развлечь, он выбрал день
Для праздника. Нам и во сне не снилось
Нежданное такое торжество.

Д ж у л ь е т т а
Что ж, в добрый час. Когда назначен праздник?

Л е д и К а п у л е т т и

В четверг, моя хорошая. В четверг
Прекрасный граф Парис, твой нареченный,
С утра нас приглашает в храм Петра,
Чтобы с тобою сочетаться браком.

Д ж у л ь е т т а

Клянусь Петровым храмом и Петром,
Ничем с Парисом я не сочетаюсь!
Какая спешка! Гонят под венец,
Когда жених и глаз еще не кажет.
Благодарю! Уведомьте отца,
Что замуж рано мне, а если надо,
Скорее за Ромео я пойду,
Чем выйду за Париса. Вот так радость!

Л е д и К а п у л е т т и

Вот он идет. Скажи ему сама.
Посмотрим, как он примет эти речи.

Входят Капулетти и кормилица.

К а п у л е т т и

Закат сопровождается росой,
Племянника ж закат отмечен ливнем.
Опять потоки? Всё еще в слезах?
На взгляд такое щупленькое тельце,
А борется, как на море корабль,
С пучиной слез и ураганом вздохов
До воцаренья новой тишины.
Ну, как дела? Уже ты сообщила
Ей наше повеление, жена?

Л е д и К а п у л е т т и

Сказала, но она не хочет слушать,
Отказывается. Благодарит.

К а п у л е т т и

Что? Что? Не слышу. Повтори. Не хочет?
Благодарит? Она не поняла
Всей этой чести? Ей не очевидно,
Во сколько раз жених знатнее нас?
Она находкой нашей не гордится?

Д ж у л ь е т т а

Должна благодарить, но не горжусь.
Какая гордость в том, что ненавистно?
Но и напрасный труд ваш дорог мне.

Капулетти

Вот логика! Прости, не понимаю.
Где связь? То «благодарна» и «горда»,
То «не горда» вдруг и «не благодарна».
Брось эти штуки, маменькина дочь!
Что гордость мне твоя и благодарность?
А вот в четверг, пожалуйста, изволь
Пойти венчаться в храм с Парисом, или
Тебя я на веревке притащу.
В чем держится душа, холера, падаль!
Разважничалась!

Леди Капулетти
Вы с ума сошли!

Джюльетта
Отец, прошу вас слезно на коленях,
Позвольте только слово мне сказать!

Капулетти
Ни звука! Все заранее известно.
В четверг будь в церкви или на глаза
Мне больше никогда не попадайся!
Молчать, молчать! Роптали, дураки,
Что дочь у нас одна, а на поверку
И этой много, так нас допекла!
У, подлая!

Кормилица
Избави боже, сударь!
О дочке отзываться так нельзя.

Капулетти
А почему, наставница с указкой?
К соседкам шли бы языком трепать!

Кормилица
Я зря не вру.

Капулетти
Проваливайте к богу!

Кормилица
Нельзя и рта открыть?

Капулетти
Вам говорят,
С соседками за кружкой судачьте!
Тут не кабак.

Леди Капулетти
Вы слишком горячи.

Ка пу л е т т и

Меня с ума все это сводит. Боже!
Где б ни был я и что б ни затевал,
В гостях ли, дома ль, вечно, днем и ночью,
Моею мыслью было подыскать
Ей жениха. И наконец он найден.
Богач, красавец, знатный человек,
Воспитан, воплощение всех достоинств,
Мечта и сон, а эта тварь питит:
«Я не хочу! Я не могу! Мне рано.
Простите». Ты не можешь? Хорошо.
Прощаю. Но изволь вперед кормиться
Где хочешь, только больше не со мной.
Имей в виду, я даром слов не трачу.
На размышленья у тебя два дня,
И если ты мне дочь, то выйдешь замуж,
А если нет, скитайся, голодай
И можешь удавиться: бог свидетель,
Тебе тогда я больше не отец.
Так вот, подумай. Это ведь не шутки.

Уходит.

Д ж у л ь е т т а

Ужель нет состраданья в небесах?
Им видно ведь насквозь мое несчастье.
Ах, матушка, не выгоняйте вон!
Отсрочьте брак на месяц, на неделю
Или с Тибальтом положите в склеп!

Л е д и Ка пу л е т т и

Всё обсудили. Поступай, как знаешь.
Молчи. Я слова больше не скажу.

Уходит.

Д ж у л ь е т т а

О господи! О нянюшка! Что делать?
Обет мой в небе, у меня есть муж.
Как клятву мне вернуть с небес на землю,
Пока мой муж не улетел с земли?
Зачем судьба кует такие ковы
Столь беззащитным существам, как я?
Ну, что ты скажешь, няня? Неужели
Нет утешенья?

К о р м и л и ц а

Утешенье есть.

Ромео в ссылке. Он остережется
Соваться к нам и требовать тебя.
Поэтому я вышла бы за графа.
Он—милочка. Ромео—мелюзга
В сравненье с ним. Такой грозы во взоре
Не сыщешь у орлов. Твой новый брак
Затмит своими выгодами первый.
А нынешний твой муж в такой дали,
Что это—как покойник, та же польза.

Д ж у л ь е т т а

Ты говоришь от сердца?

К о р м и л и ц а

От души.

Д ж у л ь е т т а

Аминь!

К о р м и л и ц а

Что?

Д ж у л ь е т т а

Ты меня переродила.

Спустись-ка вниз и матушке скажи:
Я принесу Лоренцо покаянье
В грехе непослушания отцу.

К о р м и л и ц а

Пойду скажу. Вот это шаг похвальный!

Уходит.

Д ж у л ь е т т а

Ведь вот он, вот он, первородный грех.
О демон-искуситель! Что подлее:
Толкать меня на ложь или хулить
Ромео тем же языком, которым
Она его хвалила столько раз?
Разрыв, разрыв! Меж нами пропасть, няня.
И если не поможет мне монах,
Есть средство умереть в моих руках.

Уходит.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Парис.

Б р а т Л о р е н ц о

До четверга короткий слишком срок.

П а р и с

Так хочет тесть, и спешки Капулетти
Ничем я не намерен ослаблять.

Б р а т Л о р е н ц о

Невестин образ мыслей вам неведом?
Не нравится мне что-то это всё.

П а р и с

Она все время плачет о Тибальте,
Я ни о чем не мог с ней говорить.
Любовь не ко двору в домах, где траур,
Но против этих слез ее отец.
Они вредят здоровью. Он считает,
Что брак остановил бы их поток,
Который разлился в уединенье,
А в обществе вошел бы в берега.
Вы поняли причину нашей спешки?

Б р а т Л о р е н ц о

(в сторону)

К несчастию! *(Громко.)*

А вот она сама.

Входит Джульетта.

П а р и с
Счастливым миг, прекрасная супруга!

Д ж у л ь е т т а
Мы не принадлежим еще друг другу.

П а р и с
В четверг вы станете моей женой.

Д ж у л ь е т т а
Всё в воле божьей!

Б р а т Л о р е н ц о
Только в ней одной.

П а р и с
Вы к брату исповедаться явились?

Д ж у л ь е т т а
Ответить—было б исповедью вам.

П а р и с
Как вы от слез горючих похудели!

Д ж у л ь е т т а
Я не была и раньше хороша.

П а р и с
Зачем наружность портите вы ложью?

Д ж у л ь е т т а
Я на свое лицо не клеветую
И, думаю, своим чертам—хозяйка.

П а р и с
Они мои, а вы черните их.

Д ж у л ь е т т а
За то их, видно, и черню, что ваши.—
Свободны ль вы теперь, святой отец,
Иль лучше мне прийти перед вечерней?

Б р а т Л о р е н ц о
Нет, у меня сейчас как раз досуг.—
Нам надо с ней одним остаться, сударь.

П а р и с
Избави бог молитве помешать!
В четверг приду вас поднимать, Джульетта,
Пока ж позвольте вас поцеловать.

Уходит.

Д ж у л ь е т т а
Запри за ним. Поплачь со мной немного.
Всею конец! Надежды больше нет!

Б р а т Л о р е н ц о

Джुльетта, мне твоя печаль известна.
Как быть тебе, ума не приложу.
В четверг, слышал, твое венчанье с графом
И будто отложить его нельзя.

Д ж у л ь е т т а

Не говори, раз выхода не видишь.
И если ты не можешь мне помочь,
То оправдай меня, по крайней мере,
И мне в беде поможет этот нож.
Бог нам сердца связал, ты сплел нам руки.
Я отдана Ромео. Прежде чем
Я руку с сердцем передам другому,
Я сердца жизнь рукою пресеку.
Итак, перебери свой долгий опыт
И вспомни, нет ли случая, как мой.
А то кинжал защитником мне будет
И с честью отстоит мой правый иск.
Будь короток, не говори пространно.
Дай умереть иль залечи мне рану.

Б р а т Л о р е н ц о

Стой, дочка. Я обдумываю шаг,
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отвратить.
Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?
Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.
Я дам его, но тут нужна решимость.

Д ж у л ь е т т а

Чтоб замуж за Париса не идти,
Я лучше брошусь с башни, присосежусь
К разбойникам, я к змеям заберусь
И дам себя сковать вдвоем с медведем.
Я вместо свадьбы лучше соглашусь
Заночевать в мертвецкой или лягу
В разрытую могилу. Все, о чем
Я прежде слышать не могла без дрожи,
Теперь я, не колеблясь, совершу,
Чтоб не нарушить верности Ромео.

Б р а т Л о р е н ц о

Тогда ступай уверенно домой,
Будь весела и дай отцу согласие
На свадьбу с графом. Завтра ведь среда.
Ляг завтра спать одна. Устрой, чтоб няня
Не оставалась на ночь наверху.
Ляг и пред сном откупорь эту склянку.
Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебя скует внезапный холод. В жилах
Должна остановиться будет кровь.
Ты обомрешь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щек сойдет румянец. Точно ставни,
Сомкнутся на ночь наглухо глаза.
Конечности, лишившись управления,
Закоченеют, как у мертвецов.
В таком, на смерть похожем, состоянии
Останешься ты сорок два часа
И после них очнешься освеженной.
Когда тебя придет будить Парис,
Ты будешь мертвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того,
Как ты проснешься, мы с ним будем в склепе.
Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.

Д ж у л ь е т т а

Дай склянку мне! Не говори о страхе.

Б р а т Л о р е н ц о

Возьми ее. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!

Д ж у л ь е т т а

Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зал в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти, кормилица
и два служителя.

Капулетти

Всех выписанных по порядку—в гости!

Первый служитель уходит.

Найми мне двадцать добрых поваров.

Второй служитель.

Об этом не беспокойтесь. Я посмотрю, облизывают ли
они себе пальцы.

Капулетти

Это для чего?

Второй служитель

Плох тот повар, который не лижет себе пальцев. Таких
вон.

Капулетти

Ну-ну, ступай.

Второй служитель уходит.

Придется эти дни похлопотать.

Действительно ль она пошла к Лоренцо?

Кормилица

Пошла, ей богу пошла.

Капулетти

Он, может, наведет ее на путь.

Бессовестная, наглая девчонка!

Входит Джульетта.

Кормилица

Вот, исповедалась и расцвела.

Капулетти

Ну что, упрямица? Где пропадала?

Джульетта

Спросите лучше, где себя нашла!

Я горько каюсь, что была упряма.

Лоренцо настрого мне приказал

Пасть в ноги вам и попросить прощенья.

Пожалуйста, простите. Никогда

Я более перечить вам не буду.

Капулетти

Все это надо графу передать.
Зачем тянуть? Я поженю их завтра.

Джультетта

Я графа видела в монастыре.
Насколько позволяло мне приличье,
Я с ним была любезна и тепла.

Капулетти

Ну что ж, прекрасно. Поднимайся с полу.
Давно бы так. За графом не пошли?
Ведь я сказал, чтобы пошли за графом.
Какой нравоучительный монах!
Его недаром город уважает.

Джультетта

Пойдем со мною, няня. Отберем
Для завтрашнего дня что понарядней.

Леди Капулетти

Не к завтрашнему дню, а к четвергу.
У вас есть время.

Капулетти

Собирайся, няня.

Я все-таки их завтра поженю.

Джультетта и кормилица уходят.

Леди Капулетти

Нам на устройство времени не хватит:
Ведь скоро ночь!

Капулетти

Не бойся, помогу,

И дело загорится, вот увидишь.
Сбери Джультетте свадебный наряд,
А я внизу останусь за хозяйку.
Эй вы, дружей, ребята!—Ни души.
Все разошлись. Схожу-ка я к Парису.
Скажу, что свадьба завтра. Все легко,
С тех пор как сломлено ее упрямство.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната Джульетты.

Входят Джульетта и кормилица.

Джульетта

Да, это платье лучше всех. Но, няня,
Оставь меня на эту ночь одну.
Мне надо облегчить пред свадьбой душу.
Ты знаешь, сколько грешных тайн на ней,
И я должна их отмолить пред небом.

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти

Вы заняты? Быть может, вам помочь?

Джульетта

Нет, матушка. Мы всё, что нужно завтра,
Собрали сами. Если вы не прочь,
Пожалуйста, меня одну оставьте,
А няня вам поможет в беготне.
У вас хлопот немало нынче ночью.

Леди Капулетти

Спокойной ночи. Ляг и отдохни.
Тебе необходимо.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

Джульетта

Все прощайте.

Бог весть, когда мы встретимся опять...
Меня пронизывает легкий холод,
И ужас останавливает кровь.
Я позову их. Мне без них тоскливо.
Кормилица! Нет, здесь ей дела нет.
Одна должна сыграть я эту сцену.
Где склянка?
Что, если не подействует питье?
Тогда я, значит, выйду завтра замуж?
Нет! Вот защита. Рядом ляг, кинжал!
(Кладет кинжал на постель.)

Что, если это яд? Ведь для монаха
Грозит разоблачением этот брак.
А если я умру, то не узнают,
Что он со мной Ромео обвенчал.
Да, это так. Нет, это невозможно!
Он праведником слыл до этих пор.
Что, если я очнусь до появления
Ромео? Вот что может напугать!
Не задохнусь ли я тогда в гробнице
Без воздуха, задолго до того,
Как он придет ко мне на избавленье?
А если и останусь я жива,
Смогу ль я целым сохранить рассудок
Средь царства смерти и полночной тьмы
В соединенье с ужасами места,
Под сводами, где долгие века
Покоятся останки наших предков
И труп Тибальта начинает гнить,
Едва зарытый в свежую могилу,
Где временами, как передают,
Выходят мертвецы в ночную пору?
Увы, увы, кто поручится мне,
Что ежели я встану слишком рано,
То трупный смрад и резкость голосов,
Чудовищных, как стоны мандрагоры³⁰,
Немедля не сведут меня с ума,
Как сводят всех, кто слышал эти крики?
Как поручусь, что рук не запущу
В сыпучий прах и савана с Тибальта
Не стану рвать и что, вооружась
Берцовой костью предка, как дубиной,
Я головы себе не размозжу?
Гляди, гляди! Мне кажется, я вижу
Двоюродного брата. Он бежит
На поиски Ромео. Он кричит,
Как смел тот насадить его на шпагу.
Остановись, Тибальт! Иду к тебе
И за твое здоровье пью, Ромео!

(Падает на постель, за занавески.)

СЦЕНА 4

Зал в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

Л е д и К а п у л е т т и
Возьми ключи и пряностей прибавь.

К о р м и л и ц а
Еще айвы и фиников к пирожным.

Входит Капулетти.

К а п у л е т т и
Живей! Поют вторые петухи.
Звонили к утрене. Взгляни на кухню,
Не подгорел ли торт. Да не скупись.

Л е д и К а п у л е т т и
Не суйте нос в хозяйство, баба с прялкой!
Ложитесь. Завтра скажете—мигрень.

К а п у л е т т и
Я в жизни полунощничал так часто,
Что с правом прогуляю эту ночь.

Л е д и К а п у л е т т и
Да, вам бы все по дѣвичьим таскаться,
Но я туда вас больше не пущу.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

К а п у л е т т и
Ревнивица, ревнивица!

Входят три или четыре служителя. Они тащат дрова,
вертелы и корзины.

Постой-ка.
Что это, братец?
П е р в ы й с л у ж и т е л ь
Повару в котел.
Не знаем сами!

К а п у л е т т и
Шевелись живее!

Первый служитель уходит.

Вот дрянь дрова! Куда с таким сырьем?
Спроси Петра, где сложены посуше.

Второй служитель
Зачем нам Петр? На то у нас башка.
Дойдем до дров своею головою.

Каплетти
Какой забавник! «Головой дойдем».
Не голова, а головня, коряга.

Второй служитель уходит.

Ба, да никак уж день? Того гляди,
Парис нагрянет. Вот и музыканты³¹.

Музыка за сценой.

Кормилица! Жена!
Кричи — не докричишься. Няня, няня!

Кормилица возвращается.

Беги будить Джульетту. Одевай.
А я займу Париса. Живо, живо!
Жених пришел. Я говорю, живей!
Жених, я говорю!

Уходит.

СЦЕНА 5

Комната Джульетты.

Входит кормилица.

Кормилица

Сударыня! Сударыня! Вставай!
Пора вставать! Ай-ай, какая соня!
Ну, погоди! Вот я ее, козу,
Вот я ее! Как, так-таки ни слова?
Да ладно, ладно. Спи, пока дают.
Спи про запас. Твой граф себя забудет,
А спать тебе не даст. Вот крепкий сон!
Однако разбужу ее. Джульетта!

Джюльетта! Разве будет хорошо,
Когда тебя застанет граф в постели?
Ему-то что. Небось он будет рад.
(Отдергивает занавеску.)

Никак одета? Встала, нарядилась—
И снова бух? Уж это извини!
Сударыня! Сударыня! А ну-ка!—
Не может быть... Сюда! Она мертва!
О господи! О господи! На помощь!
Глоток наливки! Не перенесу!

Входит леди Капулетти.

Леди Капулетти
Что ты шумишь?

Кормилица
Ужасное несчастье!
Леди Капулетти
Какое?

Кормилица
Посмотрите! Не могу...
Леди Капулетти
Ах, жизнь моя, дитя мое родное!
Взгляни, очнись, иль я умру с тобой!
На помощь! Помогите!

Входит Капулетти
Капулетти
Безобразье!
Жених внизу, а этой нет как нет!
Кормилица
Джюльетта померла! Она скончалась!
Леди Капулетти
Джюльетты нет! Джюльетта умерла!
Капулетти
Пустите! Быть не может! Ни кровинки.
Окоченела. Холодна, как лед.
О господи, она давно без жизни!
Все кончено! Как на поле мороз,
Смерть пеленой лежит на этом теле!
Кормилица
О горе, горе!
Леди Капулетти
О беда, беда!

Капулетти

Смерть, взявшая ее без сожаленья,
Сжимает рот мне и лишает слов!

Входят брат Лоренцо, Парис и музыканты.

Брат Лоренцо

Ну как? Готова в храм идти невеста?

Капулетти

Идти—пойдет, но не придет назад.
О сын мой, накануне обрученья
Твоей невестой овладела смерть!
Вон, как цветок со сломанной головкой,
Лежит она. Ее в супруги взял
Подземный царь. Он зять мой и наследник.
Я жить устал и умереть хочу
И все ему, добро и жизнь, оставлю.

Парис

Как долго ждал я нынешнего дня,
И как ужасно он меня встречает!

Леди Капулетти

Проклятый, страшный, несчастливый день!
Тягчайший, самый страшный и несчастный
Из всех, какие только видел свет!
Одна была надежда и богатство,
Одна, одна-единственная дочь—
И даже той судьба не пощадила!

Кормилица

О боже, не глядели бы глаза!
Какой проклятый день! Какой проклятый!
Какой проклятый, проклятуший день!
О господи, глаза бы не глядели!

Парис

Я разведен, обманут, втопан в грязь!
Как низко, смерть, меня ты обманула,
Как превратила в полное ничто!
О жизнь моя! О прелесть!

Капулетти

Я раздавлен,
Осмеян, искалечен, умерщвлен.

Зачем пришло ты, бедственное время,
Наш долгожданный праздник убивать?
Моей душой, а не моим ребенком
Была она, и вот она мертва.
А без души что все мои отрады?

Б р а т Л о р е н ц о

Стыдитесь! Тише! Слезы не исход
В несчастьи. Она принадлежала
Семье и небу. Ныне лишь оно
Владеет ею. Там Джульетте лучше.
Вы дочери от смерти не спасли.
А небо ей сияет вечной жизнью.
Вы прилагали силы все к тому,
Чтобы Джульетту возвеличить в свете.
Что ж плачете вы, видя вашу дочь
Так высоко за облаками в небе?
Знать, мало вы любили дочь свою,
Когда не рады, что она в раю.
Вы счастья молили для желанной?
Счастливейшие умирают рано.
Уйдем свой плач и, как заведено,
Осыплем это тело розмарином
И вынесем в венчальном платье в храм.
Природа слабодушна и рыдает,
Но разум тверд, и разум побеждает.

К а п у л е т т и

На похоронный церемониал
Пойдет, что к свадьбе я готовлял,
И мы услышим вместо бойких скрипок
Церковный хор и звон колоколов.
Накрытый стол послужит для поминок,
Венчальные цветы украсят гроб.
Все обратилось в противоположность!

Б р а т Л о р е н ц о

Отправимся. Сударыня, и вы.
Вы тоже, граф. Подите приготовьтесь.
Ее пора на кладбище нести.
Наверно, в вышних недовольны вами.
Не гневайте их лишними слезами.

Капулетти, леди Капулетти, Парис и монах уходят.

П е р в ы й м у з ы к а н т

Значит, трубы в футляры и по домам?

К о р м и л и ц а
Да, по домам, сердечный, по домам.
Тут не до вас. Смотри, какое горе!

Уходит.

П е р в ы й м у з ы к а н т
Горе горем, а позвали—надо платить.

Входит П е т р.

П е т р

Музыканты, а музыканты, плясовую! Если хотите мне уходить, пожалуйста, плясовую.

П е р в ы й м у з ы к а н т
Почему плясовую?

П е т р

Потому что у меня от горя сердце разрывается. Плясовую, пожалуйста! Что-нибудь позабористей. Распотешьте горемычного.

П е р в ы й м у з ы к а н т
Никаких плясовых. Играть не велено.

П е т р

Так вы не сыграете?

П е р в ы й м у з ы к а н т
Нет.

П е т р

Ну, так вы не то запоете!

П е р в ы й м у з ы к а н т
Виноват, это как же?

П е т р

А так, что я вам напомним ваше место, дудошная рвань.

П е р в ы й м у з ы к а н т
Вы, как видно, сами забыли дорогу в официантскую.

П е т р

В официантскую? Вот я такую официантскую распишу вам на спине, что куда там ваши ре-фа-ля!

В т о р о й м у з ы к а н т
Уберите кинжал! Благородные режутся только островами.

П е т р

Ах, вот вы как? Ну хорошо, держитесь! Я убью вас на-смешками. Отвечайте:

«Когда в груди терзания и муки³²
И счастья несбыточного жаль,
Лишь музыки серебряные звуки...»

Почему «серебряные»? Почему «лишь музыки серебряные звуки»? А, Симон Телячья Струна?

Первый музыкант

Потому что у серебра приятный звук.

Петр

Превосходно! А твое мнение как, Гю Козлодер?

Второй музыкант

Почему «серебряные»? Потому что за музыку платят серебром.

Петр

Превосходно! А ты что скажешь, Яшка Пищик?

Третий музыкант

Ей-богу, не знаю.

Петр

Виноват, виноват: я забыл, что ты певчий. Никто не угадал. «Лишь музыки серебряные звуки»—потому что за музыку не платят золотом.

«Лишь музыки серебряные звуки
Снимают как рукой мою печаль».

Уходит.

Первый музыкант

Что за сверхъестественная бестия!

Второй музыкант

Плюнь на него, Джек! Пойдем в буфетную. Придут факельщики, пообедаем.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Мантуя. Улица
Входит Ромео.

Ромео

Когда я вправе доверяться сну,
Он обещает мне большую радость.
Я возбужден и весел целый день.
Какие-то живительные силы
Меня как будто носят над землей.
Я видел сон. Ко мне жена явилась,
А я был мертв и, мертвый, наблюдал.
И вдруг от жарких губ ее я ожил
И был провозглашен царем земли.
О, как живет любовь на самом деле,
Когда так оживляет мысль о ней!

Входит Балтазар в сапогах со шпорами.

А, Балтазар! С вестями из Вероны?
От моего монаха писем нет?
Ну, как жена? Что дома? Как Джульетта?
Скажи скорее. Дело только в ней.
И всё в порядке, если ей не плохо.

Балтазар

В Джульетте суть. Джульетте хорошо.
Ее останки в склепе Капулетти.
Ее душа средь ангелов небес.
Я видел погребение Джульетты
И выехал вас тотчас известить.
Помилуйте меня за эту новость,
Я утаить от вас ее не смел.

Ромео

Что ты сказал? Я шлю вам вызов, звезды!..
Беги в мой дом. Бумаги и чернил!
Достанем лошадей и выезжаем.

Балтазар

Не надо падать духом, господин.
У вас горят глаза, и ваша бледность
Добра не предвещает.

Ромео

Пустяки.

Оставь меня и делай, что велели.
Мне, значит, от монаха писем нет?

Балтазар

Нет, сударь!

Ромео

Все равно. Так отправляйся
За лошадьми. Я скоро сам приду.

Балтазар уходит.

Джюльетта, мы сегодня будем вместе.
Обдумаю, как это совершить.
Как ты изобретательно, несчастье!
Аптекаря я вспомнил. Он живет
Поблизости. На днях его я видел.
Он травы разбирал. Худой старик,
Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.
В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов³³.
Кругом на полках нищенский набор
Горшечных черепков, пустых коробок,
Веревочных обрывков, трав, семян
И отсыревших розовых лепешек.
Плачевный хлам, которому с трудом
Придать старались видимость товара.
Тогда же мысль мне в голову пришла:
Когда б у вас нужда явилась в яде,
Который запрещают продавать
Законы Мантуи под страхом смерти,
Несчастный этот вам его продаст.
Как кстати я тогда о нем подумал!
Сейчас он должен будет мне помочь.

Вот, кажется, как раз его лачуга.
Сегодня праздник, лавка заперта.
Аптекарь! Эй, аптекарь!

Входит аптекарь.

А п т е к а р ь

Что угодно?

Р о м е о

Поди сюда. Я вижу, ты бедняк.
Вот пятьдесят дукатов. Дай мне яду.
Мне надобно такое вещество,
Чтоб через миг давало полный отдых
От жизни и с такой же быстротой
Освобождало тело от дыханья,
С какой из орудийного жерла
Молниеносно вылетают ядра.

А п т е к а р ь

Составы есть. Но в Мантуе казнят
Торгующих такими веществами.

Р о м е о

Ты так убог—и жизнью дорожишь?
Провалы щек твоих—живая повесть
О голоде, горящие глаза—
Об униженьях. Нищета согнула
Тебя в дугу. Свет не в ладах с тобой.
Его закон—не твой. Его обычай
Не даст тебе богатства. Ну так что ж?
Рассорься с миром, сделай беззаконье,
Спрячь эти деньги и разбогатеи.

А п т е к а р ь

Не я — моя нужда дает согласие.

Р о м е о

И я плачу нужде, а не тебе.

А п т е к а р ь

Вот порошок. В любую жидкость всыпьте,
И будь в вас силы за двадцатерых,
Один глоток уложит вас мгновенно.

Р о м е о

Вот золото, гораздо больший яд
И корень пущих зол и преступлений,
Чем этот безобидный порошок.
Не ты, а я даю тебе отраву.

Купи себе еды и откормись.
Тебя ж, мое спасительное зелье,
Я захвачу к Джульетте в подземелье.

Уходят.

СЦЕНА 2

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Джованни.

Б р а т Д ж о в а н н и
Брат во святом Франциске! Здравствуй, брат.

Входит брат Лоренцо.

Б р а т Л о р е н ц о
Ах, это брат Джованни! Ты вернулся?
Что говорит Ромео? Может быть,
Есть от него из Мантуи записка?

Б р а т Д ж о в а н н и
Я в путь с собой хотел монаха взять,
Ухаживающего за больными.
Когда я был у брата, нашу дверь
Замкнули сторожа из карантина,
Решив, что мы из дома, где чума,
И не пускали, наложив печати.
Я в Мантую никак не мог попасть.

Б р а т Л о р е н ц о
А кто ж отвез мое письмо к Ромео?

Б р а т Д ж о в а н н и
Я никому не мог его отдать,
Так велика была боязнь заразы.
Возьми его обратно. Вот оно.

Б р а т Л о р е н ц о
Какое горе! Дело-то не шутка:
Письмо имело очень важный смысл.
Задержка этих строк грозит несчастьем.
Поди достань-ка мне железный лом
И возвращайся с ним, Джованни, в келью.

Б р а т Д ж о в а н н и
Сейчас схожу.

Уходит.

Б р а т Л о р е н ц о
Придется одному
К гробнице мне... С минуты на минуту
Джюльетта может встать и не простит,
Что я еще не известил Ромео.
Но я ему еще раз напишу.
А в промежутке узнице гробницы
Позволю в келье у себя укрыться.

Уходит.

СЦЕНА 3

Кладбище. Гробница семьи Капулетти.

Входят П а р и с и п а ж с цветами и факелом.

П а р и с
Дай факел и ступай. Пожалуй, нет:
Задуй его. Я не хочу быть видим.
Вон два-три вяза. Ляг у их корней,
Прижмись к земле и слушай чутким ухом.
Земля внутри на кладбище пуста.
Нельзя ступить, чтобы не отдавалось.
Едва услышишь шорох, свистни мне.
Давай цветы и делай, как сказали.

П а ж
(в сторону)
Мне страшно оставаться одному.
Кругом могилы. Надо поневоле!

Уходит.

П а р и с
Лежи в цветах — сама, как сад в цвету.
Твоя постель из пепла и гранита.
Я руки над тобой переплету
И окроплю слезами эти плиты.
А завтра снова принесу цветов
И заброшаю ими твой покров.

Паж свистит.

Мальчишка свищет. Кто-нибудь идет.
Кого несет нелегкая к могиле

И мне побыть в раздумье не дает?
Как, с факелом? Я спрячусь за кустами.
(*Прячется.*)

Входят Ромео и Балтазар с факелом и киркой.

Ромео

Дай мне кирку и лом. Возьми письмо.
Оно к отцу. Ты должен завтра утром
Снести его. Теперь дай факел мне.
Стань в стороне и, чтобы ни случилось,
Не вмешивайся и держись вдали.
Я вот зачем спускаюсь в подземелье:
Отчасти, чтоб взглянуть в лицо жены,
Но главное, чтоб снять с покойной перстень
Большой цены, в котором мне нужда.
Итак, ступай отсюда и не вздумай
Ходить назад подсматривать за мной,
А то я разорву тебя на клочья
И разбросаю по всему двору.
Я сам неукротим сейчас и страшен,
Как эта ночь. Нас лучше не дразнить,
Как море в бурю и голодных тигров.

Балтазар

Немедленно уйду, чтоб не мешать.

Ромео

И будешь другом. Вот тебе награда.
Прощай. Ты славный малый. Будь здоров.

Балтазар

(*в сторону*)

А все-таки я спрячусь здесь в кустах:
Его слова и вид внушают страх.

Уходит.

Ромео

О смерть с ненасытимой утробой,
Ты съела лучший из плодов земли!
Но вот тебе я челюсти раздвину
И брюхо новой пищею набью.
(*Открывает склеп.*)

Парис

Монтекки это, шурина убийца,
Виновник слез, которые свели

Джульетту в гроб. Но негодяю мало,
И он пришел тела их осквернять.

(Выходит вперед.)

Монтекки, стой! Не подходи к святыне.
Неужто и умершим можно мстить?
Сбежавший осужденный, подчиняйся!
Идем. Ты арестован и умрешь.

Р о м е о

Да, я умру, за этим и явился,
Ты ж, милый юноша, ступай добром.
Не искушай безумного. Подумай
Об этих двух. Они тебе пример.
Не делай сызнова меня убийцей—
Тебя люблю я больше, чем себя.
Я здесь готовлю над собой расправу.
Беги, мой друг! Беги, куда цел.
Тебя больной в горячке пожалел.

П а р и с

Твои слова встречаю я презреньем
И по закону задержу тебя.

Р о м е о

Ты так настойчив? Ну, так защищайся!

Бьются.

П а ж

У них дуэль! Я кликну караул!

Уходит.

П а р и с

Я умираю!

Падает.

Если ты не камень,
Прошу, внеси меня к Джульетте в склеп.

Умирает.

Р о м е о

Внесу. Кто это? Надобно взглядеться.
Родня Меркуццо, бедный граф Парис!
О чем, когда мы ехали верхами,
Дорогой говорил мой человек?
Не о предполагаемом ли браке
Джульетты и Париса? Или нет?
Быть может, это мне во сне приснилось?

Быть может, это я с тоски прочел
В его предсмертной просьбе? Дай мне руку.
Мы в книге бедствий на одной строке.
Ты ляжешь в величавую могилу.
В могилу? Нет, в сияющий чертог.
Среди него покоится Джульетта
И наполняет светом этот склеп.
Лежи, мертвец, похороненный мертвым!
(Кладет Париса в гробницу.)

Пред смертью на иных находит смех.
Свидетели зовут веселье это
Прощальными зарницами. Теперь
Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
Любовь моя! Жена моя! Конец
Хоть высосал, как мед, твое дыхание,
Не справился с твоею красотой.
Тебя не победили: знамя жизни
Горит в губах твоих и на щеках,
И смерти бледный стяг еще не поднят.
И ты тут, в красном саване, Тибальт?
Какую радость я тебе доставлю!
Смотри: сразившею тебя рукой
Сейчас сражу я твоего убийцу.
Прости меня! Джульетта, для чего
Ты так прекрасна? Я могу подумать,
Что ангел смерти взял тебя живьем
И взаперти любовницею держит.
Под страхом этой мысли остаюсь
И никогда из этой тьмы не выйду.
Здесь поселюсь я, в обществе червей,
Твоих служанок новых. Здесь останусь,
Здесь отдохну навек, здесь сброшу с плеч
Томительное иго звезд зловещих.
Любуйтесь ею пред концом, глаза!
В последний раз ее обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Со смертью мой бессрочный договор.
Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
Пора разбить потрепанный корабль
С разбега о береговые скалы.
Пью за тебя, любовь!

Выпивает яд.

Ты не солгал,
Аптекарь! С поцелуем умираю.

Умирает.

С другого конца кладбища входит брат Лоренцо с фонарем,
ломом и лопатой.

Брат Лоренцо
Будь мне опорой, святой Франциск,
Чтоб в яму не свалиться. Кто ты, малый?

Балтазар
Не бойтесь. Я вас знаю хорошо.

Брат Лоренцо
Благослови господь! Скажи, приятель,
Чей факел льет там бесполезный свет
Червям и черепам? Он за решеткой
У Капулетти, кажется.

Балтазар
Он там,
Святой отец. В гробнице мой хозяин,
Ваш друг.

Брат Лоренцо
Какой?

Балтазар
Ромео.

Брат Лоренцо
И давно?

Балтазар
Да с полчаса!

Брат Лоренцо
Пойдем со мной в гробницу.

Балтазар
Нельзя: хозяин мой не должен знать,
Что я был тут. Он мне под страхом смерти
Велел уйти и не смотреть за ним.

Брат Лоренцо
Ну, не ходи. Я сам пойду. Мне страшно,
И чудится какая-то беда.

Балтазар
Когда я спал в кустах, мне показалось,
Что в споре с незнакомцем господин
Убил его у входа в склеп.

Б р а т Л о р е н ц о

Ромео!

(Подходит к склепу.)

О господи! Чьей это крови след
На плитах пред решеткою? А это?
Чьи это обагренные мечи
У входа в усыпальницу?

(Входит в гробницу.)

Ромео!

Как бледен! А другой? Как, граф Парис?
И весь в крови? Где ключ к загадке этой?
Но спящая проснулась.

Д ж у л ь е т т а пробуждается.

Д ж у л ь е т т а

О монах,

Где мой супруг? Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

Б р а т Л о р е н ц о

Слышишь, кто-то ходит.

Уйдем скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,
Предупредила нас. Идем отсюда.
У ног твоих лежит твой мертвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиной в обитель. Поспешим.
Не спрашивай меня. Подходит стража.
Джульетта, торопись! Мы на виду.

Д ж у л ь е т т а

Ступай один, отец. Я не пойду.

Брат Лоренцо уходит.

Что он в руке сжимает? Это склянка.
Он, значит, отравился? Ах, злодей,
Все выпил сам, а мне и не оставил!
Но, верно, яд есть на его губах.

Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепление смерть найду.
(Целует Ромео.)

Какие теплые!

Первый сторож
Где это место?
Веди, любезный.
Джюльетта
Чьи-то голоса.
Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.
Схватывает кинжал Ромео.
Сиди в чехле.

Вонзает его в себя.
Будь здесь, а я умру.
Падает на труп Ромео и умирает.

Входит стража с пажом Париса.
Паж
Вот это место. Там, где воткнул факел.

Первый сторож
Тут кровь. Могилы надо обыскать.
Кого кругом ни встретите, хватайте.
Печальный вид! Вот мертвый граф Парис.
Вот теплая и вся в крови Джульетта,
Хотя два дня уж как схоронена.
Сходить за князем. Вызвать Капулетти.
Поднять Монтекки. Окружите склеп.
Причина гибели их неизвестна.
Ее откроют розыск и допрос.

Несколько сторожей возвращаются с Балтазаром.

Второй сторож
На кладбище нашли слугу Ромео.
Первый сторож
Покамест князь придет, не отпускать.

Входит брат Лоренцо в сопровождении других сторожей.

Третий сторож
Монах задержан. Плачет и рыдает.
При нем мотыга и железный лом.
Он взят у дальнего конца ограды.

Первый сторож
Ввиду больших улик—не отпускать.
Входит князь со свитой.

Князь

Какая неурочная невзгода
Так рано поднимает нас от сна?

Входят Капулетти, леди Капулетти и другие.

Капулетти

О чем кричат, сбегаясь отовсюду?

Леди Капулетти

Народ бежит по улицам бегом,
Крича: «Парис», «Ромео» и «Джульетта»,
И окружает наш фамильный склеп.

Князь

Что тут случилось?

Первый сторож

Вот лежит Ромео,
А вот Парис. А вот, светлейший князь,
Скончавшаяся перед тем Джульетта,
Опять тепла и вновь умерщвлена.

Князь

Ищите, кто виновник изуверства.

Первый сторож

Вот тут слуга Ромео и монах.
При них орудье взлома. Ими вскрыта
Могила эта.

Капулетти

Боже! Глянь, жена,
Как наша дочка истекает кровью!
Кинжал ошибся местом. Вон ремень
С его ножнами на боку Монтекки,
А он торчит у дочери в груди.

Леди Капулетти

Ах, это все, как колокольный звон,
Мне мысль о близкой смерти навевает!

Входят Монтекки и другие.

Князь

Монтекки, ты сегодня рано встал,
Но до восхода сын твой закатился.

М о н т е к к и

Жена моя сегодня умерла:
Она не вынесла разлуки с сыном.
Какая скорбь еще готова мне?

К н я з ь

Взгляни и сам увидишь!

М о н т е к к и

О невежа!
Тесниться к гробу впереди отца!

К н я з ь

Сдержите горестные восклицанья,
Пока не разъяснили этих тайн.
Когда я буду знать их смысл и корень,
То я, как предводитель вапших бед,
Не буду вас удерживать от смерти.
Пока пусть пострадавшие молчат.
Где эти подозрительные лица?

Б р а т Л о р е н ц о

Хоть без вины, как будто главный я.
Так говорят, на первый взгляд, улики.
Итак, я тут стою в двойном лице—
Как обвиняемый и обвинитель,
Чтоб осудить себя и оправдать.

К н я з ь

Рассказывай, что ты об этом знаешь.

Б р а т Л о р е н ц о

Я буду краток³⁴, коротко и так
Для длинной повести мое дыханье.
Простертый на земле Ромео—муж
Джильетты, и она—жена Ромео.
Я тайно их венчал, и в этот день
Убит Тибальт, и смерть его—причина
Изгнания новобрачного. О нем,
А не о брате плакала Джильетта.
Тогда для прекращения этих слез
Вы ей велели выйти за Париса.
Она пришла ко мне, чтоб я помог
Избавиться ей от второго брака,
А то б она покончила с собой.

Я, пользуясь познаниями своими,
Дал ей снотворное. Как я и ждал,
Она уснула сном, подобным смерти,
А я Ромео написал письмо,
Чтоб он за ней приехал этой ночью,
Когда ослабнет действие питья,
И взял с собой. К несчастью, брат Джованни,
Посыльный мой, не мог отвезть письма
И мне его вернул, застряв в Вероне.
Тогда за бедной узницей, к поре,
Когда она должна была очнуться,
Пошел я сам и думал приютить
Ее, до вызова Ромео, в келье.
Однако же, когда я к ней вошел
За несколько минут до пробужденья,
Я тут уж натолкнулся на тела
Погибшего Париса и Ромео.
Но вот она встает. Я, как могу,
Зову ее с собой и убеждаю
Смириться пред судьбой, но шум извне
Меня внезапно вынуждает скрыться.
Она не пожелала уходить
И, видимо, покончила с собою.
Вот всё, что знаю я. Их тайный брак
Известен няне. Если в происшедшем
Я виноват хоть сколько, пусть мой век
Укоротят в угоду правосудью
За несколько часов перед концом.

К н я з ь

Мы праведным всегда тебя считали.
Слуга Ромео, что ты скажешь нам?

Б а л т а з а р

Я свез Ромео весть про смерть Джульетты,
И мы пустились вскачь на лошадях
Из Мантуи сюда, к ограде склепа.
Он дал письмо для своего отца,
Которое при мне, и под угрозой
Велел его оставить одного.

К н я з ь

Дай мне письмо. Посмотрим содержанье.
Где графов паж, позвавший караул?—
Что делал господин твой в этом месте?

П а ж

Он возлагал цветы на гроб жены
И приказал мне отойти подальше.
Вдруг входит кто-то с факелом в руках,
И господин выхватывает шпагу.
Тут я за стражею и побежал.

К н я з ь

В письме подтверждены слова монаха.
Рассказывая, как он встретил весть
Про смерть жены, Ромео прибавляет,
Что добыл яду в лавке бедняка,
Чтоб отравиться в склепе у Джульетты.
Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!
И я двух родственников потерял
За то, что потакал вам. Всем досталось.

К а п у л е т т и

Монтекки, руку дай тебе пожму.
Лишь этим возмести мне вдовью долю
Джульетты.

М о н т е к к и

За нее я больше дам.
Я памятник ей в золоте воздвигну.
Пока Вероной город наш зовут,
Стоять в нем будет лучшая из статуй
Джульетты, верность сохранившей свято.

К а п у л е т т и

А рядом изваяньем золотым
Ромео по достоинству почтим.

К н я з ь

Сближенье ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
Пойдем, обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас.
Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...

Уходят.

Сон в летнюю ночь

Комедия в 5 актах

Перевод
Т. Щепкиной-Куперник

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тезей, герцог афинский.

Эгей, отец Гермии.

Лизандр
Деметрий } влюбленные в Гермию.

Филострат, распорядитель увеселений при дворе Тезея.

Пигва, плотник.

Миляга, столяр.

Основа, ткач.

Дудка, починщик раздувальных мехов.

Рыло, медник.

Заморыш, портной.

Ипполита, царица амазонок, обрученная с Тезеем.

Гермия, влюбленная в Лизандра.

Елена, влюбленная в Деметрия.

Оберон, царь фей и эльфов.

Титания, царица фей и эльфов.

Пэк, или Добрый Малый Робин, маленький эльф.

Душистый Горошек
Паутинка
Мотылек
Горчичное Зерно } эльфы.

Фей и эльфы, покорные Оберону и Титании, свита.

Место действия—Афины и лес поблизости.

А К Т I

СЦЕНА 1

Афины, дворец Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат и
свита.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час все ближе:
Четыре дня счастливых — новый месяц
Нам приведут. Но ах, как медлит старый!
Стоит он на пути к моим желаньям,
Как мачеха иль старая вдова,
Что юноши доходы заедает.

Ипполита

Четыре дня в ночах потонут быстро;
Четыре ночи в снах так быстро канут...
И полумесяц — лук из серебра,
Натянутый на небе,—озарит
Ночь нашей свадьбы!

Тезей

Филострат, ступай!

Расшевели всю молодежь в Афинах
И резвый дух веселья пробуди.
Печаль для похорон пусть остается:
Нам на пиру не нужно бледной гостьи.

Филострат уходит.

Тезей

Тебя мечом я добыл, Ипполита,
Угрозами любви твоей добился,

Но свадьбу я в ином ключе¹ сыграю:
Торжественно, и весело, и пышно!

Входят Эгей, Гермия, Лизандр и Деметрий.

Эгей

Будь счастлив, славный герцог наш Тезей!

Тезей

Благодарю тебя, Эгей! Что скажешь?

Эгей

Я в огорченье, с жалобой к тебе
На Гермию—да, на родную дочь!—
Деметрий, подойди!—Мой государь,
Вот тот, кому хотел отдать я дочь.—
Лизандр, и ты приблизишься!—Государь мой!
А этот вот околдовал ей сердце.—
Ты, ты, Лизандр! Ты ей писал стихи,
Залогами любви менялся с ней,
Под окнами ее при лунном свете
Притворно пел любви притворной песни!
Ты в ход пускал, чтобы пленить ей сердце,
Браслеты, кольца из волос, конфеты,
Цветы, безделки, побрякушки—всё,
Что юности неискушенной мило!
Коварством ты ее любовь похитил,
Ты послушанье, должное отцу,
В упрямство злое превратил!—Так если
Она при вас, мой государь, не даст
Согласия Деметрию, взываю
К старинному афинскому закону:
Раз дочь моя, могу всецело ею
Располагать; а я решил: Деметрий
Или—как предусмотрено законом
В подобных случаях—немедля смерть!

Тезей

Ну, Гермия, прекрасная девица,
Что скажешь ты? Обдумай хорошенько.
Отца должна считать ты как бы богом:
Он создал красоту твою, и ты
Им отлитая восковая форма;
Ее оставить иль разбить—он вправе.
Деметрий—человек вполне достойный.

Гермия

Лизандр мой—также.

Тезей

Да, сам по себе;

Но если твой отец не за него,
То, значит, тот достойней.

Гермия

Как бы я

Хотела, чтоб отец смотрел моими
Глазами!

Тезей

Нет! Скорей твои глаза
Должны его суждению подчиняться.

Гермия

Простите, ваша светлость, умоляю.
Сама не знаю, где нашла я смелость,
И можно ли, не оскорбляя скромность,
При всех мне так свободно говорить.
Но заклинаю, мне узнать позвольте:
Что самое плохое предстоит мне,
Когда я за Деметрия не выйду?

Тезей

Что? Смерть! Иль отречение навеки
От общества мужчин. Вот почему,
О Гермия, проверь себя. Подумай:
Ты молода... Свою спроси ты душу,
Когда пойдешь против отцовской воли:
Способна ль ты надеть наряд монашки,
Навек быть заключенной в монастырь,
Всю жизнь прожить монахиней бесплодной²
И грустно петь луне холодной гимны?
Стократ блажен, кто кровь свою смиряет,
Чтоб на земле путь девственный свершить;
Но роза, в благовонье растворясь³,
Счастливей той, что на кусте невинном
Цветет, живет, умрет—всё одинокой!

Гермия

Так я цвести, и жить, и умереть
Хочу скорей, чем девичьи права
Отдать ему во власть! Его ярму
Душа моя не хочет покориться.

Т е з е й

Обдумай, Гермия! В день новолунья
(В день, что меня с моей любовью свяжет
На вечное содружество) должна
Ты быть готова: или умереть
За нарушение отцовской воли,
Иль обвенчаться с тем, кого он выбрал,
Иль дать навек у алтаря Дианы
Обет безбрачья и суровой жизни.

Д е м е т р и й

Смягчись, о Гермия!—А ты, Лизандр,
Моим правам бесспорным уступи.

Л и з а н д р

Деметрий, раз отец тебя так любит,
Отдай мне дочь, а сам женись на нем!

Э г е й

Насмешник дерзкий! Да, любовь отца—
За ним и с ней всё то, чем я владею.
Но дочь—моя, и все права над нею
Я отдаю Деметрию сполна!

Л и з а н д р

Но, государь, с ним равен я рождением,
Да и богатством; я люблю сильнее;
По положенью я ничем не ниже,
Скорее даже выше, чем Деметрий;
А главное—что превышает всё—
Я Гермией прекрасною любим!
К чему ж от прав моих мне отрекаться?
Деметрий—да, скажу ему в лицо—
В Елену, дочь Недара, был влюблен.
Ее увлек он. Нежная Елена
Непостоянного безумно любит,
Боготворит пустого человека!

Т е з е й

Признаться, я кой-что об этом слышал
И даже думал с ним потолковать;
Но, занятый важнейшими делами,
Забыл о том.—Иди со мной, Деметрий,
И ты, Эгей! Со мной идите оба,
И мы найдем, о чем поговорить!—
Ты ж, Гермия, старайся подчинить

Свои мечты желанию отца,
Не то предаст тебя закон афинский
(Которого мы изменить не в силах)
На смерть или на вечное безбрачье.—
Ну, Ипполита... Что, любовь моя?
Идем...—Деметрий и Эгей—за мною:
Я поручу вам кое-что устроить
К торжественному дню и потолокую
О том, что вас касается обоих.

Э г е й

Исполнить долг наш рады мы всегда.

Тезей, Ипполита, Эгей, Деметрий и свита уходят.

Л и з а н д р

Ну что, моя любовь? Как бледны щеки!
Как быстро вдруг на них увяли розы!

Г е р м и я

Не оттого ль, что нет дождя, который
Из бури глаз моих легко добыть.

Л и з а н д р

Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал—в истории ли, в сказке ль,—
Чтоб гладким был путь истинной любви.
Но—или разница в происхожденье...

Г е р м и я

О горе! Высшему—плениться низшей!...

Л и з а н д р

Или различье в летах...

Г е р м и я

О насмешка!
Быть слишком старым для невесты юной!

Л и з а н д р

Иль выбор близких и друзей...

Г е р м и я

О мука!
Но как любить по выбору чужому?

Л и з а н д р

А если выбор всем хорош,—война,
Болезнь иль смерть всегда грозят любви
И делают ее, как звук, мгновенной,
Как тень, летучей и, как сон, короткой.
Так молния, блеснув во мраке ночи,
Разверзнет гневно небеса и землю,
И раньше, чем воскликнем мы: «Смотри!»—
Ее уже поглотит бездна мрака—
Все яркое так быстро исчезает.

Г е р м и я

Но если для влюбленных неизбежно
Страданье и таков закон судьбы,
Так будем в испытаньях терпеливы:
Ведь это для любви обычный крест,
Приличный ей,—мечты, томленья, слезы,
Желанья, сны—любви несчастной свита!

Л и з а н д р

Да, ты права... Но, Гермия, послушай:
Есть тетка у меня. Она вдова,
Богатая, бездетная притом.
Живет отсюда милях так в семи.
Так вот: она меня как сына любит!
Там, Гермия, мы можем обвенчаться.
Жестокие афинские законы
Там не найдут нас. Если правда любишь,
Ты завтра в ночь уйди тайком из дома.
В лесу, в трех милях от Афин, в том месте,
Где встретил вас с Еленой (вы пришли
Свершать обряды майским утром, помнишь?),
Тебя я буду ждать.

Г е р м и я

О мой Лизандр!

Клянусь крепчайшим луком Купидона,
Его стрелою лучшей, золотой⁴,
Венериных голубок чистотой⁵,
Огнем, в который бросилась Дидона⁶,
Когда троянец поднял паруса,—

Всем, чем любовь связуют небеса,
Тьмой клятв мужских, нарушенных безбожно
(В чем женщинам догнать их невозможно),
Клянусь: в лесу, указанном тобой,
Я буду завтра ночью, милый мой!

Входит Е л е н а.

Л и з а н д р

Ты сдержишь клятву... Но смотри—Елена!

Г е р м и я

Привет! Куда идешь, мой друг прекрасный?

Е л е н а

Прекрасна—я? О, не шути напрасно.
Твоя краса Деметрия пленяет,
Счастливица! Твой взор ему сияет
Светлей, чем звезды, голос твой милей,
Чем жаворонка песнь среди полей...
Будь красота прилипчивый недуг,—
Я б заразилась у тебя, мой друг!
Переняла бы у тебя украдкой
И блеск очей и нежность речи сладкой...
Будь мой весь мир,—Деметрия скорей
Взяла б себе я; всем другим—владей!
Но научи меня: каким искусством
Деметрия ты завладела чувством?

Г е р м и я

Я хмрю бровь—он любит все сильней.

Е л е н а

Такую власть—улыбке бы моей!

Г е р м и я

Клянущего—в нем только ярче пламя!

Е л е н а

О, если б мне смягчить его мольбами!

Г е р м и я

Чем жестче я, тем он нежней со мной!

Е л е н а

Чем я нежней, тем жестче он со мной!

Г е р м и я

В его безумье—не моя вина.

Е л е н а

Твоей красы! О, будь моей,—вина!

Г е р м и я

Я больше с ним не встречусь: не страдай.
Мы навсегда покинем этот край!
Пока я здесь жила, любви не зная,
Афины мне казались лучше рая...
И вот—любовь! Чем хороша она,
Когда из рая сделать ад вольна?

Л и з а н д р

Елена, друг, открою все тебе я:
Назавтра в ночь, едва узрит Фебея⁷
Свой лик серебристый в зеркале речном,
Камыш усыпав жидким жемчугом,—
В час, что влюбленных тайны бережет,
Мы выйдем с ней из городских ворот.

Г е р м и я

В лесу, где часто, лежа меж цветами,
Делились мы девичьими мечтами,
Лизандр мой должен встретиться со мной,
И мы покинем город наш родной,
Ища иных друзей, иного круга.
Прощай же, детских игр моих подруга!
Прошу, о нашей помолись судьбе,
И бог пошли Деметрия тебе.—
Так помни уговор, Лизандр: до ночи
Должны поститься будут наши очи.

Л и з а н д р

Да, Гермия моя...

Г е р м и я уходит.

Прощай, Елена!

Деметрия любви тебе желаю!

· Уходит.

Е л е н а

Как счастлива одна в ущерб другой!
В Афинах с ней равна я красотой...
Что из того? Он слеп к моей красе:

Не хочет знать того, что знают все.
Он в заблужденье, Гермией плененный;
Я—также, им любясь ослепленно.
Любовь способна низкое прощать
И в доблести пороки превращать,
И не глазами—сердцем выбирает:
За то ее слепой изображают.
Ей с здравым смыслом примириться трудно.
Без глаз—и крылья: символ безрассудной
Поспешности!.. Ее зовут—дитя;
Ведь обмануть легко ее шутя.
И как в игре божатся мальчуганы,
Так ей легки и нипочем обманы.
Пока он не был Гермией пленен,
То градом клятв в любви мне клялся он;
Но лишь от Гермии дохнуло жаром,—
Растаял град, а с ним все клятвы даром.
Пойду, ему их замыслы открою:
Он, верно, в лес пойдет ночной порою;
И если благодарность получу,
Я дорого за это заплачу,
Но мне в моей тоске и это много—
С ним вместе в лес и из лесу дорога!

Уходит.

СЦЕНА 2

Афины. Комната в хижине.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка,
Рыло и Заморыш.

П и г в а

Вся ли наша компания в сборе?

О с н о в а

А ты лучше сделай перекличку: вызови нас всех по
списку.

П и г в а

Вот список с именами всех, кого нашли мало-мальски
пригодными, чтобы представить нашу интермедию перед
герцогом и герцогиней вечером в день их бракосочетанья.

О с н о в а

Прежде всего, добрейший Питер Пигва, скажи нам, в чем состоит пьеса, потом прочти имена актеров,—так и дойдешь до точки!

П и г в а

Правильно! Пьеса наша—«Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы»¹.

О с н о в а

Превосходная штучка, заверяю вас словом, и превеселая! Ну, добрейший Питер Пигва, теперь вызови всех актеров по списку. Граждане, стройтесь в ряд!

П и г в а

Отвечайте по вызову!.. Ник Основа!

О с н о в а

Есть! Назови мою роль и продолжай переключку.

П и г в а

Тебя, Ник Основа, наметили на Пирама.

О с н о в а

Что такое Пирам? Любовник или злодей?

П и г в а

Любовник, который предоблестно убивает себя из-за любви.

О с н о в а

Ага! Значит, тут требуются слезы, чтобы сыграть его как следует. Ну, если я возьмусь за эту роль,—готовь, публика, носовые платки! Я бурю подниму... Я в некоторой степени сокрушаться буду... Но, сказать по правде, главное мое призвание—роли злодеев. Е р к у л е с а² я бы на редкость сыграл или вообще такую роль, чтобы землю грызть и всё кругом в щепки разносить!

Послышится рев,
Удары бойцов—
И рухнет засов
Жестокой темницы.
А Фиб, светлый бог,
Далек и высок,
Изменит злой рок
Со своей колесницы!

Каково это было? Отменно, а? Ну, вызывай других актеров. Вот вам была манера Еркулеса, характер злодея; любовник—куда слезоточивее.

П и г в а

Френсис Дудка, починщик раздувальных мехов!

Д у д к а

Есть, Питер Пигва!

П и г в а

Ты должен взять на себя роль Фисбы.

Д у д к а

А кто будет Фисба? Странствующий рыцарь?

П и г в а

Нет, это дама, в которую влюблен Пирам.

Д у д к а

Нет, честью прошу, не заставляйте меня играть женщину: у меня борода пробивается!¹⁰

П и г в а

Ничего не значит; можешь играть в маске и будешь पिщать самым тоненьким голоском.

О с н о в а

А! Если можно играть в маске,—давайте, я вам и Фисбу сыграю: я могу говорить чудовищно тоненьким голосом. «Твоя, твоя... Ах, Пирам, мой любовник дорогой! Я твоя Фисба дорогая, я твоя дама дорогая!»

П и г в а

Нет! нет! Ты должен играть Пирама, а ты, Дудка,—Фисбу.

О с н о в а

Ну, ладно. Валяй дальше!

П и г в а

Робин Заморыш, портной!

З а м о р ы ш

Есть, Питер Пигва!

П и г в а

Заморыш, ты будешь играть мать Фисбы.—Томас Рыло, медник!

Р ы л о

Есть, Питер Пигва!

П и г в а

Ты—Пирамов отец. Я сыграю Фисбина отца. Миляга, столяр, ты получаешь роль Льва. Ну вот, надеюсь, что пьеса расходится у нас прекрасно.

М и л я г а

А у вас роль Льва переписана? Вы мне теперь же ее дадите, а то у меня память очень туга на ученье.

П и г в а

Тут и учить-то нечего, и так сыграешь: тебе придется только рычать.

О с н о в а

Давайте, я вам и Льва сыграю! Я так буду рычать, что у вас сердце радоваться будет; я так буду рычать, что сам герцог обязательно скажет: «А ну-ка, пусть его еще порычит, пусть еще порычит!»

П и г в а

Ну, если ты будешь так страшно рычать, ты, пожалуй, герцогиню и всех дам насмерть перепугаешь; они тоже завопят, а этого будет довольно, чтобы нас всех перевешали!

В с е

Да, да, перевешают всех до одного!

О с н о в а

Это я с вами, друзья, согласен, что если мы настрашаем дам, так лучшего ничего не придумают, как нас всех вздернуть. Но я сумею так переделать мой голос, что буду рычать нежно, что твой птенчик-голубенок; буду вам рычать, что твой соловушка!

П и г в а

Никакой тебе роли нельзя играть, кроме Пирама, потому что Пирам—красивый молодец, как раз такой настоящий мужчина во цвете лет, первосортный мужчина, благовоспитанный, с манерами, ну, словом, точь-в-точь такой, как ты... Тебе только и играть Пирама.

О с н о в а

Ладно, согласен, беру роль. А в какой бороде мне ее играть?

П и г в а

Да в какой хочешь.

О с н о в а

Ладно. Я вам его представлю в бороде соломенного цвета¹¹. Или лучше в оранжево-бурой? Или в пурпурово-рыжей! Или, может быть, цвета французской кроны—чисто желтого цвета?

П и г в а

У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет¹², и придется тебе играть с голой физиономией...—Ну, граждане, вот вам ваши роли, и я прошу вас, умоляю вас и заклинаю вас—вызубрить их наизусть к завтрашнему вечеру. А вечером приходите в дворцовый лес, в одной миле от города: там мы при лунном свете устроим репетицию. А то, если будем собираться в городе, об этом пронюхают и выболтают нашу затею. А пока что я составлю список бутафории, которая нам нужна для пьесы. И прошу вас—не подведите меня.

О с н о в а

Придем обязательно. Там можно будет репетировать, как говорится, бесцеремоннее, вольнее. Постарайтесь, не ударьте в грязь лицом! Пока будьте здоровы!

П и г в а

Встреча—у герцогского дуба.

О с н о в а

Ладно. Хоть удавитесь, а будьте на месте.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА 1

Лес поблизости от Афин.

Появляются с разных сторон фея и Пэк.

П э к

А, фея! Здравствуй! А куда твой путь?

Ф е я

Над холмами, над долами,
Сквозь терновник, по кустам,
Над водами, через пламя
Я блуждаю тут и там!
Я лечу луны быстрей,
Я служу царице фей,
Круг в траве кроплю росой¹³.
Буквицы—ее конвой.
Видишь золотой наряд?
Пятнышки на нем горят:
То рубины, цвет царицы,
В них весь аромат таится.

Для буквиц мне запас росинок нужен—
Вдеть каждой в ушки серьги из жемчужин.
Прощай, дух-увалень! Лечу вперед.
Сюда ж царица с эльфами придет.

П э к

Мой царь здесь ночью будет веселиться,—
Смотри, чтоб с ним не встретилась царица!
Он на нее взбешен, разгневан—страх!
Из-за ребенка, что при ней в пажках
(Похищен у индийского султана)¹⁴.

Она балует, рядит мальчугана,
А Оберон-ревнивец хочет взять
Его себе, чтоб с ним в лесах блуждать.
Царица же всю радость видит в нем,
Не отдает! С тех пор лишь над ручьем,
На озаренной светом звезд полянке
Они сойдутся—вмиг за перебранки,
Да так, что эльфы все со страху—прочь,
Залезут в желудь и дрожат всю ночь!

Ф е я

Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... ты—Добрый Малый Робин?
Тот, что пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки поснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружкой,—
Тем помогает, счастье носит в дом.
Ты—Пэк?

П э к

Ну да, я—Добрый Малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шалый.
В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы—скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что ведет рассказ плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользну—тррах!—тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!
Все умирают, лопааясь от смеха,
И, за бока держась, твердит весь хор,
Что не смеялись так до этих пор...
Но, фея, прочь! Вот царь. Ступай отсюда.

Ф е я

А вот она! Ах, не было бы худа!

Входят с одной стороны О б е р о н со своей свитой, с другой —
Т и т а н и я со своей.

О б е р о н

Не в добрый час я при сиянье лунном
Надменную Титанию встречаю.

Т и т а н и я

Как, это ты, ревнивец Оберон?—
Летимте, эльфы, прочь! Я отреклась
От общества и ложа Оберона.

О б е р о н

Постой, негодная! Не я ль супруг твой?

Т и т а н и я

Так, я—твоя супруга! Но я знаю,
Как ты тайком волшебный край покинул
И в образе Корина на свирели
Играл весь день и пел стихи любви
Филлиде¹⁵ нежной. А зачем ты здесь?
Из дальней Индии затем явился,
Что дерзкую любовницу твою,
В котурнах¹⁶ амазонку, нынче в жены
Берет Тезей, и хочешь ты их ложу
И счастье и радость даровать?

О б е р о н

Стыдись, стыдись, Титания! Тебе ли
Меня за Ипполиту упрекать?
Я знаю ведь твою любовь к Тезею!
Не ты ль его в мерцанье звездной ночи
От бедной Перигены¹⁷ увела?
Не для тебя ль безжалостно он бросил
Эгмею¹⁸, Ариадну¹⁹, Антиопу²⁰?

Т и т а н и я

Всё измышленья ревности твоей!
Уж с середины лета мы не можем
Сойтись в лугах, в лесу, у шумной речки,
У камнем обнесенного ключа,

На золотом песке, омытом морем,
Водить круги под свист и песни ветра,
Чтоб криком не мешал ты нашим играм!
И ветры нам напрасно пели песни.
В отместку подняли они из моря
Зловредные туманы. Те дождем
На землю пали. Реки рассердились
И вышли, возгордясь; из берегов.
С тех пор напрасно тянет вол ярмо,
Напрасно пахарь льет свой пот: хлеба
Сгнивают, усиков не отравив.
Пусты загоны в залитых полях,
От падали вороны разжирели...
Грязь занесла следы веселых игр;
Тропинок нет в зеленых лабиринтах:
Зарос их след, и не найти его!
Уж смертные зимы скорее просят;
Не слышно песен по ночам у них...
И вот луна, властительница вод,
Бледна от гнева, воздух весь омыла
И ревматизмы всюду развела.
Мешаются все времена в смятенье:
И падает седоголовый иней
К пунцовой розе в свежие объятья;
Зато к короне ледяной зимы
Венок душистый из бутонов летних
В насмешку прикреплен. Весна и лето,
Рождающая осень, и зима
Меняются нарядом, и не может
Мир изумленный различить времен!
Но бедствия такие появились
Все из-за наших ссор и несогласий:
Мы—их причина, мы их создаем.

Оберон

В твоих руках всё изменить: к чему
Титания перечит Оберону?
Ведь я прошу немногого: отдай
Ты мальчика в пажи мне!

Титания

Будь спокоен:
За весь твой край волшебный не отдам!
Ведь мать его была моею жрицей.

С ней в пряном воздухе ночей индийских
На золотых нептуновых песках²¹
Сидели часто мы, суда считая.
Смеялись с ней, смотря, как паруса,
Беременные ветром, надувались...
Она шутя им мило подражала
(В то время тяжела она была
Моим любимцем) и плыла, как будто
С какой-нибудь безделкой возвращаясь
Ко мне, как бы из плаванья с товаром...
Но смертною была моя подруга,
И этот мальчик стоил жизни ей.
Любя ее, ребенка я взлелею;
Любя ее, я не отдам его!

О б е р о н

Как долго ты пробудешь здесь в лесу?

Т и т а н и я

Должно быть, до венчания Тезея.
Коль хочешь с нами мирно танцевать
И веселиться при луне,—останься.
Коль нет,—ступай, и я уйду подальше.

О б е р о н

Отдай ребенка, я пойду с тобой!

Т и т а н и я

Ни за волшебный край!—За мною, эльфы!
Коль не уйду,—поссоримся навек.

Титания и ее свита уходят.

О б е р о н

Иди! Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу.—
Мой милый Пэк, пойди сюда! Ты помнишь,
Как слушал я у моря песнь сирены,
Взбравшейся к дельфину на хребет?
Так сладостны и гармоничны были
Те звуки, что сам грубый океан
Учтиво стихнул, внемля этой песне,
А звезды, как безумные, срывались
С своих высот, чтоб слушать песнь...

П э к

Я помню!

О б е р о н

В тот миг я увидал (хоть ты не видел):
Между луной холодной и землею
Летел вооруженный Купидон.
В царящую на Западе Весталку²²
Он целился и так пустил стрелу,
Что тысячи сердец пронзить бы мог!
Но огненная стрелка вдруг погасла
Во влажности лучей луны невинной,
А царственная жрица удалилась
В раздумье девственном, чужда любви.
Но видел я, куда стрела упала:
На Западе есть маленький цветок;
Из белого он алым стал от раны!
«Любовью в праздности»²³ его зовут.
Найди его! Как он растет, ты знаешь...
И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему,—проснувшись,
Он в первое живое существо,
Что он увидит, влюбится безумно.
Найди цветок и возвратись скорее,
Чем милю проплывет Левиафан²⁴.

П э к

Весь шар земной готов я облететь
За полчаса.

Исчезает.

О б е р о н

Добывши этот сок,
Титанию застигну спящей я,
В глаза ей брызну жидкостью волшебной,
И первый, на кого она посмотрит,
Проснувшись,—будь то лев, медведь, иль волк,
Иль бык, иль хлопотливая мартышка,—
За ним она душою устремится,
И раньше, чем с нее сниму я чары
(Что я могу другой травой сделать),
Она сама мне мальчика отдаст!
Но кто сюда идет? Я невидимкой
Могу подслушать смертных разговор.

Входит Д е м е т р и й; Е л е н а следует за ним.

Д е м е т р и й

Я не люблю тебя! Оставь меня!
Ну, где же Гермия и где Лизандр?
Хочу убить его,—убит я ею!
Сказала ты: они бежали в лес...
Ну вот, я здесь—я пнем стою в лесу,
А Гермии здесь нету и в помине!
Пошла ты прочь и не тянись за мной!

Е л е н а

Ты притянул меня, магнит жестокий,
Хоть не железо тянешь ты, а сердце,
Которое в любви верней, чем сталь.
Брось привлекать—не стану я тянуться.

Д е м е т р и й

Да разве я любезничал с тобою?
Я завлекал тебя? Сказал я прямо,
Что не люблю, не полюблю тебя.

Е л е н а

А я зато люблю тебя все больше.
Ведь я твоя собачка: бей сильнее—
Я буду лишь в ответ вилять хвостом.
Ну, поступай со мной, как с собачонкой:
Пинай ногою, бей, гони меня;
Позволь одно мне только, недостойной
(Могла ли бы я меньшее просить?),—
Чтоб, как собаку, ты меня терпел.

Д е м е т р и й

Не искушай ты ненависть мою.
Меня тошнит, когда тебя я вижу.

Е л е н а

А я больна, когда тебя не вижу.

Д е м е т р и й

Свою ты скромность подвергаешь риску,
Покинув город и отдав себя
Тому на волю, кто тебя не любит:
Ты доверяешь искушеньям ночи
И злым внушеньям этих мест пустынных
Сокровище невинности своей.

Е л е н а

Твоя же честь защитой будет мне!
Твое лицо мне освещает ночь.
Пустынным этот лес я не считаю;
Ты здесь со мной, ты для меня—весь мир.
Как я могу сказать, что я одна,
Когда весь мир здесь смотрит на меня?

Д е м е т р и й

Я убегу и спрячусь в чаще леса,
Тебя же зверям я брошу на съеденье.

Е л е н а

Ах! Самый лютый зверь добрей! Ну что ж,
Беги. Пусть переменятся все сказки:
Пусть гонится за Аполлоном Дафна,
Голубка—за грифоном²⁵, лань—за тигром,—
Бесцельная погоня, если храбрость
Бежит, а робость гонится за ней!

Д е м е т р и й

Довольно, не хочу я больше слушать!
Пусти! А если побежишь за мною,
Тебе в лесу я причину обиду!

Е л е н а

Ах, ты давно обиды мне наносишь
Везде—во храме, в городе и в поле.
Стыдись! Во мне ты оскорбил всех женщин.
Нам не пристало за любовь сражаться:
Нас молят, ваше дело—умолять.
Я не отстану. Ад бывает раем,
Коль от руки любимой умираем.

Д е м е т р и й и Е л е н а уходят.

О б е р о н

Путь добрый, нимфа! Минет ночь—и будешь
Ты убегать, он гнаться за тобой!

Появляется П э к.

Привет мой, странник! Что, нашел цветок?

П э к

Да, вот он!

О б е р о н

О! Давай его скорей!

Есть холм в лесу: там дикий тмин растет,
Фиалка рядом с буквицей цветет,
И жимолость свой полог ароматный
Сплела с душистой розою мускатной;
Там, утомясь веселою игрой,
Царица любит отдыхать порой;
Из сброшенной змеей блестящей кожи—
Для феи покрывало там на ложе.
Там ей в глаза впущу волшебный сок,
Чтоб странный бред Титанию увлек.
Но часть—возьми: блуждает здесь по лесу
Красавица, в надменного повесу
Влюбленная. Ему глаза ты смажь,
Но постарайся, чтоб красавец наш
Ее увидел, чуть откроет вежды.
Ищи: на нем афинские одежды²⁶.
Да сделай так, смотри, чтоб непременно
Сильней ее влюбился он мгновенно.
Вернись, куда не пропел петух.

П э к

Не бойся, все исполнит верный дух.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Входит Титания со своей свитой.

Т и т а н и я

Составьте круг теперь и спойте песню!
Потом на треть минуты—все отсюда:
Кто—убивать червей в мускатных розах,
Кто—добывать мышей летучих крылья
Для эльфов на плащи, кто—сов гонять,
Что ухают всю ночь, дивясь на нас.
Теперь вы убаюкайте меня,
Потом ступайте: я хочу уснуть.

П е р в ы й э л ь ф

(поет)

В пестрых пятнах медяницы
И колючие ежи,

Прочь, подальше от царицы,
Змеи, черви и ужи!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю, баю, баю, баю, баю, баю, бай!

Козни, чары вражьих ков,
Не смущайте светлых снов.
Спи, царица, отдыхай.
Доброй ночи, баю, бай!

П е р в ы й э л ь ф

Вы не смейте делать худа,
Долгоножки-пауки!
Все улитки, прочь отсюда!
Сгиньте, черные жуки!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю... и т. д.

В т о р о й э л ь ф

Спокойно всё... Теперь—летим.
Один—останься часовым!

Э л ь ф ы исчезают. Титания засыпает. Появляется О б е р о н.

О б е р о н

(выжимая цветок на глаза Титании)

Что увидишь, как проснешься,
Всей душой тем увлечешься.
Пусть любовь тебя гнетет:
Будь то волк, медведь, иль кот,
Иль с щетиной жесткой боров.—
Для твоих влюбленных взоров
Станет он всего милей.
Как придет, проснись скорей!

Исчезает.

Входят Л и з а н д р и Г е р м и я.

Л и з а н д р

Любовь моя! Устала ты блуждать,
Но признаюсь, что сбился я с дороги.

Не хочешь ли прилечь и подождать,
Чтоб новый день рассеял все тревоги?

Гермия

Ну что ж, тогда найди себе приют;
А я на мшистый склон прилягу тут.

Лизандр

На тот же мох и я прилягу тоже:
Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!

Гермия

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю,
Но ляг подальше, я о том молю!

Лизандр

Мой, друг, пойми невинность слов моих,
Любовь тебе понять поможет их.
Хотел сказать я, что любовь чудесно
В одно слила два наших сердца тесно
И клятвою их так связала оба,
Что верность в них одна живет до гроба.
В местечке рядом мне не откажи:
Поверь, что не способен я ко лжи.

Гермия

Словами ты играешь преискусно;
Но гордости моей как было б грустно,
Когда в тебе я допустила б ложь!
Но уважение и любовь ты все ж
Докажешь мне, коль дальше отойдешь:
Для юноши с девицей стыд людской
Не допускает близости такой...
Ляг дальше. Спи спокойно, без забот;
И только с жизнью пусть любовь пройдет.

Лизандр

Аминь, аминь,—вослед твоей мольбе,
И пусть умру, коль изменю тебе.
Здесь лягу я. Во сне найди вновь силы!

Гермия

Того же и тебе желаю, милый!

Засыпают.

Входит Пэк.

П э к

Я прошел весь лес насквозь:
Никого там не нашлось,
Чтоб на нем проверить мог
Я цветка волшебный сок.
Ночь... Молчанье... Тсс! Кто там?
Да не он ли это сам?
Это он, сомненья нет:
По-афински он одет.
Вот и девушка' здесь тоже
Сладко спит на влажном ложе.
Ах, бедняжка! Так нежна...
И не смела лечь она
К бессердечному поближе?
О злодей! Ну, погоди же!

(Выжимает сок цветка на глаза Лизандру.)

Властью чар порабощен,
Пусть, едва проснется он,
От любви утратит сон.
Я ж лечу: ждет Оберон!

Исчезает.

Входит Д е м е т р и й, за ним бежит Е л е н а.

Е л е н а

О, подожди! Убей меня, убей!

Д е м е т р и й

Я говорю: прочь с глаз моих скорей!

Е л е н а

Одну меня ты бросишь? Пощади!

Д е м е т р и й

Оставь меня, не то... Пусти! Уйди!

Убегает.

Е л е н а

Нет сил! В погоне я изнемогаю.
Чем больше просьб, тем меньше достигаю.
О, счастье ей,—где б ни была она,—
Что прелесть звезд глазам ее дана!
И почему те звезды так блестящи?

Не от соленых слез: я плачу чаще!
Нет, я дурна, противна, как медведь!
Зверь на меня боится посмотреть.
Так как же мне Деметрию дивиться,
Что он, как зверь, прочь от меня стремится?
Как, зёркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?
Но что это? Лизандр? Он здесь лежит!
Но мертв иль спит? Нет крови: не убит.
Проснитесь, о Лизандр, мой друг! Что с вами?

Л и з а н д р
(просыпаясь)

Я за тебя с восторгом кинусь в пламя,
Прозрачная Елена! Вижу я,
Как в красоте сквозит душа твоя.
Деметрий где? Вот имя для того,
Кто от меча погибнет моего!

Е л е н а

Нет, нет, Лизандр, вы так не говорите.
Пускай ее он любит; но поймите:
Она вас любит—этого довольно!

Л и з а н д р

Довольно? Нет! Мне тяжело и больно,
Что с ней я время тратил добровольно!
Не Гермину люблю—люблю Елену.
Голубку взял вороне я в замену.
Ведь у рассудка воля в подчиненье,
А он сказал: ты выше без сравненья!
До времени ведь не созреть плодам:
Я молод был доселе по годам,
Но разум мой созрел до основанья
И ныне стал вождем моим желаньям.
В твоих глазах читаю в этот миг
Рассказ любви в прекраснейшей из книг.

Е л е н а

За что обречена я на мученья?
Чем заслужила эти оскорбленья?
Иль мало вам, иль мало вам того,
Что ласки я не вижу от него,

Что надо мной смеялись вы безбожно?
Нет, хуже поступить едва ль возможно!
Стыдиться б надо шуточки вам дурной:
В насмешку вдруг ухаживать за мной!
Прощайте! Но должна я вам заметить,
Что больше рыцарства ждала в вас встретить.
О боги! Быть отвергнутой одним,
Чтоб грубо быть осмеянной другим!

Убегает.

Л и з а н д р

А! Гермии не видела она!
Спи, Гермия! Ты мне уж не нужна.
Да, так в нас вызывает отвращенье
Излишек в лакомстве иль пресыщенье.
Так ересь после возмущает тех,
Кого прельщала,—точно тяжкий грех.
Была такой ты ересью моей:
Пусть все тебя кланут, я—всех сильнее!
Все силы я отдам во власть Елены:
Любить ее, служить ей без измены.

Убегает.

Г е р м и я

(просыпаясь)

Лизандр мой, помоги! Скорей приди,
Ползучую змею сорви с груди!..
О страшный сон!.. Дрожу от страха я.
Мне снилось, что ужасная змея
Мне грызла сердце. Было тяжело, душно,
А ты смотрел с улыбкой равнодушно.
Лизандр! Как! Нет? Ушел? О мой супруг!..
Не слышит он? Откликнись, милый друг,
Во имя всей любви! Да что же это?
Лишаюсь чувств от страха. Нет ответа?
Так, значит, мне на поиски идти?
Найти его—или смерть свою найти!

Убегает.

А К Т III

СЦЕНА 1

Титания спит.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло и
Заморыш.

О с н о в а

Вся ли наша компания в сборе?

П и г в а

Все налицо. А вот и замечательно подходящее местечко для нашей репетиции. Вот эта зеленая лужайка будет нашей сценой, эти кусты боярышника—уборной, и мы можем представлять всё в точности, как перед самим герцогом.

О с н о в а

Питер Пигва!

П и г в а

Что скажешь, удалец Основа?

О с н о в а

А то, что в этой комедии о Пираме и Фисбе есть вещи, которые никому не понравятся. Во-первых, Пираму придется вынуть меч, чтобы заколоться; а дамы этого совершенно не выносят. Что же вы на это можете ответить?

Р ы л о

Ах ты, сделай милость,—это опасная штука!

З а м о р ы ш

Я полагаю, что придется нам в конце концов самоубийство вымарать.

О с н о в а

Ничего подобного! Я придумал такую хитрую штуку, что все великолепно обойдется. Напишите вы мне пролог, и пусть этот Пролог²⁷ доложит публике, что мол, мечи наши никакой беды наделать не могут и что Пирам на самом деле вовсе не закалывается; а чтобы окончательно их уверить в этом, пусть он скажет, что, мол, я, Пирам, вовсе и не Пирам, а ткач Основа: это всех совершенно и успокоит.

П и г в а

Отлично, закажем пролог, велим его написать восьмисложными и шестисложными стихами.

О с н о в а

Не пожалейте лишних двух стоп: пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными²⁸.

Р ы л о

А не испугаются дамы Льва?

З а м о р ы ш

Ох, боюсь, что испугаются, — ручаюсь вам.

О с н о в а

Друзья, об этом надо хорошенько подумать! Вывести льва к дамам!.. Сохрани нас бог! Это страшная затея. Ведь опаснее дичины нет, чем лев, да еще живой! Надо это иметь в виду.

Р ы л о

Так пускай другой Пролог объяснит, что Лев совсем не лев.

О с н о в а

Нет, вот что: надо, чтобы он назвал себя по имени. Потом, чтобы полфизиономии его было видно из-под львиной шкуры. А он сам пусть заговорит и скажет что-нибудь в таком роде: «Сударыня, позвольте мне просить вас...» или: «Позвольте мне умолять вас...» или: «Позвольте мне заклинать вас — не дрожать и не бояться: я готов за вас жизнь

свою отдать! Будь я в самом деле львом—плохо мне пришлось бы здесь. Но я вовсе не лев, ничего подобного, я такой же человек, как и все другие». И тут пусть он себя назовет: так прямо и скажет, что он, мол, столяр Миляга!

П и г в а

Ладно, так и порешим. Теперь остаются еще две трудности. Как устроить лунный свет в комнате? Потому что, знаете ли, у Пирама и Фисбы—свидание при лунном свете.

Р ы л о

А будет луна в вечер нашего представления?

О с н о в а

Календарь, календарь! Поглядите в альманах²⁹: найдите луну, найдите луну!

П и г в а

Да, будет луна.

О с н о в а

Так чего проще—открыть пошире окно в той комнате, где мы будем играть: луну и будет видно.

П и г в а

Пожалуй. А то можно еще так: кто-нибудь должен войти с кустом и с фонарем и объяснить, что он фигурирует, то есть изображает лунный свет. Отлично! А второе вот что: в комнате еще необходима стена, потому что, по пьесе, Пирам и Фисба разговаривают через щель в стене.

Р ы л о

Стену в комнату втащить никак невозможно. Что ты скажешь, Основа?

О с н о в а

Опять-таки кто-нибудь нам сыграет стену! Мы его подмажем штукатуркой, глиной и цементом; это и будет значить, что он—стена. А пальцы он пускай вот так растопырит, и сквозь эту щель Пирам и Фисба и будут шептаться.

П и г в а

Ну, раз все так хорошо устраивается, то у нас все обстоит благополучно. Садитесь, и пусть каждый твердит свою роль. Пирам, тебе начинать! Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты³⁰. И так—каждый, сообразно своей роли.

Сзади них появляется П э к.

П э к

Что здесь за сброд мужланов расшумелся
Так близко от царицы? Ба! Тут пьеса!
Ну что ж, я буду зрителем у них,
При случае, быть может, и актером!

П и г в а

Начинай, Пирам! А ты, Фисба, приготовься.

О с н о в а

«О Фисба, цвет цветочков бездыханных!»

П и г в а

«Цветов благоуханных!»

О с н о в а

«...цветов благоуханных!
Твое дыхание, о Фисба, друг драгой!
Но чу! Я слышу глас! Останься здесь покуда:
А вскоре, вскоре вновь я здесь с тобою буду!»

Уходит.

П э к

(в сторону)

Чуднее я не видывал Пирама!

Исчезает.

Д у д к а

Теперь мне говорить?

П и г в а

Ну да, тебе. Имей в виду, он только пошел взглянуть,
что там за шум, и сейчас должен вернуться.

Д у д к а

«Блистательный Пирам, чей лик, белей лилей
И алых роз алей, предивно расцветает!
Юнейший юноша, всех миленьких милей,
Верней, чем верный конь, что устали не знает...
Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы³¹...»

П и г в а

«У Ниновой гробницы», малый. Да только это еще рано
говорить: это ты отвечаешь Пираму. А ты хочешь всю
роль сразу отбарабанить! Пирам, ну что же ты! Ты репли-
ку прозевал; твоя реплика: «Что устали не знает...».

Д у д к а

О! «Верный конь, что устали не знает!»

Входят П э к и О с н о в а с ослиной головой.

О с н о в а

«Будь я прекрасней всех, о Фисба, все ж я твой!..»

П и г в а

О ужас! О чудо! Здесь нечистая сила! Молитесь, друзья! Спасайтесь, друзья!.. На помощь!

Пигва, Дудка, Миляга, Рыло и Заморыш убегают.

П э к

Я за вами пойду, я вас в круг заведу;
Сквозь кусты, через гать буду гнать и пугать.
То прикинусь конем, то зажгусь огоньком.
Буду хрюкать и ржать, жечь, реветь и рычать,
То как пес, то как конь, то как жгучий огонь!

Убегает.

О с н о в а

Чего это они все удирают? Знаю я: это шутики, чтобы напугать меня.

Вбегает Р ы л о.

Р ы л о

Ох, Основа! Тебя подменили! Что это я на тебе вижу?

О с н о в а

Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы?³²

Р ы л о убегает.

Вбегает П и г в а.

П и г в а

Спаси тебя бог, Основа, спаси тебя бог! Ты стал обротнем!

Убегает.

О с н о в а

Вижу я их плутни! Они хотят осла из меня сделать. На-стращать меня! Кабы могли... А я и с места не сдвинуся, что бы они ни вытворяли. Буду здесь разгуливать да песни петь: пускай слышат, что я и не думаю бояться. (Поет.)

«Эй, черный дрозд, эй, черный хвост,

Оранжевый носок.
И сладкозвучный певчий дрозд,
И крошка-королек!»

Т и т а н и я
(просыпаясь)

О, что за ангел пробудил меня
Среди цветов?

О с н о в а
(поет)

«Щегленок, зяблик, воробей,
Кукушка с песнею своей,
Которой человек в ответ
Сказать не часто смеет: нет!»

Да и правда: кто станет спорить с такой глупой птицей?
Кто ей скажет, что она врет, сколько бы она ни кричала
свое «ку-ку»?³³

Т и т а н и я

Прошу, прекрасный смертный, спой еще!
Твой голос мне чарует слух, твой образ
Пленяет взор. Достоинства твои
Меня невольно вынуждают сразу
Сказать, поклясться, что тебя люблю я!

О с н о в а

По-моему, сударыня, у вас для этого не очень-то много
резону. А впрочем, правду говоря, любовь с рассудком ред-
ко живут в ладу в наше время,—разве какие-нибудь добрые
соседи возьмутся помирить их. Что? Разве я не умею пошу-
тить при случае?

Т и т а н и я

Ты так же мудр, как и хорош собой!

О с н о в а

Ну, это, положим, преувеличение. Но будь у меня доста-
точно смекалки, чтобы выбраться из этого леса,—вот бы с
меня и хватило.

Т и т а н и я

Покинуть лес!.. Не думай и пытаться.
Желай иль нет—ты должен здесь остаться.

Могуществом я высшая из фей,
Весна всегда царит в стране моей.
Тебя люблю я. Следуй же за мной!
К тебе приставлю эльфов легкий рой,
Чтоб жемчуг доставать тебе со дна,
Баюкать средь цветов во время сна.
Я изменю твой грубый смертный прах:
Как эльф витать ты будешь в облаках.
Скорей ко мне, Горчичное Зерно,
Горошек, Паутинка, Мотылек!

Появляются ч е т ы р е э л ь ф а.

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к
Я здесь!

П а у т и н к а

И я!

М о т ы л е к и Г о р ч и ч н о е З е р н о
И мы!

В с е ч е т в е р о

Куда лететь нам?

Т и т а н и я

Вот господин ваш: вы ему служите,
Его воздушной пляской окружите,
Кормите виноградом, ежевикой,
Берите мед ему от пчелки дикой.
А из пчелиных лапок восковых
Наделайте светильников ночных;
О звезды светляков их зажигайте
И милого на отдых провожайте,
Взяв крылья мотыльков на опахала,
Чтоб спать ему луна не помешала.
Склонитесь и приветствуйте его!

Э л ь ф ы

Привет тебе! Привет! Привет, о смертный!

О с н о в а

Сердечно признателен вашей милости. Нельзя ли узнать,
как имя вашей милости?

П а у т и н к а

Паутинка.

О с н о в а

Очень рад буду с вами ближе познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я обрежу себе палец, я обращусь к вам за помощью.—А ваше имя, почтеннейший?

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к

Душистый Горошек.

О с н о в а

Позвольте попросить вас передать поклон госпоже Горошине, вашей матушке, и господину Стручку, вашему батюшке. Очень рад буду с вами поближе познакомиться.—А как вас зовут, сударь мой, прошу вас?

Г о р ч и ч н о е З е р н о

Горчичное Зерно.

О с н о в а

Добрейший господин Горчичное Зерно! Я хорошо знаю ваше долготерпение. Этот бессовестный великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей семьи³⁴. Уверяю вас, я не раз проливал слезы из-за вашей родни. Очень, очень рад буду с вами поближе познакомиться.

Т и т а н и я

Идите же с милым к моему покою.
Луна как будто плачет в высоте.
Она в слезах; цветы полны тоскою
О чьей-нибудь погибшей чистоте.
Связав ему уста, ведите молча.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Входит О б е р о н.

О б е р о н

Хотел бы знать, проснулась ли царица
И кто ей первый на глаза попался
И стал предметом страсти роковой.

Появляется П э к.

Вот мой посол.—Ну, дух безумный мой,
Что нового в лесу у нас случилось?

П э к

В чудовище Титания влюбилась.
Пока в священном уголке своем
Покоилась царица крепким сном,
Поблизости толпа афинской черни—
Мастеровых, свободных в час вечерний,—
На репетицию явилась в лес,
Чтоб разучить глупейшую из пьес.
Сыграть ее взбрела им в ум затея
В день свадьбы благородного Тезея.
Нелепей всех в той кучке был Пирам.
Лишь он в кусты, я вмиг за ним и там
Дурацкую башку сменил ослиной.
Как только вышел с этой образиной
Он к Фисбе, тут все сразу—наутек.
Как гуси дикие, едва стрелок
Покажется, как пестрых галок стая
От выстрелов, крикливо улетаю,
В безумии взмывает к небесам,—
Все кинулись. В лесу и шум и гам:
Зовут на помощь; всё в них ослабело.
Немые вещи тут взялись за дело:
Терновники протягивают лапки,
Хватают за руки, сбивают шапки,
Бежать мешают им кусты и пни...
Я их завел: пусть кружатся они!
Не выбраться оторопелой шайке.
Герой Пирам остался на лужайке,
Титания разбужена была;
Она влюбилась в тот же миг в осла.

О б е р о н

Удачней вышло всё на этот раз,
Чем мог я ждать. А мой другой приказ?
Ты юноше глаза обрызгал соком?

П э к

Обрызгал. Он лежал во сне глубоком,
С ним рядом я афинянку застиг:
Открыв глаза, ее увидит вмиг!

Входят Деметрий и Гермия.

О б е р о н

Стой! Вот и он!

П э к

Кто? Я не разумею:
Вот девушка, но ведь другой был с нею!

Д е м е т р и й

Не мучь того, кому ты дорога!
Оставь свой гнев для злейшего врага.

Г е р м и я

Боюсь, ты стал врагом мне настоящим;
Что, если ты убил Лизандра спящим?
По горло ты в крови; тебя кляню
Недаром я... Ныряй же в глубину
И с ним меня убей!
Как солнце—дню, был милый верен мне.
Чтоб бросил он меня, одну, во сне?
Скорей могла бы я себе представить,
Что шар земной возможно пробуравить.
И, проскочив через него, луна
Смутит сиянье дня у антиподов.
Да, ты его убил! Не надо слов:
Глядишь убийцей, мрачен и суров.

Д е м е т р и й

Гляжу убитым я: убит тобою.
Да, ты пронзила сердце мне враждою.
Убийца же прекрасна и горда,
Как в небесах Венерина звезда.

Г е р м и я

Ах, что мне в том? О мой Лизандр, где ты?—
Отдай его, во имя доброты.

Д е м е т р и й

Отдать бы труп его собачьей своре!

Г е р м и я

О, сам ты пес! Собака! Горе! Горе!
Нет сил стерпеть. Так ты убил, злодей?
Отныне будь ты проклят средь людей!
Раз в жизни правду мне скажи! Ответь:
В глаза ему боялся ты смотреть?
Его убил ты спящим? Так постыдно
Мог поступить лишь гад, змея, ехидна.

Но что я? Нет, твой яд еще сильнее:
Так не ужалить ни одной из змей.

Д е м е т р и й

Ты сердишься... Но гнев твой беспричинен,
И я в крови Лизандра неповинен.
Да вряд ли что и приключилось с ним.

Г е р м и я

Скажи скорей: он жив и невредим?

Д е м е т р и й

А что за это будет мне наградой?

Г е р м и я

Что? Право на меня не кинуть взгляда.
О, ненавистен мне один твой вид:
Прочь от тебя, жив он или убит!

Убегает.

Д е м е т р и й

Она сейчас раздражена смертельно.
Останусь здесь: бежать за ней бесцельно.
Скорбь—тяжелей, когда не отдает
Своих долгов ей бедный Сон-банкрот.
Попробую заснуть хоть ненадолго:
Быть может, он вернет частицу долга.

Ложится и засыпает.

О б е р о н

Что сделал ты? Кого в беду вовлек?
Ты не тому впустил волшебный сок
И верность чьей-нибудь любви сердечной
Нарушил ты небрежностью беспечной.

П э к

Что делать? Уж таков судьбы закон:
На верную—фальшивых клятв миллион.

О б е р о н

Ступай, несись, как вихрь, лети быстрее!
Елену из Афин найди скорее.
Она бледна: болезнь ее—любовь.
Ей вздохи грусти отравляют кровь.

Сюда ее заманишь, в глубь лесную,
Пока его во сне я зачарую.

П э к

Я в путь готов! Смотри, как полетел!
Помчусь быстрее всех татарских стрел³⁵.

Исчезает.

О б е р о н

Ты, цветок пурпурный мой,
Ранен Эроса стрелой,
Сок в глаза ему пролей:
Пусть, проснувшись рядом с ней,
Он найдет ее прекрасной.
Как Венеру в тверди ясной,
Пробудясь, моли ее
Сердце вылечить твое.

Появляется П э к.

П э к

Мой великий властелин,
Вот Елена из Афин.
Юноша пленен Еленой,
Полюбуйся этой сценой:
Молит он любви с тоской.
Как безумен род людской!

О б е р о н

Стань подальше. Что-то будет?
Шум Деметрия разбудит.

П э к

Два—в погоне за одной:
Это случай пресмешной.
Чем нелепей приключенье,
Тем мне больше развлеченья.

Входят Л и з а н д р и Е л е н а.

Л и з а н д р

В чем видишь ты насмешку? Я не знаю.
Где видела в слезах насмешку ты?
Но плачу я, смотри; я заклинаю.
Рожденные в слезах слова чисты.
Возможно ль счесть насмешкой пустою
То, что сияет правды чистотою?

Е л е н а

О, как хитро вы боретесь со мной!
Убьет ли правда правдой? Клятвы ваши
Принадлежат лишь Гермии одной.
Кладите ж клятвы ей и мне на чаши,
И равный вес получите на двух:
И тут и там—неуловимый пух.

Л и з а н д р

Утратил разум я, когда ей клялся.

Е л е н а

С изменою он к вам не возвращался.

Л и з а н д р

Ее Деметрий любит, не тебя.

Д е м е т р и й

(просыпаясь)

Елена! О богиня, свет, блаженство!
С чем глаз твоих сравню я совершенство?
Кристалл—тусклый! Уста твои цветут,
Они как вишни, что лобзанья ждут.
А белизна вершины Тавра снежной
Черна в сравненье с этой ручкой нежной.
О, дай же мне, о, дай поцеловать
Верх белизны и счастья печать!

Е л е н а

О стыд! О ад! Откуда эта злоба?
Терзать меня вы сговорились оба.
Будь вам учтивость не совсем чужда,
Вы б так не поступили никогда.
Мужчинами не будь вы только с виду,
Вы б женщине не нанесли обиду.
Довольно, что не терпите меня;
Но, издевательства соединя,
Хвалить меня и клясться так бесчестно,
Когда мне ваша ненависть известна!
Соперники вы были в страсти к ней,—
Соперники теперь—в беде моей.
О рыцарство, о подвиг благородный!
Чтоб вызвать слезы скорби безысходной
У бедной девы шуткою холодной,

Насмешкою! О, как вы недобры!
Шутить над беззащитной—для игры!

Л и з а н д р

Нехорошо, Деметрий, неуместно!
Что Гермия ты любишь, всем известно.
Ее любовь тебе я уступлю
От всей души: другую я люблю.
Мне уступи любовь Елены милой:
Ее любить клянусь я до могилы.

Е л е н а

Пустых насмешек слушать нету силы!

Д е м е т р и й

Лизандр! Знай, Гермия мне не нужна.
Была любовь, теперь прошла она.
Ведь сердце только у нее гостило:
Теперь домой к Елене поспешило,
Чтоб с нею быть.

Л и з а н д р

Не верь его словам!

Д е м е т р и й

Смотри—любви, какой не знаешь сам,
Ты не порочь, иль будешь ты наказан!
Вот—та, кого ты любишь, с кем ты связан.

Входит Г е р м и я.

Г е р м и я

Ночная тьма глаза лишает зренья,
Но обостряет слух наш, без сомненья,
И если нам мешает видеть ночь,
С двойною силой может слух помочь.
Тебя, Лизандр, хоть взор мой не нашел,
Но, к счастью, слух меня к тебе привел.
Как мог меня покинуть ты?

Л и з а н д р

Где ж тот,
Кто станет медлить, если страсть зовет?

Г е р м и я

Какая страсть могла тебя заставить
Прочь от меня бежать, меня оставить?

Л и з а н д р

Любовь к Елене, блещущей средь ночи
Прекрасней, чем созвездий ярких очи.
Что хочешь ты? Ужель тебе вполне
Не ясно, как ты ненавистна мне?

Г е р м и я

Не думаешь того, что говоришь ты.
Не может быть!

Е л е н а

Как! С ними заодно?

Так вы все трое сговорились вместе,
Чтоб злую шутку надо мной сыграть?
О Гермия, коварная подруга!
И ты могла в их заговор вступить,
Чтоб сделать из меня себе потеху?
Так все, что прежде мы с тобой делили,
Как сестры, клятвы и часы досуга,
Когда мы время горько упрекали,
Что разлучает нас,—ах, все забыто?
Забыта дружба школьных дней невинных,
Когда, как два искусных божества,
Мы, сидя рядом, вместе вышивали
Один цветок по одному узору,
Одну и ту же песню пели в лад,
И наши души, голоса и руки—
Все было неразлучно. Мы росли
Двояшкой-вишнею, хотя по виду
Разделены, но в сущности одно:
Две ягоды на стебельке одном,
Два тела, но одна душа в обеих,
Как бы два поля, что в одном гербе
Увенчаны нашлемником единым³⁶.
И хочешь ты порвать любовь былую,
С мужчинами глумиться над подругой?
Не дружеский, не девичий поступок!
Тебя за это весь наш пол осудит,
Хоть и одна обиду я терплю.

Г е р м и я

Не понимаю страстных слов твоих.
Я не глумлюсь, скорее ты глумишься.

Е л е н а

Кто ж, как не ты, Лизандру приказал
Преследовать меня и восхвалять?
А твоему поклоннику другому,
Что чуть меня ногою не толкал,—
Вдруг величать меня богиней, нимфой,
Божественной, и дивной, и небесной?
К чему так говорит он с ненавистной?
Зачем Лизандр отрекся от тебя
И мне клянется пламенно в любви?
Конечно, только с твоего согласия.
Увы, не так я счастлива, как ты,
Не так окружена любовью общей;
Несчастлива я: люблю—и не любима.
Тебе б жалеть, не презирать меня!

Г е р м и я

Не понимаю, что все это значит?

Е л е н а

Так, так. Глядя печально, притворяйся
И строй гримасы за моей спиной.
Перемигнувшись, продолжайте шутку,
Она, пожалуй, может вас прославить.
Когда б была в вас жалость или честь,
Вы б надо мною так не издевались.
Прощайте же! Тут и моя вина.
Но все исправит смерть или разлука.

Л и з а н д р

Стой, милая! Дай оправдаться мне,
Душа моя, любовь и жизнь, Елена!

Е л е н а

Чудесно!

Г е р м и я

Милый, не шути над ней!

Д е м е т р и й

Ты не упросишь,—я его заставлю.

Л и з а н д р

Ты не заставишь, ей—не упросить.
Здесь и угрозы и мольбы бессильны.

Клянусь я жизнью, что люблю Елену,
И жизнь отдам, чтоб доказать, что лжет,
Кто скажет, что Елену не люблю я!

Д е м е т р и й

А я клянусь, что я люблю сильнее.

Л и з а н д р

Так докажи своим мечом мне это.

Д е м е т р и й

Идем—сейчас!

Г е р м и я

Лизандр, да что же это?

Л и з а н д р

Прочь, эфиопка!³⁷

Д е м е т р и й

Славно, сударь, славно!

Ха-ха! Он притворился, что взбешен,

А сам ни с места—смирный малый, право!

Л и з а н д р

Прочь, кошка! Отцепись, отстань, репейник,
Не то тебя стряхну я, как змею!

Г е р м и я

Как груб со мной ты! Что за перемена?

Мой друг...

Л и з а н д р

Твой друг? Прочь, смуглая татарка!
Прочь, гадкое лекарство, прочь, микстура!

Г е р м и я

Ты шутишь?

Е л е н а

Да, он шутит, как и ты.

Л и з а н д р

Деметрий, слово я свое сдержу.

Д е м е т р и й

Не худо б нам условие подписать:
Тебя легко удерживает слабость.

Л и з а н д р

Что ж, мне ее побить, убить? Ей боли
Не причиню я, как ни ненавижу.

Г е р м и я

Какая боль мне может быть ужасней,
Чем ненависть твоя? Ко мне? За что?
Иль я не Гермия? Ты не Лизандр?
Я так же хороша, как и была,
Ты в эту ночь еще меня любил.
Но в эту ночь меня ты и покинул.
Так ты меня покинул не шутя?

Л и з а н д р

Какие шутки? Я ушел навек.
Оставь сомненья, просьбы и надежды
И знай вернее верного: тебя
Я ненавижу, а люблю Елену.

Г е р м и я

Так вот что! Ты—обманщица, ты—язва,
Воровка! Значит, ночью ты прокралась
И сердце у него украла?

Е л е н а

Славно!

Нет у тебя ни робости, ни капли
Девичьего стыда; ты хочешь вызвать
Мой кроткий дух на резкие слова.
Стыдись, стыдись, ты, лицемерка, кукла!

Г е р м и я

Что? Кукла я? Ах, вот твоя игра!
Так ты наш рост сравнила перед ним
И похвалялась вышиной своей,
Своей фигурой, длинною фигурой...
Высоким ростом ты его пленила
И выросла во мнении его
Лишь потому, что ростом я мала?
Как, я мала, раскрашенная жердь?³⁸

Как, я мала? Не так уж я мала,
Чтоб не достать до глаз твоих ногтями!

Е л е н а

(Деметрию и Лизандру)

Хоть вы смеетесь надо мной, у вас же
Прошу защиты: так меня никто
Не проклинал! На брань не мастерица,
Я робости девической полна.
Она меня побьет! Хотя она
И ниже ростом, я не справлюсь с нею.

Г е р м и я

Пониже ростом! Слышите, опять!

Е л е н а

Но, Гермия, не надо так сердиться.
Тебя всегда я, милая, любила,
Я слушалась тебя, не обижала.
Одно лишь—что, Деметрия любя,
Ваш план ему открыла. Он за вами
Отправился; я из любви—за ним.
Но он меня прогнал и угрожал
Меня ударить, да: прибить, убить.
Пустите же меня: вернусь в Афины
С своим безумьем и за вами больше
Я следовать не буду. Отпустите!
Ты видишь, как проста я и кротка.

Г е р м и я

Ступай же прочь! Да кто тебя здесь держит?

Е л е н а

То сердце глупое, что здесь оставлю.

Г е р м и я

С Лизандром?

Е л е н а

Нет, с Деметрием.

Л и з а н д р

(Елене)

Не бойся,
Она тебя и тронуть не посмеет.

Д е м е т р и й

О да, хотя б и ты ей помогал.

Е л е н а

Но Гермия страшна бывает в гневе;
Она была уже и в школе злючкой,
Хоть и мала, неистова и зла.

Г е р м и я

Опять «мала»! И всё о малом росте!
Зачем вы ей даете издеваться?
Пустите к ней!

Л и з а н д р

Прочь, карлица, пигмейка,
Зачатая на спорынье!³⁹ Прочь, желудь!
Прочь, бусинка!

Д е м е т р и й

Ты чересчур услужлив
Для тех, кто у тебя услуг не просит.
Оставь! Не смей Елену защищать
И о любви к ней говорить не смей,
Не то расквасишься!

Л и з а н д р

А я свободен!
Иди ж за мной, коль смеешь, чтоб решить,
Кто больше прав имеет на Елену.

Д е м е т р и й

Я—за тобой? Ну нет, пойдем мы вместе.

Лизандр и Деметрий уходят.

Г е р м и я

Ну, милая, из-за тебя все это!..
Куда ты? Стой!

Е л е н а

Тебе не верю я.
И ненавистна близость мне твоя.
Хоть в драке руки у тебя сильнее,—
Чтоб бегать, ноги у меня длинней.

Убегает.

Гермия

Как странно все! Не знаю, что подумать.

Уходит.

Оберон

Твоя оплошность! Вечные ошибки!
Но ты нарочно сплутовал, злодей!

Пэк

Нет, верь мне: я ошибся, царь теней.
Подумай: мне велел искать героя
Ты по плащу афинского покроя.
Кого нашел я—тоже из Афин;
Так, значит, я был прав, мой властелин.
Но я-то рад, что вышло так забавно;
Над распрей их мы посмеемся славно.

Оберон

Для поединка в глушь пошли они.
Скорее, Робин, ночь им затемни
И затяни все звезды небосклона
Туманной мглой чернее Ахерона.
Соперников упрямых сбей с пути,
Чтоб им никак друг друга не найти.
То, голосу Лизандра подражая,
Дразни Деметрия не умолкая;
То за Деметрия—его брани,
Пока из сил не выбьются они.
Подобный смерти, встанет над врагами
Сон-нетопырь с свинцовыми ногами;
Тогда Лизандру веки смажь травой,
Чей сок своею силою благой
Рассеять может пагубный обман;
В глазах его прояснится туман.
Проснувшимся былые заблужденья
Покажутся игрою сновиденья.
Вернутся вновь они к местам родным;
Союз их будет вечно нерушим.
Пока займешься этим, поспешу
К царице я; отдать мне упрошу
Ребенка. Чары я сниму—очнется
Титания, и всюду мир вернется.

П э к

Не торопись: наш срок ведь всё короче.
Быстрей летят драконы черной ночи⁴⁰,
Взошла звезда Авроры⁴¹ в небесах;
Ее завидев, духи впопыхах
Спешат домой⁴² скорее на кладбище,
А грешники, чье вечное жилище—
Дорог распутье иль речное дно,
Вернулись в мрачный свой приют давно;
Чтоб ясный день не видел их стыда,
Они сдружились с ночью навсегда.

О б е р о н

Но духи мы совсем другого рода.
Играть с зарею мне дана свобода.
В лесу мне, как охотнику, дан срок,
Пока огнем не заблестит восток
И в золотом лучей блестящих струны
Не превратят зеленых волн Нептуна.
Однако всё ж лети, спеши: пора!
Свои дела мы кончим до утра.

Уходит.

П э к

Их поведу я там и сям.
Меня боятся здесь и там,
По городам и по полям.
Веди их, дух, то здесь, то там!
Один пришел.

Входит Л и з а н д р.

Л и з а н д р

Где ж ты, гордец Дементрий? Отвечай!

П э к

Здесь! Меч готов! А ты где, негодяй?

Л и з а н д р

Иду к тебе.

П э к

Скорее! Тут ровней:
Иди за мной.

Л и з а н д р уходит на голос Пэка.

Д е м е т р и й

(входя)

Откликнись же, злодей!

Лизандр, эй, жалкий трус, да где же ты?
Куда со страха спрятался в кусты?

П э к

Сам трус! Ты что же, хвалишься кустам,
Звездам кричишь, что рвешься в бой, а сам
Скрываешься? Мальчишка! Проучу
Тебя я розгой: нечего мечу
С тобою делать.

Д е м е т р и й

А, ты здесь? Постой!

П э к

Не место драться здесь: иди за мной!

Уходят.

Л и з а н д р

(входя)

Он прочь бежит, меня же вызывает.
Приблизусь я—он снова убегает.
Куда проворнее меня, злодей!
Как я ни мчался, он бежал скорей.
Я наконец упал во тьме ужасной.
Прилягу здесь...

(Ложится.)

Приди, о день прекрасный!

Блеснуть лишь стоит первому лучу—
Найду врага и мстью отплачу.

Входят П э к и Д е м е т р и й.

П э к

Го-го! Чего ж ты прячешься трусливо?..

Д е м е т р и й

Так подожди! Скрываешься ты живо;
Чуть догоню, ты прячешься, как тать:
Не смеешь посмотреть, не смеешь встать.
Да где же ты?

П э к

Я здесь. Иди-ка ближе!

Д е м е т р и й

Смеешься надо мной? Ну, погоди же!
Дай встретиться с тобой при свете дня.
Ступай! Усталость вынудит меня
Холодную постель собой измерить.
Жди утром гостя—можешь мне поверить.

Ложится и засыпает.

Входит Е л е н а.

Е л е н а

О долгая, мучительная ночь!
Умерь часы, пошли хоть луч с востока,
Чтоб я могла уйти в Афины прочь
От тех, чья ненависть ко мне жестока.
Сон, взор тоски смыкающий порой,
Ты от себя самой меня укрой.

Ложится и засыпает.

П э к

Спите, спите сладким сном.
Я тайком своим цветком
Исцелю тебя, влюбленный.

(Выжимает сок на глаза Лизандра.)

Пробудись, в нее взглядишь,
Прежним счастьем упоенный.
Пусть пословица на вас
Оправдается сейчас:
Всяк сверчок знай свой шесток,
Всякий будь с своею милой,
Всяк ездок—с своей кобылой,
А конец—всему венец.

Исчезает.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Там же.

Лизандр, Гермия, Деметрий, Елена спят. Входят Титания с Основой, за ними эльфы. В глубине Оберон, невидимый для них.

Т и т а н и я

Любовь моя, здесь на цветы присядь!
Я голову поглажу дорогую.
Дай розами тебя мне увенчать.
Дай уши я большие расцелую.

О с н о в а

Где Душистый Горошек?

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к

Я здесь.

О с н о в а

Почешите-ка мне голову, Душистый Горошек.—А где Паутинка?

П а у т и н к а

Здесь!

О с н о в а

Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите-ка оружие в руки и убейте вон того красноногого шмеля, что сидит на репейнике, и, милейшая моя, принесите мне его медовый мешочек. Да смотрите, милейшая госпожа Паутинка, чтобы мешочек не лопнул: мне будет очень прискорбно, если вы обольетесь медом, синьора.—А где господин Горчичное Зернышко?

Горчиное Зерно

Я здесь!

О с н о в а

Пожалуйте-ка сюда вашу лапку, господин Горчиное Зернышко. Да бросьте всякие церемонии, прошу вас, любезный мой господин Горчиное Зернышко.

Горчиное Зерно

Что вам угодно приказать?

О с н о в а

Ничего особенного, почтеннейший, только помогите кавалеру Душистому Горошку чесать меня. Надо бы мне к цирюльнику, любезнейший: мне сдается, что у меня лицо слишком уж заросло волосами. А я такой нежный осел: чуть меня волосок где-нибудь пощекочет — я должен скрестись.

Т и т а н и я

Не хочешь ли ты музыки послушать,
Любовь моя?

О с н о в а

О, что до музыки—у меня отличное ухо. Ну что ж, пожалуй, сыграй мне что-нибудь на щипцах и на костяшках⁴³.

Грустная музыка.

Т и т а н и я

А может быть, скажи мне, нежный друг,
Желаешь ты чего-нибудь покушать?

О с н о в а

Что ж, я пожалуй, съел бы гарнец-другой корму: пожалуй, пожевал бы хорошего, сухого овсеца. Нет, вот что: самое лучшее—дайте мне охапку сена. С хорошим, сладким сеном ничто не сравнится.

Т и т а н и я

Есть у меня один отважный эльф:
У белочек обыщет склады он
И принесет тебе орешков свежих.

О с н о в а

Я бы предпочел пригоршни две сухого горошка. Впрочем, пожалуйста, пусть ваш народец пока отстанет от меня: я чувствую, что меня одолевает сон.

Т и т а н и я

Спи! Я тебя руками обовью.
Ступайте, эльфы, все рассейтесь прочь.

Э л ь ф ы улетают.

Так жимолость душистая ствол дуба
Любовно обвивает; пальцы вяза
Корявые плющ женственный сжимает.
Как я люблю тебя, как обожаю!

Засыпают.

Входит П э к.

О б е р о н

Ты видишь эту нежную картину?
Становится мне жаль ее безумья.
Недавно я ее за лесом встретил,
Цветы сбиравшей гнусному уроду.
Я стал ее стыдить и упрекать,
Что голову косматую ему
Украсила она венком душистым;
И та роса, что на цветах обычно
Светлей восточных жемчугов сверкает,
Теперь стояла у цветов в глазах,
Как слезы об их собственном позоре.
Когда ж над ней я вдоволь насмеялся,
Она прощенья кротко попросила,
И я тогда потребовал ребенка.
Она сейчас же уступила, эльфов
Послала отнести его ко мне.
Теперь он мой, и я хочу прогнать
Очей ее пустое заблужденье.
Ты тоже это украшенье, Пэк,
Сними с башки афинского бродяги.
Пусть он проснется вместе с остальными,
В Афины вместе с ними возвратится
И приключенья этой ночи вспомнит
Лишь как нелепую проделку сна.
Но раньше я царицу расколдую.

(Дотрагивается до ее глаз волшебным цветком.)

Будь ты прежней с этих пор:
Пусть, как раньше, видит взор.
Прогони, цветок Дианы,
Купидона все обманы!⁴⁴
Титания! Проснись, моя царица!

Т и т а н и я

Мой Оберон! Что может нам присниться!
Мне снилось, что влюбилась я в осла!

Оберон

Вот милый твой.

Титания

Так правда? Я была...

О, на него теперь глядеть мне страшно.

Оберон

Тсс... Тише!—Пэк, личину прочь с него!

Пусть музыки волшебной колдовство

На спящих сон глубокий навевает.

Титания

Эй, музыку, чтоб сон наколдовать!

Тихая музыка.

Пэк

Проснувшись, станешь дураком опять.

Оберон

Летите, звуки! Мы ж с тобой вдвоем

Своею пляской землю всколыхнем.

Отныне мы с тобою в дружбе, фея,

И завтра в полночь во дворце Тезея

Торжественную пляску поведем,

Благословим союз его и дом.

Влюбленных этих тут же, вместе с ним,

Мы в радостный союз соединим.

Пэк

Тише... Слышишь, Оберон,

В небе жаворонка звон?

Оберон

(Титании)

Дай же руку! Улетим

Молча с сумраком ночным

И мгновенно опояшем

Шар земной в полете нашем.

Титания

Да, летим! О мой супруг,

Ты расскажешь, как случилось,

Что заснула я и вдруг

Между смертных очутилась.

Улетают.

Звуки рогов.

Входят Тезей, Ипполита, Эгей и свита.

Т е з е й

Пусть кто-нибудь лесничего найдет.
Закончены все майские обряды,
И так как мы опередили день,
Могу перед возлюбленной похвастать
Я музыкою гончих.—Всех спустите
Со своры в западной долине! Живо!
На горную вершину мы взойдем.
Оттуда мы с моей царицей будем
Внимать слиянью эха с звонким лаем.

И п п о л и т а

В лесах на Крите как-то с Геркулесом
И с Кадмом затравили мы медведя
Спартакскими собаками⁴⁵. Я в жизни
Прекрасней не слыхала ничего:
Все — небо, горы, лес кругом — слилось
В сплошной могучий шум,—я не слыхала
Разлада музыкальной, грома—слаще.

Т е з е й

А псы спартанской ведь породы:
По челюстям, по масти их узнаешь.
С подгрудками они, как у быков,
Небыстрый бег, но голосов подбор—
Что колокольный звон. Стройнее сворам
Не улюлюкали, рога не пели
Ни в Спарте, ни в Фессалии, нигде.
Суди сама! Но что это за нимфы?

Э г е й

Я вижу—дочь, мой государь, спит крепко.
А вот Лизандр. А рядом здесь Деметрий.
А вот Елена, дочь Недара-старца.
Зачем они все вместе здесь сошлись?

Т е з е й

Обряды майские свершали, верно,
И, зная, что мы явимся сюда,
Остались здесь дожидаться торжества.
Но, друг Эгей, скажи мне, не сегодня ль
Свой выбор сделать Гермия должна?

Э г е й

Да, сударь.

Т е з е й

Пускай же их разбудят
Охотники игрою на рогах.

Звуки рогов и крики за сценой.

Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена просыпаются.

Друзья, ведь Валентинов день прошел,
А птички только начали слетаться⁴⁶.

Л и з а н д р

Простите, государь!

Все опускаются на колени.

Т е з е й

Прошу вас, встаньте.

Я знаю, вы соперники в любви:
Что ж это за согласие стало в мире,
Что ненависть спит с ненавистью рядом
И не боится злобы и вражды?

Л и з а н д р

Я, государь, не знаю, что ответить;
Во сне иль на яву я—сам не знаю;
И как сюда попал—не знаю тоже.
Но кажется... сказать бы только правду...
Нет, нет, вот как все это было,—вспомнил:
Мы с Гермией пришли сюда; решили
Мы из Афин бежать туда, где б можно,
Афинского закона не боясь...

Э г е й

Довольно, государь, довольно с вас.
Закон, закон на голову его!
Они бежали!—Да, они хотели,
Деметрий, нас обоих обмануть:
Тебя—лишить жены, меня же—права
Тебе в супруги Гермию отдать.

Д е м е т р и й

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мне их замысел. Вzbешенный,
За ними я погнался в этот лес.
Елена ж из любви пошла за мною.
И тут... я сам не знаю, государь,
Чья власть, но—несомненно, чья-то власть—
Заставила любовь мою растаять.
Она мне кажется пустой игрушкой,
Которую в дни детства я любил.
Страсть, цель и радость глаз моих теперь—
Не Гермия, а милая Елена.
Одна Елена! С ней я был помолвлен,
Когда еще я Гермии не знал.

Но как в болезни ненавидят пищу,
В здоровье ж возвращается к ней вкус,
Теперь ее люблю, хочу, желаю
И ей останусь верен я всю жизнь!

Тезей

Влюбленные, я в добрый час вас встретил;
Об этом мы еще поговорим.
Эгей, тебе придется уступить.
Сегодня ж в храме две четы влюбленных
Соединятся, как и мы, навеки.
Но утро далеко ушло вперед.
А потому отложим мы охоту.
Скорее все в Афины! Нас три пары:
Торжественно три свадьбы справим там.
Пойдем же, Ипполита!

Тезей, Ипполита, Эгей и свята уходят.

Деметрий

Все кажется мне малым и неясным,
Как будто горы в тучи расплылись.

Гермия ,

Я точно вижу разными глазами,
Когда двоится все.

Елена

Я точно так же.

Как будто драгоценность, я нашла
Деметрия; он—мой, и он—не мой.

Деметрий

Мне кажется, мы спим и видим сны.
Был герцог здесь? Велел идти за ним?

Гермия

И мой отец был здесь.

Елена

И Ипполита.

Лизандр

И герцог в храм за ним прийти велел.

Деметрий

Так, значит, мы не спим. Пойдем скорее;
Дорогою расскажем наши сны.

Уходят.

О с н о в а
(просыпаясь)

Когда будет моя реплика, вы меня только кликните—и я тут как тут. Следующая моя реплика: «Прекраснейший Пирам!» Эй, Питер Пигва! Дудка, починщик мехов! Рыло, медник! Заморыш! Господи помилуй! Удрали, оставили меня тут спать одного. Ну и чудной же мне сон приснился! Такой сон мне приснился, что не хватит ума человеческого объяснить его! Ослом будет тот, кто станет рассказывать этот сон. Мне снилось, что я был... сказать невозможно чем! Мне снилось, что я был... что у меня была... Круглым дураком будет тот, кто вздумает сказать, что у меня было. Глаз человеческий не слышал, ухо человеческое не видало, рука человеческая не осилила, сердце бы лопнуло, если бы рассказать, какой мне сон снился. Я заставлю Пигву написать балладу про этот сон; она будет называться: «Сон Основы», потому что в ней нет никакой основы. И я ее спою в конце пьесы перед герцогом. Даже вот что: что-бы вышло полюбезнее, я спою ее во время Фисбиной смерти.

Уходит.

СЦЕНА 2

Афины. Комната в доме Пигвы.

Входят Пигва, Дудка, Рыло и Заморыш.

П и г в а

Ну что, посылали к Основе? Вернулся он домой?

З а м о р ы ш

О нем ничего не слышно: не иначе, как его унесла нечистая сила.

Д у д к а

Если он не вернется, пропала наша пьеса: ничего не выйдет.

П и г в а

Да, без него играть нельзя. Во всех Афинах не найти человека, подходящего для Пирама.

Д у д к а

Не найти! Изо всех афинских ремесленников у Основы самая умная голова.

П и г в а

И к тому же он у нас самый красивый. А уж по голосу так настоящий любовник.

Д у д к а

Какое непристойное слово—«любовник»! Скажи лучше: «любитель».

Входит М и л я г а.

М и л я г а

Друзья, герцог возвратился из храма; там с ним заодно обвенчали двух или трех дам и кавалеров. Ох, кабы наша пьеса пошла, мы бы все людьми стали.

Д у д к а

Ах, милый наш удалец Основа! Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь⁴⁷. Не миновать бы ему шести пенсов в день пожизненно: пусть бы меня повесили, если бы герцог не назначил ему шести пенсов в день. Шесть пенсов — и никаких!

Входит О с н о в а.

О с н о в а

Где они, мои молодчики? Где они, мои сердечные дружки?

П и г в а

Основа! Вот благословенный день, вот счастливый час!

О с н о в а

Ну, куманьки, и есть же у меня что пересказать вам. Чудеса! Но не спрашивайте меня ни о чем. Не будь я честный афинянин, если я не расскажу вам, что со мной было. Я вам все до точности расскажу, как что случилось.

П и г в а

Рассказывай, рассказывай, драгоценный Основа!

О с н о в а

Ни слова обо мне. Все, что я вам пока скажу,—это вот что: герцог уже отобедал. Собирайте ваши пожитки. Привяжите новые шнурки к бородам и новые банты к туфлям. Велено нам всем сойтись у дворца. Каждый просмотри хорошенько свою роль. Короче сказать, наша пьеса выбрана. Во всяком случае, Фисба пусть наденет чистое белье, а Лев чтобы не вздумал обрезать ногти: они должны выглядеть из-под львиной шкуры, как когти. А главное, дорогие мои актеры, не ешьте ни луку, ни чесноку. Мы должны испускать сладостное благоуханье, и я не сомневаюсь, что зрители скажут: вот сладчайшая пьеса. Без всяких рассуждений! Марш вперед без дальних слов!

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Афины. Зал во дворце Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат, вельможи и
свита.

И п п о л и т а

Как странен, мой Тезей, рассказ влюбленных!

Т е з е й

Скорее странен, чем правдив. Не верю
Смешным я басням и волшебным сказкам.
У всех влюбленных, как у сумасшедших,
Кипят мозги: воображение их
Всегда сильнее холодного рассудка.
Безумные, любовники, поэты—
Все из фантазий созданы одних.
Безумец видит больше чертовщины,
Чем есть в аду. Безумец же влюбленный
В цыганке видит красоту Елены.
Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображение формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обиталище и имя.
Да, пылкая фантазия так часто
Играет: ждет ли радости она —

Ей чудится той радости предвестник.
Напротив, иногда со страха ночью
Ей темный куст покажется медведем.

И п п о л и т а

Не говори; в событиях этой ночи
Есть не одна игра воображенья.
Как сразу изменились чувства их!
Мне кажется, что правда в этом есть.
Но все-таки как странно и чудесно!

Т е з е й

Вот и они идут, сияя счастьем.

Входят Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена.

Привет, друзья! Пусть радость и любовь
Живут среди вас.

Л и з а н д р

Пусть вам сторицей радость
Сопутствует на царственном пути.

Т е з е й

Что ж нам придумать? Маскарад иль танцы?
Чем сократить нам вечность трех часов
От ужина до сна? Где наш придворный
Веселья поставщик? Что у него
В запасе есть? Какая-нибудь пьеса,
Чтоб облегчить тоску часов ползучих?
Где Филострат?

Ф и л о с т р а т

Я здесь, великий герцог.

Т е з е й

Скажи, что ты нам нынче приготовил?
Какие маски, танцы? Чем заполнить
Часы пустые, если не весельем?

Ф и л о с т р а т

Вот список всех готовых развлечений.
Пусть ваша светлость выберет любое,
С чего начать.

Подает ему бумагу.

Тезей

(читает)

«Сражение кентавров,—
Афинский евнух пропоет под арфу».
Не стоит: это я читал жене
В честь Геркулеса, предка моего.
«Как пьяные вакханки растерзали
Фракийского певца⁴⁸ в своем безумье».
Старо: уж это мне играли раз,
Когда из Фив с победой я вернулся.
«Плач муз, скорбящих о судьбе Науки⁴⁹,
Скончавшейся в жестокой нищете».
Какая-нибудь острая сатира,
Негодная для свадебных торжеств.
«Любовь прекрасной Фисбы и Пирама,
Короткая и длительная драма,
Веселая трагедия в стихах».
Короткая и длительная пьеса,
Веселая трагедия притом?
Горячий лед! Но как согласовать
Все эти разногласья?

Филострат

Государь,

Вся эта пьеса — в десять слов длиной;
Короче пьесы нет, насколько помню;
Но лишние все эти десять слов —
Вот чем она длинна. Ни слова в ней
Нет путного, ни путного актера.
Трагедия она лишь потому,
Что в ней герой Пирам с собой кончает.
На репетиции до слез дошел я,
Но признаюсь, что никогда еще
Так весело не плакал я от смеха.

Тезей

А кто актеры?

Филострат

Все простые люди,
Ремесленники из Афин. Привыкли
Не головой работать, а руками,
И вдруг свою неразвитую память
Обременили пьесой в вашу честь.

Тезей

И мы ее посмотрим.

Филострат

Нет, мой герцог,
Нет, это не для вас; я слушал пьесу:
В ней ничего нет, ровно ничего!
Но, может быть, вас всё же позабавят
Их тяжкие усилия вас развлечь.

Тезей

Да, эту пьесу будем мы смотреть!
Не может никогда быть слишком плохо,
Что преданность смиренно предлагает,—
Зови их! Дам прошу занять места.

Филострат уходит.

Ипполита

Я не люблю над нищетой смеяться
И видеть, как усердье гибнет даром.

Тезей

Нет, милая, здесь этого не будет.

Ипполита

Сказал он: ничего они не стоят.

Тезей

Тем будем мы добрей, благодаря
Их ни за что. Мы примем добродушно
Ошибки их. Где преданность бессильна,
Она усердьем искупает все.
Меня в моих поездках иногда
Ученые встречать хотели речью,
Заране приготовленной, и вдруг
Теряли нить: бледнели, забывали
Готовые слова и в заключенье,
Не кончив, обрывали речь свою.
И, веришь ли, любимая моя,
В молчанье их я находил привет,
И в скромности смущенного почтенья
Читал я большее, чем в болтовне
Напыщенных и смелых краснобаев.

Мне кажется, что у любви правдивой
Чем меньше слов, тем больше будет чувства.

Входит Ф и л о с т р а т.

Ф и л о с т р а т

Итак, коль вашей светлости угодно,
Пролог готов.

Т е з е й

Пускай войдет сюда!

Звуки труб.

Входит П и г в а, он же Пролог.

П р о л о г

«Не думайте. Коль мы не угодим,
Что может быть⁵⁰. У нас желанья мало
Искусством скромным вас занять своим.
Вот нашего конца сейчас начало.
Мы не жалеем своего труда
Вас оскорбить. Не входит в наши цели
Вас развлекать. Явились мы сюда
Не с тем. Чтоб вы об этом пожалели,
Актеры здесь. Их стоит показать,
Чтоб вы узнали всё, что надо знать».

Т е з е й

Этот молодец не очень-то считается со знаками препинания.

Л и з а н д р

Он пустил свой пролог, как необъезженного жеребца: он не знает, где ему остановиться. Отсюда мораль, государь: недостаточно говорить, надо еще говорить правильно.

И п п о л и т а

Действительно, он сыграл свой пролог, как ребенок играет на флейте: звук есть, но управлять им он не умеет.

Т е з е й

Его речь похожа на спутанную цепь: все звенья целы, но в беспорядке. А теперь что будет?

Входят П и р а м, Ф и с б а, С т е н а, Л у н н ы й С в е т и Л е в,
как в пантомиме.

Пролог

«Почтенные, сей вид не ясен вам?
Дивитесь: скоро все вам станет ясно.
Сей человек, известно будь, Пирам.
Девицу же звать Фисбою прекрасной.
В известке с глиной человек — Стена,
Любовников жестокая преграда:
Сквозь щель ее шептаться (вот она!)
Бедняжечкам — и то уже отрада.
Вот этот малый — Лунный Свет; при нем —
Терновый куст, фонарик и собака,
Чета влюбленных виделась тайком
В лучах луны, сияющей средь мрака.
Зверь, Львом рекомый, что наводит страх,
Завидел Фисбу, что спешила к другу.
Он напугал ее — и вот с испугу
Красавица бежала впопыхах,
Свой плащ при этом уронив, к несчастью.
Лев вмиг его порвал кровавой пастью.
Тут появился, строен и высок,
Пирам. Узрел в крови он плащ девицы
И сразу острый в грудь вонзил клинок.
Тем временем, под сенью шелковицы,
Узрев, что мертвый друг ее лежал,
Вонзила Фисба в грудь свою кинжал.
Подробно вам доскажут остальное
Луна, Стена, Лев и влюбленных двое».

Пролог, Пирам, Фисба, Лев и Лунный Свет уходят.

Тезей

Интересно, заговорит ли и Лев?

Деметрий

В этом ничего не будет удивительного: отчего бы и не поговорить Льву, когда столько ослов разговаривают?

Стена

«В сей интермедье решено так было,
Что Стену я представляю, медник Рыло.
Стена такая я, что есть во мне
Дыра, иль щель, иль трещина в стене.
Влюбленные не раз сквозь эту щелку
Всё про любовь шептались втихомолку.
Известка с глиной, с камешком должна

Вам показать, что я и есть Стена.
А вот и щель — направо и налево:
Шептаться будут здесь Пирам и дева».

Тезей

Можно ли требовать, чтобы известь и глина говорили лучше?

Деметрий

Государь, это положительно самая остроумная стена, какую мне приходилось слышать.

Входит Пирам.

Тезей

Тише! Пирам подходит к стене.

Пирам

«О ночи тьма! Ночь, что как мрак черна!
Ночь, что везде, где дня уж больше нет!
О ночь, о ночь! Увы, увy, увy!
Боюсь, забыла Фисба свой обет!
А ты, Стена, любезная Стена,
Отцов-врагов делящая владенья,—
Пусть станет мне хоть щель в тебе видна
Для моего предмета лицеизренья.

Стена растопыривает пальцы.

Пошли тебе Юпитер благодать!
Но ах, увy!—что вижу я сквозь Стену?
Стена-злодейка, девы не видать!
Будь проклята, Стена, ты за измену!»

Тезей

По-моему, Стена тоже должна напугаться, раз она обладает всеми чувствами.

Пирам

Никак это невозможно, ваша светлость: «за измену» — это реплика для Фисбы: она теперь должна войти, а мне надо ее заметить сквозь стену. Вы увидите, что все будет точно в точку, как я сказал. А вот и она идет.

Фисба

«Не ты ль, Стена, внимала вопль печали,
Что от меня отторжен мой Пирам?
Вишневые уста мои лобзали
Твою известку с глиной пополам».

П и р а м

«Я вижу голос; дай взгляну я в щелку.
Услышу ль Фисбы я прекрасный лик?
О Фисба!»

Ф и с б а

«Ты ли к щелке там приник?
Я думаю...»

П и р а м

«Что думаешь без толку?
Я, как Лимандр, не ведаю измены».

Ф и с б а

«И я, пока жива, верней Елены»⁵¹.

П и р а м

«Шафал Прокрусу так не обожал».

Ф и с б а

«И я верна не меньше, чем Шафал»⁵².

П и р а м

«Целуй сквозь щель: уста твои так сладки».

Ф и с б а

«Целую не уста — дыру в стене!»

П и р а м

«К гробнице Ниньевой придешь ко мне?»

Ф и с б а

«Хоть умереть, приду, и без оглядки!»

П и р а м и Ф и с б а уходят.

С т е н а

«Тут роль свою закончила Стена,
И может хоть совсем уйти она».

Уходит.

Т е з е й

Вот и нет больше преграды между соседями.

Д е м е т р и й

Это неизбежно, государь, если стены имеют уши и подслушивают без разрешения.

И п п о л и т а

Я никогда ничего глупее на слыхала!

Т е з е й

Лучшие пьесы такого рода — и то только тени; а худшие не будут слишком плохи, если воображение поможет им.

И п п о л и т а

Но это должно сделать наше воображение, а не их.

Т е з е й

Если мы будем воображать о них не меньше того, что они сами о себе воображают, они могут представиться отличными людьми. А вот идут два благородных зверя: Луна и Лев.

Входят Л е в и Л у н н ы й С в е т.

Л е в

«Сударыни, в ком нежных чувств излишек
Пугается при виде малых мышек,
Боюсь, чтоб вы не начали кричать,
Коль будет грозный лев при вас рычать.
Но я не лев и не его подруга;
Я лишь столяр; не надобно испуга.
Когда б, как лев, забрался я сюда,
Ведь мне была бы самому беда».

Т е з е й

Какое кроткое животное и какое рассудительное!

Д е м е т р и й

Самое милое животное, государь, какое я видел.

Л и з а н д р

Этот лев по храбрости — настоящая лисица.

Т е з е й

Верно, а по благоразумию — настоящий гусь.

Д е м е т р и й

Не совсем так, государь, потому что его храбрость не пересиливает его благоразумия, в лисица всегда пересилит гуся.

Т е з е й

Во всяком случае, его благоразумие не пересилит его храбрости, потому что гусь никогда не пересилит лисицы.

Однако предоставим его собственному его благоразумию и послушаем, что скажет Луна.

Л у н н ы й С в е т

«Двурогую луну фонарь являет сей,
А я — тот человек, что обитает в ней»³³.

Т е з е й

Вот тут самая большая ошибка: человека надо было поместить в фонаре; какой же он иначе человек на луне?

Д е м е т р и й

Он не решился туда влезть из-за свечки: смотрите, как она нагорела.

И п п о л и т а

Мне надоела эта луна; пора бы ей перемениться!

Т е з е й

Судя по слабому пламени ее разума, она уже на ущербе; но из любезности нам надо дождаться.

Л и з а н д р

Продолжай, Луна.

Л у н н ы й С в е т

Всё, что я должен сказать,—это вот что: только объяснить вам, что фонарь — это луна, а я — человек в луне; этот терновый куст — мой терновый куст, а эта собака — моя собака.

Д е м е т р и й

Собственно, все это должно бы было находиться в фонаре: ведь это всё на луне. Но тише: вот идет Фисба.

Входит Ф и с б а.

Ф и с б а

«Вот Нина старого гробница. Где ж мой милый?..»

Л е в

(рычит)

«У-у-у!...»

Ф и с б а убегает.

Т е з е й

Отлично рычишь, Лев!

И п п о л и т а

Отлично светишь, Луна! Право, Луна светит очень мило.

Л е в разрывает плащ Фисбы и убегает.

Т е з е й

Отлично разодрал, Лев!

Д е м е т р и й

Тут является Пирам...

Л и з а н д р

И Лев исчезает.

Входит П и р а м.

П и р а м

«Благодарю, луна, за солнечны лучи,
За то, что ярко так сияешь ты в ночи.
Твой свет мерцающий, златой, лазурно-ясный
Поможет Фисбы мне увидеть лик прекрасный.

Но страх какой!
О рыцарь, стой!
Разит судьбина злая.
Темно в очах...
Возможно ль! Ах!
Друг, дева дорогая!
Твой плащ в крови! Беда!
О фурии, сюда!
Вы парки, приходите
Разрезать жизни нити,
Ты, злобный рок, спеши:
Рази, грози, убей, добей,
Кончай и сокруши!»

Т е з е й

Такое отчаяние и смерть милого друга, право, могут опечалить.

И п п о л и т а

Клянусь душой, мне жаль этого человека.

П и р а м

«Зачем, Природа, жизнь даруешь львам,
Чтоб красоту твою они губили?
Увы, она была милей всех дам,
Что на земле росли, цвели, любили.

О, лейтесь, токи слезны!
Сюда, мой меч любезный!
Рази меня, клинок,
В тот самый левый бок,
Где слышен сердца стук.
Избавь меня от мук!

(Закалывается.)

И вот я мертв, ах, ах!
Мой дух уж в небесах!
На небо улетаю.
Лишь кости здесь слагаю.
Язык, свой свет сокрой!..
Луна, лети долой!

Л у н н ы й С в е т уходит.

Несчастный, умирай!
Ай-ай-ай-ай-ай-ай!»

(Умирает.)

Д е м е т р и й

Какие же он кости слагает?⁵⁴ Всего одно очко: ведь он один.

Л и з а н д р

Меньше, чем одно очко, приятель: он умер — значит он пустышка.

Т е з е й

С помощью хорошего хирурга он мог бы исцелиться и оказаться ослом.

И п п о л и т а

Как же это Лунный Свет ушел раньше, чем Фисба вернулась? Ведь ей надо отыскать своего любовника.

Т е з е й

Она его отыщет при свете звезд. Вот и она: ее отчаянием заканчивается пьеса.

Входит Ф и с б а.

И п п о л и т а

По-моему, из-за такого Пирама отчаяние не может быть слишком продолжительным: надеюсь, она будет краткой.

Д е м е т р и й

Пылинка перетянет чашку весов, если начать взвешивать, кто из них лучше, Пирам или Фисба: он как мужчина (боже нас упаси!) или она как женщина (сохрани нас боже!).

Л и з а н д р

Вот она уже высмотрела его своими прелестными глазками.

Д е м е т р и й

И начинает его оплакивать.

Ф и с б а

«Ты спишь ли, голубок?
Как! Умер мой дружок!
Проснись! Ты нем иль мертв совсем,
И очи тьмой покрыты?
Твоя исчезла красота —
Вишневый нос алее роз,
Твои лилейные уста
И желтые ланиты...
Любовники, стенайте все:
Вот он лежит во всей красе!
Ах, чудный взор его очей
Был зеленее, чем порей.
Прощай, мой ненаглядный!
Вы три сестры, сюда скорей⁵⁵,
С руками молока белей;
Теперь они у вас в крови:
Вы нить шелковую любви
Порвали беспощадно.
Молчи, язык! К чему тут речь?
Приди сюда, мой верный меч!
Рази скорей — вот грудь моя.

Закалывается.

Прощайте, все друзья:
Кончает Фисба жизнь свою,—
Адью, адью, адью!»

Умирает.

Т е з е й

Лев и Луна остались в живых, чтобы схоронить мертвых.

Д е м е т р и й

Да, и Стена тоже.

О с н о в а

Нет, смею вас уверить, стена, которая разделила их отцов, больше не существует. Угодно вам посмотреть эпилог или прослушать бергамасский танец⁵⁶ в исполнении двух наших актеров?

Т е з е й

Не надо эпилога: ваша пьеса в извинении не нуждается. Какие же извинения? Раз все актеры умерли, бранить некого. Если бы сочинитель этой пьесы сыграл Пирама и удавился подвязкой Фисбы, то это была бы отличная трагедия и прекрасно исполненная; но она и так хороша. Покажите нам ваш бергамасский танец, а эпилог не нужен.

Танец.

Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!
Влюбленные, настал волшебный час.
Боюсь, что утром так же мы проспим,
Как незаметно за ночь засиделись.
Нам пьеса сократила ночи ход.
В постель, друзья,—еще нам две недели
Ночных забав и новых развлечений.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же.

Появляется П э к.

П э к

Вот голодный лев рычит,
И на месяц воет волк.
Утомленный пахарь спит.
Труд окончен, шум замолк.
Гаснут рдяные дрова,
В темноте кричит сова,
И больному крик тот злобный
Предвещает холм надгробный.
Час настал, чтоб на погосте
Разверзалась пасть гробов.
Возле церкви всюду гости—
Бродят тени мертвецов.
Мы ж Гекате вслед летим,
И, как сны во тьме, мы таем;
Но пока везде чудим,
Дом счастливый облетаем.
Не мешай ничто покою,
Даже мышь не смей скрести.

Послан я вперед с метлою
Сор за двери весь смести.

Появляются Титания и Оберон со свитой.

Оберон

Осветите спящий дом
Сонным мертвенным огнем.
Каждый эльф и крошка-фея,
Легче птичек всюду рая,
Вторьте песенке моей
И пляшите веселей!

Титания

Прежде песню разучите,
Нота в ноту щебечите;
Легким роем все потом
Освятим мы с пеньем дом.

Поют и танцуют.

Оберон

До зари по всем углам
Разлетитесь здесь и там.
Я же царственное ложе
Прежде всех благословлю;
Остальных влюбленных тоже
Светлым счастьем наделю.
В дар прекрасным новобрачным
Верность чувств мы принесем.
Пусть счастливым и удачным
Будет их союз во всем.
Я породы благородство
Навсегда их детям дам.
Не коснется их уродство,
Знак, пятно, рубец иль шрам —
Все природы поврежденья,
Что бывают от рожденья;
Вы рососою полевою
Окропите мирный кров:
Будь над царственной четою
Счастье, мир вовек веков!
Отправляйтесь, разлетайтесь,
На заре ко мне являйтесь.

Оберон, Титания и свита уходят.

П э к

Коль я не смог вас позабавить³⁷,
Легко вам будет всё исправить:
Представьте, будто вы заснули
И перед вами сны мелькнули.
И вот, плохому представленью,
Как бы пустому сновиденью,
Вы окажите снисхождение.
Мы будем благодарны ввек.
Притом клянусь, как честный Пэк,
Что если мы вам угодили
И злобных змей не разбудили,
То лучше всё пойдет потом.
Давайте руку мне на том.
Коль мы расстанемся друзьями,
В долгу не буду перед вами.

Исчезает.

Много шума из ничего

Комедия в 5 актах

Перевод
Т. Шепкиной-Куперник

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Педро, принц Арагонский.
Дон Хуан, его побочный брат.
Клавдио, молодой знатный флорентиец.
Бенедикт, молодой знатный падуанец.
Леонато, мессинский губернатор.
Антонио, его брат.
Бальтазар, слуга дона Педро.
Борачио¹ } приближенные дон Хуана.
Конрад }
Отец Франциск, монах.
Кизил, полицейский пристав.
Булава, помощник его.
Протоколист.
Мальчик.
Геро, дочь Леонато.
Беатриче, племянница Леонато.
Маргарита } камеристки Геро.
Урсула }
Гонцы, стража, свита, слуги.
Место действия — Мессина².

А К Т I

СЦЕНА I

Перед домом Леонато.

Входят Леонато, Геро, Беатриче и гонец.

Леонато

Я вижу из этого письма, что герцог Арагонский придет сегодня вечером к нам в Мессину.

Гонец

Сейчас он уже близко: я его оставил мили за три отсюда.

Леонато

Сколько же дворян потеряли вы в этом сражении?

Гонец

Очень немного; а из знатных — никого.

Леонато

Победа—двойная, когда победители возвращаются без потерь. В письме сообщается, что дон Педро весьма отличил молодого флорентийца по имени Клавдио.

Гонец

Он вполне заслужил это, и дон Педро, упомянув о нем, лишь воздал ему должное: синьор Клавдио превзошел все, что можно было ожидать от него в его возрасте: он дрался,

как лев во образе агнца, Словом, он превысил все надежды настолько, что это превышает мое умение рассказывать.

Л е о н а т о

В Мессине у него есть дядя, которого эти вести очень поражают.

Г о н е ц

Я уже вручил ему письма: он очень обрадовался им — до такой степени, что радость из стыдливости прибегла к наружным признакам горести.

Л е о н а т о

Он заплакал?

Г о н е ц

Неудержимо.

Л е о н а т о

Сердечный избыток сердечности! Что может быть правдивее лица, омытого подобными слезами? Насколько лучше плакать от радости, чем радоваться слезам!

Б е а т р и ч е

А скажите, пожалуйста, синьор Фехтовальщик вернулся с войны или нет?

Г о н е ц

Я такого имени не слышал, синьора. В нашем войске такого человека не было.

Л е о н а т о

О ком это ты спрашиваешь, племянница?

Г е р о

Кузина имела в виду синьора Бенедикта из Падуи.

Г о н е ц

А, он вернулся; и такой же весельчак, как всегда.

Б е а т р и ч е

Он по всей Мессине развесил объявления, вызывая Купидона на состязание в стрельбе острыми стрелами; а дядюшкин шут прочел вызов, расписался за Купидона и предло-

жил состязаться тупыми стрелами³. Скажите, пожалуйста, много людей он на этой войне убил и съел? То есть много ли он убил? Потому что съесть всех, кого он убьет, обещала я.

Л е о н а т о

Право, племянница, ты слишком нападаешь на синьора Бенедикта; но я не сомневаюсь, что он поладит с тобой.

Г о н е ц

Он очень отличился на войне, сударыня.

Б е а т р и ч е

Верно, у вас был залежалый провиант, и он помог вам с ним управиться? Он доблестный обжора; желудок у него превосходный.

Г о н е ц

Он превосходный воин, сударыня.

Б е а т р и ч е

Да, когда с дамами; в каков-то он с кавалерами?

Г о н е ц

С кавалерами он — кавалер и с воинами — воин: он полон всяких достоинств.

Б е а т р и ч е

Прямо-таки начинен ими, как пирог: но что до качества начинки... все мы — люди смертные.

Л е о н а т о

Не принимайте, сударь мой, всерьез выходок моей племянницы. Между нею и синьором Бенедиктом идет шуточная война: стоит им только сойтись, как сейчас же начинается перестрелка остротами.

Б е а т р и ч е

Увы, он никогда не остается в выигрыше! В нашей последней стычке четыре из его пяти умственных способностей⁴ получили тяжелое увечье, и теперь им управляет одна-единственная; если у него хоть малая толика ума осталась — так хватит разве на то, чтобы отличить его от его лошади. Это единственное, что дает ему право называться

разумным существом. А кто теперь его приятель? У него ведь каждый месяц новый названный братец.

Г о н е ц

Возможно ли?

Б е а т р и ч е

Очень даже возможно; его верность — все равно что фасон его шляп: меняется с каждой новой болванкой.

Г о н е ц

Я вижу, сударыня, что этот кавалер не записан у вас в книге почета.

Б е а т р и ч е

Нет! Будь это так, я сожгла бы всю мою библиотеку. Но все-таки — кто же его приятель? Неужели нет какого-нибудь молодого шалопаю, который готов с ним вместе отправиться хоть к самому черту?

Г о н е ц

Он чаще всего бывает в обществе благородного Клавдио.

Б е а т р и ч е

О господи! Он пристанет к нему, как болезнь: он прилипчивее чумы, а кто им заразится, тот непременно сойдет с ума. Помоги, создатель, благородному Клавдио! Если он заразился Бенедиктом, лечение обойдется ему в тысячу фунтов.

Г о н е ц

Разрешите мне быть вашим другом, синьора.

Б е а т р и ч е

Сделайте одолжение, милый друг.

Л е о н а т о

Ну, племянница, тебе-то уж не грозит опасность сойти с ума.

Б е а т р и ч е

Разве что в январе жара хватит.

Г о н е ц

Идет дон Педро.

Входят дон Педро, дон Хуан, Клавдио, Бенедикт и
Бальтазар.

Д о н П е д р о

Добрейший синьор Леонато, вы сами причиняете себе беспокойство. Другие стараются избежать лишних расходов, а вы сами напрашиваетесь на них.

Л е о н а т о

Беспокойство никогда не является в мой дом в лице вашего высочества. Ведь когда беспокойство исчезает—остается облегчение, а когда вы от меня уезжаете—остается огорчение, а счастье говорит: «прости».

Д о н П е д р о

Вы слишком охотно берете на себя заботы.—Это, вероятно, ваша дочь?

Л е о н а т о

По крайней мере ее мать мне не раз это говорила.

Б е н е д и к т

А вы разве сомневались в этом, что спрашивали ее?

Л е о н а т о

Нет, синьор Бенедикт, потому что вы тогда были еще ребенком.

Д о н П е д р о

Получайте, Бенедикт! Теперь ясно, чем вы стали, когда сделались, мужчиной.—Но, право, ее лицо ясно говорит, кто ее отец. (*К Геро.*) Будьте счастливы, сударыня: вы походите лицом на достойнейшего человека.

Б е н е д и к т

Хотя синьор Леонато и отец ей, однако я уверен, что она за всю Мессину не согласилась бы иметь его голову на своих плечах,—как ни велико между ними сходство.

Б е а т р и ч е

Удивляюсь, как это вам охота все время болтать, синьор Бенедикт, когда на вас никто не обращает внимания.

Б е н е д и к т

Как, милейшая Шпилька, вы еще живы?

Б е а т р и ч е

Может ли Шпилька умереть, когда у нее есть такой удобный предмет для уколов, как синьор Бенедикт? Сама Любезность должна превратиться в Шпильку в вашем присутствии.

Б е н е д и к т

Тогда Любезность станет оборотнем. Но одно верно: в меня влюблены все дамы, за исключением вас одной. А я, хоть и от всего сердца хотел бы, чтобы мое сердце не было таким жестоким, ни одной из них не люблю.

Б е а т р и ч е

Какое счастье для женщин! Иначе им пришлось бы терпеть убийственного поклонника. Благодарю бога и мою холодную кровь за то, что в этом я похожа на вас: для меня приятнее слушать, как моя собака лает на ворон, чем как мужчина клянется мне в любви.

Б е н е д и к т

Да укрепит небо вашу милость в подобных чувствах! Это избавит немало синьоров от царапин на физиономии.

Б е а т р и ч е

Если физиономия вроде вашей, так от царапин хуже не станет.

Б е н е д и к т

Ну, вам бы только попугаев обучать⁵.

Б е а т р и ч е

Птица моей выучки будет лучше, чем животное, похожее на вас.

Б е н е д и к т

Хотел бы я, чтобы моя лошадь равнялась быстротой и неутомимостью с вашим язычком. Впрочем, продолжайте с богом; я кончил.

Б е а т р и ч е

Вы всегда кончаете лошадиной остротой. Я это давно знаю.

Д о н П е д р о

Отлично, Леонато⁶.—Синьор Клавдио и синьор Бенедикт, мой дорогой друг Леонато приглашает нас всех к

себе. Я ему сказал, что мы пробудем здесь по меньшей мере месяц, но он выражает сердечное желание, чтобы какая-нибудь случайность задержала нас еще дольше. И я готов поклясться, что это не притворство, а чистая правда.

Л е о н а т о

Если вы в этом поклянетесь, ваше высочество, то не рискуете оказаться клятвопреступником. (*Дон Хуану.*) Позвольте мне приветствовать и вас, ваша светлость. Раз вы примирились с вашим братом, я весь к вашим услугам.

Д о н Х у а н

Благодарю. Я не люблю лишних слов, но... Благодарю.

Л е о н а т о

Не угодно ли вашему высочеству пройти вперед?

Д о н П е д р о

Вашу руку, Леонато: войдемте вместе.

Все, кроме Бенедикта и Клавдио, уходят.

К л а в д и о

Бенедикт, заметил ли ты дочь синьора Леонато?

Б е н е д и к т

Заметить не заметил, но видел ее.

К л а в д и о

Какая скромная молодая девушка!

Б е н е д и к т

Как вы спрашиваете меня: как честный человек—только затем, чтобы узнать мое искреннее мнение, или хотите, чтобы я ответил вам, по своему обыкновению, как признанный враг женского пола?

К л а в д и о

Нет. Прошу тебя, отвечай просто и прямо.

Б е н е д и к т

Что ж, по-моему, для большой похвалы она слишком мала; для высокой—слишком низка ростом; для ясной—слишком смугла. Одно могу сказать в ее пользу: будь она иной, она была бы нехороша; а такая, как есть, она мне не нравится.

К л а в д и о

Ты думаешь, что я шучу? Нет, я прошу тебя сказать искренне, как она тебе нравится.

Б е н е д и к т

Да что ты, купить ее, что ли, хочешь, что так о ней спрашиваешь?

К л а в д и о

Разве может кто-нибудь в мире купить такую драгоценность?

Б е н е д и к т

О да, и даже найти футляр, чтобы уложить ее. Но что это ты—серьезно говоришь или так, играешь в остроумие, вроде болтунов, утверждающих, что Купидон—хороший охотник на зайцев, а Вулкан—отличный плотник?⁷ Скажи, в каком ключе надо тебе подпевать, чтобы попасть в тон твоей песне?

К л а в д и о

На мой взгляд, это прелестнейшая девушка, какую я когда-либо видел.

Б е н е д и к т

Я могу еще обходиться без очков, однако ничего такого не вижу. Вот ее сестра—не вселись в нее бес—была бы лучше ее настолько, насколько первые дни мая лучше конца декабря. Но, я надеюсь, тебе не захотелось обратиться в женатого человека? Или захотелось?

К л а в д и о

Я не поверил бы самому себе, если бы поклялся в противном, согласись только Геро стать моей женой.

Б е н е д и к т

Вот до чего дело дошло! Да неужели же во всем мире нет ни одного человека, который бы желал носить на голове шапку, не вызывая подозрений?⁸ Неужели так мне никогда и не видать шестидесятилетнего холостяка? Ну что ж, валяй! Раз ты непременно хочешь носить ярмо, подставляй шею и вздыхай напролет все воскресные дни.—Смотри, дом Педро идет сюда: должно быть, он ищет нас.

Входит д о н П е д р о.

Д о н П е д р о

Какие это секреты задержали вас здесь, помешав последовать за Леонато?

Б е н е д и к т

Я бы хотел, чтобы ваше высочество принудили меня открыть вам все.

Д о н П е д р о

Повелеваю тебе именем твоей присяги на верность.

Б е н е д и к т

Ты слышал, граф Клавдио? Я умею хранить тайны, как немой,—ты в этом не должен сомневаться. Но именем моей присяги на верность—слышишь, присяги на верность!—он влюблен! «В кого?» (Это спрашивает ваше высочество.) Заметьте, до чего быстр его ответ: «В маленькую Геро, дочь Леонато».

К л а в д и о

Если это действительно так, ответ правильный.

Б е н е д и к т

Как в старой сказке, ваше высочество: «Это не так, и не было так, и дай боже, чтобы этого не было».

К л а в д и о

Если страсть моя внезапно не исчезнет, дай боже, чтобы так оно и было.

Д о н П е д р о

Аминь, если вы любите ее; она вполне достойна любви.

К л а в д и о

Вы это говорите, чтобы меня поймать, ваше высочество?

Д о н П е д р о

Клянусь честью, я искренне высказал свои мысли.

К л а в д и о

И я, клянусь истиной, высказал свои.

Б е н е д и к т

А я клянусь и честью, и истиной, что высказал свои.

К л а в д и о

Что я люблю ее—я это чувствую.

Д о н П е д р о

Что она достойна любви—я это знаю.

Б е н е д и к т

А вот я так не чувствую, как ее можно любить, и не знаю, достойна ли она любви. Таково мое мнение, и его из меня огнем не выжечь: готов за него на костре умереть.

Д о н П е д р о

Ты всегда был закоренелым еретиком в отношении прекрасного пола.

К л а в д и о

И он всегда выдерживал эту роль только благодаря силе воли.

Б е н е д и к т

Я очень благодарен женщине—за то, что она меня родила, и за то, что меня выкормила, тоже нижайше благодарю; но чтобы у меня на лбу играла роговая музыка или чтобы привесить мне рожок на невидимый ремешок⁹,—нет, тут уж пусть женщины меня извинят. Я не желаю оскорбить своим недоверием какую-нибудь одну из них и потому не верю ни одной. Окончательный вывод тот, что меня не проведешь, и я до конца жизни останусь холостяком.

Д о н П е д р о

Прежде чем умру, я еще увижу тебя побледневшим от любви.

Б е н е д и к т

От злости, от болезни или от голода, ваше высочество, но уж никак не от любви. Если я начну бледнеть от любви, вместо того чтобы краснеть от вина,—позволю вам выколоть мне глаза пером плохого стихоплета и повесить меня вместо вывески над входом в публичный дом в качестве слепого Купидона.

Д о н П е д р о

Ну, если ты когда-нибудь отречешься от своих слов, ты будешь славной мишенью для насмешек.

Б е н е д и к т

Если отрекусь, повесьте меня, как кошку, в кувшине и стреляйте в меня. И, кто в меня попадет, того можете хлопнуть по плечу и назвать Адамом Беллом¹⁰.

К л а в д и о

Время покажет! Говорят ведь: «И дикий бык свыкается с ярмом!»

Б е н е д и к т

Дикий бык—может быть; но если благоразумный Бенедикт влезет в ярмо—спилите у быка рога и нацепите мне их на голову, потом размалуйте меня и подпишите под портретом огромными буквами,—как пишут: «Здесь сдается в наем хорошая лошадь»,—«Здесь показывают женатого Бенедикта».

К л а в д и о

Если это случится, ты, пожалуй, станешь бодаться.

Д о н П е д р о

Нет. Если только Купидон не растратил в Венеции всех своих стрел¹¹, не миновать тебе этого потрясения.

Б е н е д и к т

Скорее землетрясение случится.

Д о н П е д р о

Время покажет. А пока что, любезнейший синьор Бенедикт, отправляйтесь к Леонато, передайте ему мой привет и скажите, что я не премину прийти к нему на ужин. Он затеял большие приготовления...

Б е н е д и к т

Вот такое поручение особенно охотно исполню. «А за сим вручаю вас...»

К л а в д и о

«...милости божией. Писано в моем доме, если бы он был у меня...»

Д о н П е д р о

«...июля шестого дня. Ваш любящий друг Бенедикт»¹².

Б е н е д и к т

Нечего смеяться, нечего смеяться. Красноречие ваше заштопано лохмотьями, да и те плохо держатся на нем. Вы бы посовестились пускать в ход старые остроты. На этом я вас оставляю.

Уходит.

К л а в д и о

Я вас прошу помочь мне, государь.

Д о н П е д р о

Моя любовь помочь тебе готова.
Но как? Скажи—и выучит она
Урок труднейший, чтоб тебе помочь.

К л а в д и о

Есть сын у Леонато, государь?

Д о н П е д р о

Наследница и дочь одна лишь—Геро.
Ее ты любишь?

К л а в д и о

О мой государь,
Когда мы шли в поход, что ныне кончен,
Я любовался ею как солдат,
Которому суровый долг мешает
Дать нежной склонности расцвести в любовь.
Но я вернулся—бранные заботы
Меня покинули; на место их
Стеклись толпою сладкие желанья
И шепчут мне: прекрасна Геро,
Что до войны была уж мне мила.

Д о н П е д р о

Теперь всех слушателей как влюбленный
Потоком слов ты станешь донимать!
Ты любишь Геро—ну так и люби.
С ее отцом и с ней поговорю я:
Она твоею будет. Не затем ли
Ты стал плести искусный свой рассказ?

К л а в д и о

Как нежно вы врачуете любовь,
По бледности поняв ее страданья!

Чтоб вы ее внезапной не сочли,
Хотел помочь я делу длинной речью.

Д о н П е д р о

Зачем же шире речки строить мост?
Подарок лучший—то, в чем есть потребность.
Смотри, как это просто: ты влюблен,
А я тебе лекарство предоставлю.
Сегодня ночью будет маскарад.
Я за тебя могу сойти под маской.
Скажу прекрасной Геро, что я Клавдио,
От сердца к сердцу все открою ей,
И слух ее я силой в плен возьму
И пылким приступом влюбленной речи.
Затем с ее отцом я потолкую.
И в заключение—она твоя.
Давай скорее примемся за дело.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Леонато.

Входят с разных сторон Леонато и Антонио.

Л е о н а т о

Ну что, братец? Где же мой племянник, где твой сын?
Позаботился он о музыке?

А н т о н и о

Хлопочет изо всех сил. Но послушай-ка, братец: я сейчас
расскажу тебе такие новости, что тебе и во сне не снились.

Л е о н а т о

А хорошие это новости?

А н т о н и о

Смотря по тому, как развернутся события; но на первый
взгляд неплохие, я бы сказал даже—очень хорошие.
Принц и граф Клавдио прогуливались в густой аллее у меня
в саду, и один из моих слуг подслушал их разговор. Принц
признавался Клавдио, что он влюблен в мою племянницу,

твою дочь, и намерен открыться ей нынче вечером, во время танцев; и если получит ее согласие, то времени терять не станет, а сейчас же переговорит с тобой.

Л е о н а т о

А у него есть царь в голове? У того, кто это тебе говорил?

А н т о н и о

Это малый смысленый; я пошлю за ним—расспроси его сам.

Л е о н а т о

Нет-нет. Будем считать это сном, пока все не сбудется в действительности. Но дочь мою надо предупредить—на случай, если это окажется правдой. Ступай, расскажи ей это.

Входят слуги.

Вы, голубчики, знаете, что вам надо делать. (*К Антонио.*) Эй, дружок, сделай милость, пойдем со мной. Придется тебе проявить свою сноровку. Уж постарайся, голубчик, помоги мне в хлопотах.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же.

Входят дон Хуан и Конрад.

К о н р а д

Что это значит, ваша светлость? Почему вы так безмерно печальны?

Д о н Х у а н

Причина этому превышает всякой меры: оттого и у моей печали нет границ.

К о н р а д

Вам бы следовало послушаться доводов рассудка.

Д о н Х у а н

Ну, а если я их слушаюсь, какую пользу мне это принесет?

К о н р а д

Если это и не доставит вам быстрое облегчение, то по крайней мере поможет терпеливо переносить неприятности.

Д о н Х у а н

Странно! Ты сам говоришь, что родился под знаком Сатурна¹³, а вместе с тем пытаешься предложить мне нравственные средства против смертельного недуга. Я не умею скрывать свои чувства: когда у меня есть причина для печали, я должен быть печальным и ни на чьи шутки не улыбаться; когда я голоден, я должен есть и никого не дожидаться; когда меня ко сну клонит, должен спать, не заботясь ни о чьих делах; когда мне весело, смеяться—и никогда не подделываться под чье бы то ни было настроение.

К о н р а д

Да, но вам не следует выказывать свой характер, пока вы не будете вполне самостоятельны. Вы так недавно восставали против вашего брата; сейчас он вернул вам свою милость, но, чтобы вам утвердиться в ней, уж вы сами должны позаботиться о хорошей погоде. Сумейте выбрать время для своей жатвы.

Д о н Х у а н

Я бы лучше хотел быть чертополохом у забора, чем розой в саду его милости. По моей натуре, мне приятнее терпеть общее презрение, чем притворством красть чью-то любовь. Хотя и нельзя сказать, что я лстиво добродетелен, никто не станет отрицать, что я откровенный негодяй. Мне доверяют, надев намордник, и дают свободу, опутав ноги. Вот я и решил: не буду петь в клетке! Снимите с меня намордник—я буду кусаться; дайте мне свободу—я буду делать все, что хочу. Пока что дай мне быть самим собой и не старайся изменить меня.

К о н р а д

Неужели вы не можете извлечь какой-нибудь пользы из вашего недовольства?

Д о н Х у а н

Я из него извлекаю всю пользу, какую могу, потому что это все, что у меня есть! Кто это идет?

Входит Б о р а ч и о.

Что нового, Борачио?

Б о р а ч и о

Я только что с великолепного ужина. Леонато по-царски принимает вашего брата. Могу вам сообщить о предстоящей свадьбе.

Д о н Х у а н

Нельзя ли из этого устроить какую-нибудь каверзу? Какой дуралей хочет обручиться с заботами?

Б о р а ч и о

Представьте себе, правая рука вашего брата.

Д о н Х у а н

Кто? Очаровательный Клавдио?

Б о р а ч и о

Он самый.

Д о н Х у а н

Прекраснейший кавалер. Но на ком же? На ком? Кто прельстил его?

Б о р а ч и о

Представьте себе, Геро—дочь и наследница Леонато.

Д о н Х у а н

Быстро же он оперился! Но как ты это узнал?

Б о р а ч и о

Мне приказали покурить в комнатах. И вот, когда я зашел в одну непроветренную комнату, вдруг вижу: идут мне навстречу принц и Клавдио под ручку и о чем-то серьезно разговаривают. Я мигом юркнул за занавеску и оттуда все слышал—как они условились, что принц посватает Геро и, получив ее согласие, вручит ее графу Клавдио.

Д о н Х у а н

Ого! Пойдем-ка туда. Пожалуй, тут есть на чем сорвать мою досаду. Этот юный выскочка—причина моего падения, и, если я хоть как-нибудь сумею насолить ему, я буду очень счастлив. Верны ли вы оба и беретесь ли мне помочь?

К о н р а д

По гроб жизни, ваша светлость.

Д о н Х у а н

Пойдем же на их великолепный ужин. Их веселье еще увеличивается сознанием, что я побежден. О, если бы повар разделял мои чувства! Но пойдем посмотрим, что тут можно сделать.

Б о р а ч и о

Мы к услугам вашей светлости.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА 1

Зал в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Геро, Беатриче и другие.

Л е о н а т о

А графа Хуана не было за ужином?

А н т о н и о

Я не видел его.

Б е а т р и ч е

Какое кислое выражение лица у этого господина! Стоит на него взглянуть—и меня целый час изжога мучает.

Г е р о

Он очень меланхолического нрава.

Б е а т р и ч е

Вот если бы взять среднее между ним и Бенедиктом, превосходный вышел бы человек: один—совсем истукан, ничего не говорит; другой, как любимый сынок, вечно болтает без умолку.

Л е о н а т о

Значит, если бы половину языка синьора Бенедикта в уста графа Хуана, а половину меланхолии графа Хуана на лицо синьора Бенедикта...

Б е а т р и ч е

...да еще вдобавок стройные ноги, дядюшка, и побольше денег в кошельке. О, такой мужчина покорила бы любую женщину в мире, если бы только мог заслужить ее благосклонность!

Л е о н а т о

Право, племянница, ты никогда не найдешь себе мужа, если будешь так остра на язык.

А н т о н и о

Да, уж очень любит она бодаться.

Б е а т р и ч е

Не страшно! Ведь говорят: «Бодливой корове бог рог не дает».

Л е о н а т о

Так ты думаешь, что и тебе бог рог не даст?

Б е а т р и ч е

Конечно, если он не даст мне мужа, о каковой милости я коленопреклоненно молю его денно и нощно. О господи! Бородатый мужчина—какой ужас! Да я лучше соглашусь спать на шерстяных простынях!

Л е о н а т о

Может попасться и безбородый.

Б е а т р и ч е

А что мне с ним делать? Одеть его в мое платье и сделать своей горничной? У кого есть борода, тот уже не юноша; у кого ее нет, тот еще не мужчина. Если он уже не юноша, он для меня не годится; если он еще не мужчина, я для него не гожусь. Лучше уж наймусь к вожаку медведей и буду водить его обезьян в аду¹⁴.

Л е о н а т о

Что же это, ты намерена отправиться в ад?

Б е а т р и ч е

Нет, только до ворот, дядюшка! Там меня встретит дьявол—этот старый роконосец—и скажет: «Ступай на небо, Беатриче, ступай на небо! Тут вам, девицам, нет места!» Тогда я ему оставлю обезьян, а сама—к святому Петру на небеса. Он мне укажет, где помещаются холостяки, и тут пойдет у нас веселье день-деньской.

А н т о н и о

(к Геро)

А ты, племянница, надеюсь, будешь, повиноваться отцу?

Б е а т р и ч е

О, конечно. Кузина сочтет своим долгом присесть и сказать: «Как вам будет угодно, батюшка!»—Но смотри, кузина, пусть это будет красивый малый, а то лучше присядь в другой раз и скажи: «Как будет угодно мне, батюшка!»

Л е о н а т о

Хорошо-хорошо, племянница. А я все-таки надеюсь в один прекрасный день увидеть тебя замужем.

Б е а т р и ч е

Нет, пока бог не создаст мужчину из какой-нибудь другой материи, чем земля! Не обидно ли для женщины, чтобы ею управлял комок земли? Отдавать отчет в своем поведении куску грубой глины!¹⁵ Нет, дядюшка, я этого не желаю. Все мужчины мне братья по Адаму, а выходить за родственников я считаю грехом.

Л е о н а т о

Помни, дочка, что я тебе сказал: если принц будет просить твоего согласия, ты знаешь, что ему ответить.

Б е а т р и ч е

Он погрешит против музыки, кузина, если посватается не в такт. Если принц будет слишком настойчив, ты скажи ему, что во всякой вещи надо соблюдать меру, и протанцуй ему свой ответ. Потому что—поверь мне, Геро,—сватовство, венчанье и раскаянье—это все равно, что шотландская джига, менуэт и синкпес¹⁶. Первое протекает горячо и бурно, как джига, и так же причудливо; венчанье—чинно и скромно, степенно и старомодно, как минуэт; ну, а потом приходит раскаянье и начинает разбитыми ногами спотыкаться в синкпесе все чаще и чаще, пока не свалится в могилу.

Л е о н а т о

Ты все видишь в дурном свете, племянница!

Б е а т р и ч е

У меня хорошее зрение, дядюшка. Днем я могу даже церковь разглядеть.

Л е о н а т о

Вот и маски, братец. Дадим им место.

Входят дон Педро, Клавдио, Бенедикт, Бальтазар, дон Хуан, Борачио, Маргарита, Урсула и другие,
в масках.

Д о н П е д р о

Не угодно ли вам пройти с вашим поклонником, синьора?

Г е р о

Если вы будете идти медленно, смотреть нежно и ничего не говорить, я готова пройти с вами,—особенно чтобы уйти в сторону.

Д о н П е д р о

Вместе со мной?

Г е р о

Может быть, и так, если мне вздумается.

Д о н П е д р о

А в каком случае вам это вздумается?

Г е р о

Если мне понравится ваше лицо. А то вдруг, упаси боже, лютия окажется такой же, как футляр!

Д о н П е д р о

Моя маска—вроде крыши Филемоновой хижины: внутри нее—Юпитер¹⁷.

Г е р о

Так отчего же на ней нет соломы?

М а р г а р и т а

Говорите тише, если хотите потолковать о любви.

Б а л ь т а з а р

(уводит ее в сторону)

Хотел бы я вам понравиться!

М а р г а р и т а

А я бы этого не хотела—ради вас самих, потому что у меня очень много недостатков.

Б а л ь т а з а р

Ну, например, хоть один.

М а р г а р и т а

Я молюсь вслух.

Б а л ь т а з а р

Тем более вы мне милы: кто будет вас слушать, может приговаривать: «аминь».

М а р г а р и т а

Пошли мне боже хорошего танцора!

Б а л ь т а з а р

Аминь.

М а р г а р и т а

И убери его с глаз моих, как только танец кончится! Ну что же, пономарь?

Б а л ь т а з а р

Ни слова больше: пономарь получил ответ.

У р с у л а

Я вас узнала: вы синьор Антонио.

А н т о н и о

Даю слово, нет.

У р с у л а

Я вас узнала по тому, как у вас голова трясется.

А н т о н и о

Сказать по правде, я его передразниваю.

У р с у л а

Нет, так ловко это проделывать умеет только сам синьор Антонио. И рука у вас сухая и с той и с другой стороны¹⁸, точь-в-точь как у него. Узнала, узнала!

А н т о н и о

Даю слово, нет.

У р с у л а

Полно, полно! Вы думаете, я не узнаю вас по вашему замечательному остроумию? Разве талант можно скрыть? Будет, не спорьте: вы—Антонио, вы—Антонио. Достоинства всегда обнаруживаются—и дело с концом!

Б е а т р и ч е

Вы так и не скажете мне, кто это вам говорил?

Б е н е д и к т

Простите, нет.

Б е а т р и ч е

И не скажете мне, кто вы?

Б е н е д и к т

Пока—нет.

Б е а т р и ч е

Что я капризница и что все мое остроумие заимствовано из «Ста веселых рассказов»¹⁹—это, наверное, сказал синьор Бенедикт.

Б е н е д и к т

А кто он такой?

Б е а т р и ч е

Я уверена, что вы его отлично знаете.

Б е н е д и к т

Уверяю вас, нет.

Б е а т р и ч е

Он ни разу не заставлял вас смеяться?

Б е н е д и к т

Да кто же он такой, скажите, пожалуйста?

Б е а т р и ч е

Принцев шут, совсем плоский шут. Единственный его талант—выдумывать самые невероятные сплетни. Нравится он одним только распутникам, да и те ценят в нем не остроумие, а подлость. Он одновременно забавляет людей и возмущает их, так что они и смеются и колотят его. Я уверена, он где-нибудь здесь крейсирует. Хотела бы я, чтобы он причалил ко мне.

Б е н е д и к т

Когда я познакомлюсь с этим господином, я передам ему ваш отзыв о нем.

Б е а т р и ч е

Сделайте милость! Он только разразится на мой счет двумя-тремя сравнениями; а если этого никто не заметит и не рассмеется, он погрузится в меланхолию—и тогда за ужином уцелеет какое-нибудь крылышко от куропатки, потому что в этот вечер шут не будет ужинать.

Музыка.

Нам нужно следовать за первой парой.

Б е н е д и к т

Во всем хорошем, надеюсь?

Б е а т р и ч е

Ну, если она поведет нас к дурному, я ее покину при первом же туре.

Танцы.

Все, кроме дон Хуана, Борачио и Клавдио, уходят.

Д о н Х у а н

Положительно мой брат влюблен в Геро. Он увел ее отца, чтобы просить ее руки. Дамы последовали за ней, и осталась только одна маска.

Б о р а ч и о

Это Клавдио, я его узнаю по осанке.

Д о н Х у а н

Вы не синьор Бенедикт?

К л а в д и о

Вы угадали: он самый.

Д о н Х у а н

Синьор, вы очень близки с моим братом. Он влюбился в Геро. Прошу вас, постарайтесь как-нибудь отвлечь его от нее. Она не ровня ему по рождению: вы сыграете благороднейшую роль в этом деле.

К л а в д и о

Откуда вы знаете, что он ее любит?

Д о н Х у а н

Я слышал, как он клялся ей в любви.

Б о р а ч и о

Я тоже. Он клялся, что готов на ней жениться сегодня же вечером.

Д о н Х у а н

Однако пойдем ужинать.

Д о н Х у а н и Б о р а ч и о уходят.

К л а в д и о

Вот так я отвечал за Бенедикта;
Но Клавдио дурную весть услышал.
Так, значит, принц хлопочет для себя!
Во всех делах бывает дружба верной,
За исключением любовных дел.
Любя, надейся лишь на свой язык
И доверяй любовь своим лишь взглядам.
Посредникам не верь: растает верность
В крови от чар колдуньи-красоты.
Случается все это ежечасно,
А я о том забыл.—Прощай же, Геро!

Входит Бенедикт.

Б е н е д и к т

Граф Клавдио?

К л а в д и о

Он самый.

Б е н е д и к т

Ну что ж, идем?

К л а в д и о

Куда?

Б е н е д и к т

Очевидно, до ближайшей ивы, по вашему же делу, граф. Как вы намерены носить свою гирлянду? На шее, как цепь богатого ростовщика?²⁰ Или через плечо, как перевязь лейтенанта? Так или иначе, а вам ее надеть придется: принц подцепил вашу Геро.

К л а в д и о

На здоровье.

Б е н е д и к т

Гм! Так говорят честные торговцы скотом, продав быка. Но скажите-ка, вы ожидали, что принц так удружит вам?

К л а в д и о

Прошу вас, оставьте меня.

Б е н е д и к т

Ого! Это вроде как слепой дерется: мальчишка стянул мясо, а вы его колотите по столбу.

К л а в д и о

Если вы не удалитесь, так я уйду.

Уходит.

Б е н е д и к т

Увы, бедная подстреленная птичка! Теперь пойдет и спрячется в камышах. Но как странно: синьора Беатриче и знает меня и не знает! Принцев шут! А может быть, я получил это прозвище потому, что всегда весел? Ну нет, тут я сам к себе несправедлив: репутация моя не такова. Это только злой и едкий язык Беатриче выдает ее мысли за общее мнение. Ну хорошо же, я сумею за себя отомстить.

Входит дон Педро.

Д о н П е д р о

Послушайте, синьор, где граф? Вы его видели?

Б е н е д и к т

По правде говоря, ваша светлость, я сыграл роль госпожи Молвы. Я его нашел здесь—он был грустен, как заброшенная сторожка в лесу. Я сказал ему—и думаю, что сказал правду,—что вашей светлости удалось добиться благосклонности молодой особы, и вызвался проводить его до ближайшей ивы, чтобы сплести ему гирлянду в знак траура, как покинутому любовнику, или связать пук розог, потому что его стоит высечь.

Д о н П е д р о

Высечь? Но в чем же он провинился?

Б е н е д и к т

Сглупил, как школьник: на радостях, что нашел птичье гнездо, показал его товарищу—а тот его и украл.

Д о н П е д р о

Доверчивость ты ставишь ему в вину? Виноват тот, кто украл.

Б е н е д и к т

А все-таки не мешает и пучок розог связать и гирлянду сплести: гирлянда ему самому пригодится, а розги он мог бы предоставить вам, потому что, как я понимаю, вы-то его гнездо и украли.

Д о н П е д р о

Я только научу пташек петь, а потом верну владельцу.

Б е н е д и к т

Если они запоют в лад с вашими словами, то вы честный человек.

Д о н П е д р о

Беатриче очень сердита на вас: кавалер, с которым она танцевала, сказал ей, что вы плохо о ней отзывались.

Б е н е д и к т

О, да она сама обошлась со мной так, что бревно не выдержало бы! Дуб, будь на нем хоть один зеленый листочек, и тот не смолчал бы: сама моя маска начала, кажется, оживать и браниться с ней. Не догадавшись, что это я сам с ней, она заявила мне, что я «принцев шут», что я несноснее осенней распутицы, и пошло, и пошло: насмешка за насмешкой сыпались с такой неимоверной быстротой, что я себя чувствовал мишенью, в которую стреляет целая армия. Ее слова—кинжалы; каждое из них наносит рану. Будь ее дыханье так же ядовито, как ее речи, около нее не осталось бы ничего живого: она бы отравила все и всех, вплоть до Полярной звезды. Я бы не женился на ней, даже если бы в приданое за ней дали все, чем владел Адам до грехопадения. Она бы самого Геркулеса засадила за вертел, а палицу заставила бы его расщепить на растопку. Бросим о ней говорить. Вы должны будете согласиться, что это сама адская богиня Ата²¹ в модном наряде. Молю бога, чтобы какой-нибудь чародей заговорил нас от нее. Поистине, пока она на земле, в аду живет спокойно, как в святом убежище, и люди нарочно грешат, чтобы попасть туда. Где она, там смуты, ссоры и беспокойство.

Входят К л а в д и о, Г е р о и Л е о н а т о, с другой стороны —

Б е а т р и ч е.

Д о н П е д р о

А вот и она.

Б е н е д и к т

Не угодно ли вашему высочеству дать мне какое-нибудь поручение на край света? Я готов за малейшим пустяком отправиться к антиподам, что бы вы ни придумали; хотите, принесу вам зубочистку с самой отдаленной окраины Азии, сбегаю за меркой с ноги пресвитера Иоанна²², добуду волосок из бороды Великого Могола²³, отправлюсь послом к пигмеям? Все будет мне приятнее, чем перекинуться тремя словами с этой гарпией. Есть у вас для меня какое-нибудь дело?

Дон Педро

Единственно, чего я хочу от вас, — это наслаждаться вашим приятным обществом.

Бенедикт

О боже мой, нет — это кушанье мне не по вкусу: я терпеть не могу трещоток.

Уходит.

Дон Педро

Да-да, синьора Беатриче, вы потеряли сердце синьора Бенедикта.

Беатриче

Это правда, ваше высочество: он мне его на время давал внаймы, а я ему за это платила проценты — и он получил обратно двойное сердце. Он его у меня когда-то выиграл мечеными костями, так что ваше высочество правы, говоря, что оно для меня потеряно.

Дон Педро

Вы его положили на обе лопатки, синьора, на обе лопатки.

Беатриче

Только бы не он меня, — чтобы мне не народить дураков. Я привела вам графа Клавдио, за которым вы меня посылали.

Дон Педро

Что это, граф? Отчего вы так печальны?

Клавдио

Я не печален.

Дон Педро

Так что же, больны?

Клавдио

И не болен, ваше высочество.

Беатриче

Граф не печален, не весел, не болен, не здоров. Он просто благопристойен, благопристойен, как апельсин, и такого же желтого цвета — цвета ревности.

Дон Педро

Я нахожу, синьора, что ваше описание весьма правильно. Но клянусь — если это так, то воображение обмануло

его. — Знай, Клавдио, я посватался от твоего имени, и прекрасная Геро согласна. Я переговорил с ее отцом — он тоже согласен. Назначай день свадьбы, и дай тебе бог счастья.

Л е о н а т о

Граф, возьмите мою дочь и с ней все мое состояние. Его высочество устроил этот брак, и да скажет милость небесная: «аминь».

Б е а т р и ч е

Говорите, граф: сейчас ваша реплика.

К л а в д и о

Молчание — лучший глашатай радости. Если бы я мог высказать, как я счастлив, я не был бы счастлив. — Геро, вы — моя, как и я — ваш; я себя отдаю за вас и в восторге от этой мены.

Б е а т р и ч е

Теперь говори ты, кузина, а если не можешь, то закрой ему рот поцелуем, — пусть и он больше не говорит.

Д о н П е д р о

Поистине, синьора, у вас веселое сердце.

Б е а т р и ч е

Да, ваше высочество, я ему очень благодарна, моему бедному глупенькому сердцу, что оно все принимает с лучшей стороны. Кузина говорит графу на ушко, что он завоевал ее сердце.

К л а в д и о

Совершенно верно, кузина.

Б е а т р и ч е

Вот мы с вами и породнились! Так-то вот все на свете устраиваются, кроме только одной меня, бедной чернушки. Остается мне сесть в уголок и кричать: «Дайте мне мужа!»

Д о н П е д р о

Синьора Беатриче, я вам доставлю мужа.

Б е а т р и ч е

Лучше бы мне его доставил ваш батюшка. Нет ли у вашего высочества брата, похожего на вас? Ваш батюшка наготовил превосходных мужей, — лишь бы девушки им нашлись под пару.

Дон Педро

Хотите пойти за меня?

Беатриче

Нет, ваше высочество, разве только у меня будет еще муж для будничных дней. Ваше высочество слишком драгоценны, чтобы носить вас каждый день. Но простите меня, ваше высочество; такая уж я уродилась: болтаю одни пустяки и ничего серьезного.

Дон Педро

Я не простил бы вам только молчания: веселость очень вам к лицу. Без сомненья, вы родились в веселый час!

Беатриче

Нет, конечно: моя матушка ужасно кричала. Но в это время в небе плясала звезда, под ней-то я и родилась. — Кузина и кузен, дай вам бог счастья!

Леонато

Племянница, ты позаботишься, о чем я тебя просил?

Беатриче

Извините, дядя. — Прошу прощения, ваше высочество.

Уходит.

Дон Педро

Клянусь честью, превеселая девушка!

Леонато

Да, ваше высочество, элемента меланхолии в ней очень мало. Она бывает серьезна, только когда спит. Да и то не всегда: моя дочь рассказывает, что Беатриче нередко видит во сне какие-нибудь проказы, и тогда она просыпается со смехом.

Дон Педро

Она и слышать не хочет о замужестве?

Леонато

Никоим образом: насмешками всех женихов отваживает.

Дон Педро

Вот была бы превосходная жена для Бенедикта.

Леонато

О господи! Ваше высочество, да они в неделю заговорили бы друг друга насмерть.

Д о н П е д р о

Граф Клавдио, когда же свадьба?

К л а в д и о

Завтра, ваше высочество. Время тащится на костылях, пока любовь не исполнит всех своих обрядов.

Л е о н а т о

Нет, мой дорогой сын, не раньше понедельника, ровно через неделю. И то это слишком мало времени, чтобы все устроить, как мне хочется.

Д о н П е д р о

Я вижу, ты покачиваешь головой, услышав о такой отсрочке. Но ручаюсь тебе, Клавдио, что время у нас пролетит незаметно. Пока что я попытаюсь совершить один из подвигов Геркулеса — возбудить безумную любовь между синьором Бенедиктом и синьорой Беатриче. Мне ужасно хочется устроить этот брак, и я не сомневаюсь в успехе предприятия, если только вы все трое будете мне помогать и действовать по моим указаниям.

Л е о н а т о

Ваше высочество, я весь к вашим услугам, если даже мне придется для этого не спать десять ночей подряд.

К л а в д и о

Я также, ваше высочество.

Д о н П е д р о

И вы тоже, прелестная Геро?

Г е р о

Я готова исполнить любое скромное поручение, чтобы помочь кузине получить хорошего мужа.

Д о н П е д р о

А Бенедикт — не самый безнадежный из всех, кого я знаю. Смело могу сказать в похвалу ему: он благородного происхождения, испытанной смелости и неоспоримой честности. Я научу вас, как подействовать на вашу кузину, чтобы она влюбилась в Бенедикта, а сам с вашей помощью так настрою Бенедикта, что при всем своем остром уме и привередливом вкусе он влюбится в Беатриче. Если мы этого добьемся, не зовите больше Купидона стрелком: он уступит нам свою славу, и мы станем единственными божествами любви. Идемте со мной, я вам расскажу мой план!

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая комната в доме Леонато.
Входят дон Хуан и Борачио.

Дон Хуан

Значит, это правда: граф Клавдио женится на дочери Леонато?

Борачио

Да, ваша светлость; но я могу этому помешать.

Дон Хуан

Каждая помеха, каждая преграда, каждое препятствие будет лекарством для меня. Я болен ненавистью к нему, и все, что противоречит его желаниям, совпадает с моими. Как ты можешь помешать этой свадьбе?

Борачио

Нечестным путем, ваша светлость, но так искусно, что нечестности этой никто не заметит.

Дон Хуан

Расскажи в двух словах: как?

Борачио

Кажется, я говорил вашей светлости — уже с год тому назад, — что я пользуюсь милостями Маргариты, камеристки Геро?

Дон Хуан

Припоминаю.

Борачио

Я могу в неурочный час ночи попросить ее выглянуть из окна спальни ее госпожи.

Дон Хуан

Что же тут такого, что могло бы расстроить свадьбу?

Борачио

От вас зависит приготовить настоящий яд. Ступайте к принцу, вашему брату, и без обиняков скажите ему, что он позорит свою честь, способствуя браку славного Клавдио, к которому вы преисполнены величайшего уважения, с такой грязной распутницей, как Геро.

Дон Хуан

Какие же доказательства я представляю?

Б о р а ч и о

Вполне достаточные для того, чтобы обмануть принца, вывести из себя Клавдио, погубить Геро и убить Леонато. Вам этого мало?

Д о н Х у а н

Чтобы только досадить им, я на все готов.

Б о р а ч и о

Ступайте же. Улучите минутку, чтобы поговорить с доном Педро и графом Клавдио наедине. Скажите им, что вы знаете о любовной связи Геро со мной. Притворитесь, что вами руководит дружеское расположение к ним, что вы открываете все это, дорожа честью вашего брата, который устраивает эту свадьбу, и репутацией его друга, которого хотят обмануть поддельной девственностью. Они едва ли без доказательств поверят этому. Представьте им улики самые убедительные: они увидят меня под окном спальни Геро и услышат, как я буду называть Маргариту «Геро», а Маргарита меня — «Борачио». Покажите им это как раз в ночь накануне свадьбы. Я подстрою тем временем так, что Геро не будет в комнате, и неверность ее будет представлена так правдоподобно, что ревность станет уверенностью, и все приготовления к свадьбе рухнут.

Д о н Х у а н

К какому бы роковому исходу это дело ни привело, я беру за него! Устрой это половчее, и награда тебе будет — тысяча дукатов.

Б о р а ч и о

Будьте только настойчивы в обвинениях, а уж моя хитрость не посрамит себя.

Д о н Х у а н

Пойду узнаю, на какой день назначена свадьба.

Уходят.

СЦЕНА 3

Сад Леонато.

Входит Б е н е д и к т.

Б е н е д и к т

Мальчик!

Входит мальчик.

М а л ь ч и к

Синьор?

Б е н е д и к т

В моей комнате на окне лежит книга: принеси мне ее сюда в сад.

М а л ь ч и к

Слушаю, синьор. Я здесь.

Б е н е д и к т

Знаю, что здесь. Но я хотел бы, чтобы ты исчез, а потом появился здесь снова.

М а л ь ч и к уходит.

Удивляюсь я: как это человек, видя, какими глупцами становятся другие от любви, издевается над этим пустым безумием — и вдруг сам становится предметом насмешек, влюбившись. Таков Клавдио. Помню я время, когда он не признавал другой музыки, кроме труб и барабанов, — а теперь он охотнее слушает тамбурин и флейту. Помню, как он готов, бывало, десять миль пешком отмахать, чтобы взглянуть на хорошие доспехи, — а сейчас может не спать десять ночей подряд, обдумывая фасон нового колета. Говорил он, бывало, просто и дельно, как честный человек и солдат; а теперь превратился в какого-то краснобая: его речи — это фантастическая трапеза с самыми невиданными блюдами. Неужели и я могу так измениться, пока еще смотрит на мир мои глаза? Не знаю. Не думаю. Клятвы не дам, что любовь не превратит меня в устрицу. Но в одном клянусь смело: пока я еще не стал устрицей, подобным глупцом любовь меня не сделает. Одна женщина прекрасна, — но я уцелел. Другая умна, — но я уцелел. Третья добродетельна, — но я уцелел. Пока я не встречу женщины, привлекательной во всех отношениях зараз, — ни одна не привлечет меня. Она должна быть богата — это обязательное условие; умна — или мне ее не надо; добродетельна — или я за нее не дам ни гроша; красива — иначе я и не взгляну на нее; кротка — иначе пусть и близко ко мне не подходит; знатна — иначе ни за какие деньги ее не возьму; она должна приятно разговаривать, быть хорошей музыкантшей, а волосы пусть будут такого цвета, как богу угодно. Вот и принц с мсье Купидоном! Прячусь в беседке. *(Прячется.)*

Входят дон Педро, Клавдио и Леонато, за ними —
Бальтазар с музыкантами.

Д о н П е д р о

Ну что ж, хотите музыку послушать?

К л а в д и о

Да, добрый принц. Как вечер тих! Он будто
Притих, чтобы гармонии внимать.

Д о н П е д р о

Ты видел, где укрылся Бенедикт?

К л а в д и о

Отлично видел. Музыку прослушав,
Поймаем мы лисенка в западню.

Д о н П е д р о

Ну, Бальтазар, спой снова нам ту песню.

Б а л ь т а з а р

Не заставляйте, ваша светлость, вновь
Позорить музыку столь скверным пеньем.

Д о н П е д р о

Вернейшая порука мастерства —
Не признавать свое же совершенство.
Пой! Что ж, тебя молить мне, как невесту?

Б а л ь т а з а р

Когда на то пошло, я вам спою:
Ведь часто о любви невесту молят,
Невысоко ценя ее и все же
Клянясь в любви.

Д о н П е д р о

Ну полно, начинай!

А хочешь дальше спорить, — спорь, но только
По нотам.

Б а л ь т а з а р

Раньше сообщу вам ноту:
Нет в нотах у меня достойных нот.

Д о н П е д р о

Он говорит как будто бы по нотам.
Нет в нотах нот, — довольно же нотаций!

Музыка.

Б е н е д и к т

(в сторону)

Теперь последует божественная песня! И душа его воспойт! Не странно ли, что овечьи кишки способны так выт

гивать из человека душу? Нет, что до меня, так я бы за свои деньги лучше послушал роговую музыку.

Б а л ь т а з а р

(поет)

К чему вздыхать, красотки, вам?
Мужчины — род неверный:
Он телом — здесь, душою — там,
Все ветрены безмерно.
К чему ж вздыхать?
Их надо гнать,
Жить в радости сердечной
И вздохи скорби превращать —
Гей-го! — в припев беспечный.
Не пойте ж нам, не пойте вы
Напевов злой кручины:
Спокон веков уж таковы
Коварные мужчины.
К чему вздыхать?
Их надо гнать,
Жить в радости сердечной
И вздохи скорби превращать —
Гей-го! — в припев беспечный.

Д о н П е д р о

Честное слово, хорошая песня.

Б а л ь т а з а р

Но плохой певец, ваше высочество.

Д о н П е д р о

Нет-нет: ты поешь совсем недурно, на худой конец.

Б е н е д и к т

(в сторону)

Если бы пес так выл, его бы повесили. Молю бога, чтобы его голос не накликал нам беду. По-моему, лучше ночью ворона слушать, какое бы несчастье он ни сулил.

Д о н П е д р о

Да, конечно²⁴. Послушай, Бальтазар, раздобудь нам, пожалуйста, самых лучших музыкантов: мы хотим завтра чью устроить серенаду под окнами синьоры Геро.

Б а л ь т а з а р

Постараюсь, ваше высочество.

Дон Педро

Так сделай это. Прощай.

Бальтазар и музыканты уходят.

Послушайте, Леонато, что это вы говорили сегодня? Будто ваша племянница Беатриче влюбилась в Бенедикта?

Клавдио

Да-да! *(Тихо, дону Педро.)* Подкрадывайтесь, подкрадывайтесь: дичь уже села. *(Громко, к Леонато.)* Вот уж не подумал бы никогда, что эта особа может в кого-нибудь влюбиться.

Леонато

Я тоже. А всего удивительнее, что она с ума сходит по Бенедикту, которого, судя по ее поведению, она всегда ненавидела.

Бенедикт

(в сторону)

Возможно ли? Так вот откуда ветер дует!

Леонато

По чести, ваше высочество, не знаю, что об этом и подумать. Но она безумно любит его: это превосходит всякое воображение.

Дон Педро

Может быть, она только притворяется?

Клавдио

Похоже на то.

Леонато

Бог мой! Притворяется! Да никогда притворная страсть так не походила на истинную, как у нее!

Дон Педро

Но в чем же эта страсть выражается?

Клавдио

(тихо)

Насаживайте приманку на крючок: рыба сейчас клонет.

Леонато

В чем выражается? Она сидит и... да вы слышали, как моя дочь рассказывала.

Клавдио

Да, правда.

Д о н П е д р о

Что? Что? Прошу вас! Вы изумляете меня: я всегда считал ее сердце неуязвимым для стрел любви.

Л е о н а т о

Я тоже готов был поклясться в этом. Особенно по отношению к Бенедикту.

Б е н е д и к т

(в сторону)

Я бы считал это за надувательство, если бы не его седая борода. Плутство не может скрываться под такой почтенной внешностью.

К л а в д и о

(тихо)

Яд подействовал: подлейте еще.

Д о н П е д р о

Что же, она открыла свои чувства Бенедикту?

Л е о н а т о

Нет. И клянется, что никогда этого не сделает: это-то ее и мучает.

К л а в д и о

Совершенно верно. Ваша дочь передавала, что она говорит: «Как же я, которая всегда относилась к нему с таким пренебрежением, и вдруг напишу ему, что люблю его?»

Л е о н а т о

И говорила это она, когда садилась за письмо к нему. Раз двадцать она вставляла в одной рубашке и исписала целый лист с обеих сторон. Так дочь рассказывала.

К л а в д и о

Кстати, о листе бумаги: я вспомнил одну забавную мелочь, о которой рассказывала ваша дочь.

Л е о н а т о

Да-да! Когда она написала письмо и стала перечитывать, то вдруг заметила, что если письмо сложить, то имена «Бенедикт» и «Беатриче» ложатся вместе.

К л а в д и о

Вот-вот.

Л е о н а т о

Тогда она разорвала письмо в мелкие клочки и стала корить себя за нескромность — писать к тому, кто, как она знает, только посмеется над ней. «Я сужу по себе, — говорит она, — ведь если бы он вздумал написать мне, я бы подняла его на смех. Да-да, хоть и люблю его, а на смех бы подняла».

К л а в д и о

А потом падает на колени, стонет, рыдает, бьет себя в грудь, рвет на себе волосы, молится, прокликает: «О мой милый Бенедикт! Боже, пошли мне сил!»

Л е о н а т о

Действительно, она все это проделывает: так говорит моя дочь. Страсть ею так владеет, что моя дочь боится — как бы она с отчаяния не сделала что-нибудь над собой. Истинная правда!

Д о н П е д р о

Надо, чтобы Бенедикт узнал об этом от кого-нибудь другого, раз уж она сама не хочет открываться ему.

К л а в д и о

К чему? Он только бы высмеял это и измучил бедную девушку еще больше.

Д о н П е д р о

Если бы он так поступил, так его повесить мало! Она прелестная, милая девушка и, уж вне всяких сомнений, добродетельная.

К л а в д и о

И необычайно умна при этом.

Д о н П е д р о

Умна во всем, если не считать того, что влюбилась в Бенедикта.

Л е о н а т о

Ах, ваше высочество, когда рассудок и страсть борются в таком хрупком теле, можно поставить десять против одного, что победит страсть. Мне жаль ее, и я имею для этого достаточное основание, будучи ее дядей и опекуном.

Д о н П е д р о

Хотел бы я, чтобы она избрала меня предметом своего увлечения: я отбросил бы все другие соображения и сделал

бы ее своей дражайшей половиной. Прошу вас, расскажите все это Бенедикту: посмотрим, что он скажет.

Л е о н а т о

Вы думаете, это будет хорошо?

К л а в д и о

Геро уверена, что Беатриче умрет. Она сама говорит, что умрет, если он ее не полюбит; и тут же добавляет, что скорей умрет, чем признается ему в любви; и еще — что если он посватается к ней, то она скорей умрет, чем отступится от своей обычной насмешливости.

Д о н П е д р о

Она права. Если она признается ему в своей любви, очень возможно, что он станет над ней издеваться. Ведь вы знаете, какой он заносчивый человек.

К л а в д и о

Но красавец мужчина!

Д о н П е д р о

Это правда, внешность у него счастливая.

К л а в д и о

Ей-богу, по-моему, он очень умен.

Д о н П е д р о

Да, у него бывают проблески остроумия.

Л е о н а т о

Я считаю его очень храбрым человеком.

Д о н П е д р о

Настоящий Гектор, уверяю вас. А в делах чести необычайно мудр: он либо старается избежать поединка, либо, уж если решается на него, так с истинно христианским страхом.

Л е о н а т о

Если в нем есть страх божий, так он и должен соблюдать мир, а уж если нарушать его, так со страхом и трепетом.

Д о н П е д р о

Так он и поступает: он человек богобоязненный, хоть этому и трудно поверить, судя по его слишком вольным

иногда шуткам. Но мне жаль вашу племянницу. Хотите, разыщем его и расскажем о ее любви?

К л а в д и о

Нет, не говорите ему ничего: может быть, ее сердце само справится с этой страстью.

Л е о н а т о

Невозможно: скорее оно перестанет биться.

Д о н П е д р о

Ну, хорошо. Мы узнаем о дальнейшем от вашей дочери. А тем временем пусть все это немного поостынет. Я очень люблю Бенедикта, но хотел бы, чтобы он взглянул на себя беспристрастно и понял, насколько он недостоин такой прекрасной жены.

Л е о н а т о

Не угодно ли пожаловать, ваше высочество? Обед готов.

К л а в д и о

(тихо)

Если после этого он в нее не влюбится, я перестану верить чему бы то ни было.

Д о н П е д р о

(тихо)

Теперь надо расставить такие же сети и для нее. Этим пусть займется ваша дочь и ее камеристка. Вот-то будет потеха, когда каждый из них вообразит, что другой его обожает, а на самом деле — ничего подобного. Хотел бы я видеть эту сцену: славная получится пантомима! Пошлем ее звать его к обеду!

Дон Педро, Клавдио и Леонато уходят.

Б е н е д и к т

(выходит из беседки)

Нет, это не может быть подстроено: разговор шел в самом серьезном тоне. Они узнали всю правду от Геро. По видимому, они жалеют Беатриче. Кажется, страсть ее дошла до предела. Влюбилась в меня! За это надо вознаградить ее. Слышал я, как они обо мне судят: думают, что я зазнаюсь, если замечу ее любовь; по их словам, она скорее умрет, чем выдаст чем-нибудь свое чувство. Я никогда не собирался жениться; но не надо казаться гордым. Счастлив тот, кто, услышав о своих недостатках, может исправиться. Они говорят, что она красавица: это правда — могу сам за-

свидетельствовать; и добродетельна — и это так: ничего не могу возразить; и умна, если не считать того, что влюбилась в меня, — по чести, это не очень-то говорит в пользу ее ума, но и не доказывает ее глупости, потому что я готов в нее по уши влюбиться. Конечно, тут не обойдется без разных сарказмов и затасканных острот по поводу того, что я так долго издевался над браком. Но разве вкусы не меняются? В юности человек любит какое-нибудь кушанье, а в старости его в рот не берет. Неужели колкости и шуточки, эти бумажные стрелы, которыми перебрасываются умы, должны помешать человеку идти своим путем? Нет, мир должен быть населен! Когда я говорил, что умру холостяком, я думал, что не доживу до свадьбы! Вот идет Беатриче. Клянусь дневным светом, она прехорошенькая девушка! Я замечаю в ней некоторые признаки влюбленности.

Входит Беатриче.

Беатриче

Меня, против моей воли, прислали просить вас идти обедать.

Бенедикт

Прекрасная Беатриче, благодарю вас за труд.

Беатриче

Мне стоило не больше труда заслужить вашу благодарность, чем вам поблагодарить меня. Если бы это было трудно, я бы не пришла.

Бенедикт

Значит, это поручение доставило вам удовольствие?

Беатриче

Так, на грошик. У вас нет аппетита, синьор? Тогда прощайте.

Уходит.

Бенедикт

Эге! «Меня, против моей воли, прислали просить вас идти обедать» — в этом заключается двойной смысл. «Мне стоило не больше труда заслужить вашу благодарность, чем вам поблагодарить меня!» — это то же, что сказать: «Всякий труд для вас мне так же легок, как вам — благодарность». Если я не сжалюсь над ней, я буду негодяем! Будь я турок, если не полюблю ее! Постараюсь достать ее портрет.

Уходит.

А К Т III

СЦЕНА 1

Сад Леонато.

Входят Геро, Маргарита и Урсула.

Геро

Ступай скорее, Маргарита, в зал.
Там ты найдешь кузину Беатриче
Беседующей с Клавдио и с принцем:
Шепни ей на ушко, что мы с Урсулой
В саду гуляем и о ней толкуем;
Скажи ей, что подслушала ты нас,
И предложи ей спрятаться в беседке,
Где жимолость так разрослась на солнце,
Что солнечным лучам закрыла вход:
Так фаворит, монархом вознесенный,
Порою гордо восстает на власть,
Что гордость эту в нем и породила.
Здесь спрячется она, чтоб нас подслушать.
Сыграй получше роль свою. Ступай.

Маргарита

Ручаюсь вам, она придет, и скоро.

Уходит.

Г е р о

Как только Беатриче подойдет,
Давай, Урсула, лишь о Бенедикте,
Гуляя по аллее, говорить.
Лишь назову его — ты начинай
Хвалить его превыше всякой меры.
Я ж буду говорить, что Бенедикт
Любовью к Беатриче прямо болен.
Ведь Купидон отлично может ранить
Своей стрелой и через слух.

В глубине сцены показывается Б е а т р и ч е.

Начнем!

Смотри: как пеночка, к земле приникнув,
Скользит она в траве, чтоб нас подслушать.

У р с у л а

Удильщику всего приятней видеть,
Как рыбка золотыми плавниками
Вод рассекает серебро, чтоб жадно
Коварную приманку проглотить.
Так мы сейчас поймаем Беатриче,
Что в жимолости притаилась там.
Не бойтесь, диалога не испорчу.

Г е р о

Пойдем поближе, чтоб не проронила
Она ни крошки из приманки сладкой.

Подходят к беседке.

Нет, право, слишком уж она спесива.
Душа ее пуглива и дика,
Как горный сокол!

У р с у л а

Но скажите, правда ль,
Что Бенедикт влюблен в нее так страстно?

Г е р о

Так говорят и принц и мой жених.

У р с у л а

И поручили вам сказать ей это?

Г е р о

Просили, да. Но я их убедила —
Пусть, если только любят Бенедикта,
Внушат ему, чтоб чувство поборол он
И никогда любви ей не открыл.

У р с у л а

Но почему? Ужель он не достоин
Счастливого супружеского ложа,
Какое заслужила Беатриче?

Г е р о

Клянусь Амуром, он всего достоин,
Чего мужчина может пожелать.
Но женщины с таким надменным сердцем
Природа до сих пор не создавала;
Глаза ее насмешкою блещут,
На все с презреньем глядя; ум свой ценит
Она так высоко, что все другое
Ни в грош не ставит. Где уж там любить!
Она любви не может и представить —
Так влюблена в себя.

У р с у л а

Да, это верно.

Уж лучше о любви его совсем
Не говорить ей, чтоб не засмеяла.

Г е р о

Да, ты права. Как ни был бы мужчина
Умен, красив собою, молод, знатен, —
Навыорот она его представит.
Будь миловиден — «годен в сестры ей»,
А смугл — так «кляксу сделала природа,
Шутя рисуя»; коль высок — так «пика
С тупой верхушкой»; мал — «плохой брелок»;
Красноречив — «игрушка ветра, флюгер»;
А молчалив — так «неподвижный пень»:
Так вывернет любого наизнанку
И никогда не будет справедливой
К заслугам доблести и прямоты.

У р с у л а

Разборчивость такая не похвальна.

Г е р о

И быть такою странной, своенравной,
Как Беатриче, — вовсе не похвально.
Но кто посмеет это ей сказать?
Осмелся я — да ведь она меня
Насмешкой уничтожит, вгонит в гроб!
Пусть лучше, словно пламень приглушенный,
Наш Бенедикт зачахнет от любви:
Такая легче смерть, чем от насмешки.
Ужасно от щекотки умереть!

У р с у л а

Но все ж сказать бы; что она ответит?

Г е р о

Нет, лучше к Бенедикту я отправлюсь
И дам совет — преодолеть любовь,
Да что-нибудь дурное с доброй целью
Про Беатриче сочиню. Кто знает,
Как можно страсть убить одним лишь словом!

У р с у л а

Ах нет, не обижайте так сестру.
Она не может быть так безрассудна,
Чтоб, при живом ее уме, который
Так ценят в ней, отвергнуть жениха
Столь редкого, синьора Бенедикта.

Г е р о

В Италии такого больше нет,
За исключением Клавдио, конечно.

У р с у л а

Прошу вас не прогневаться, но я
Скажу вам так: синьора Бенедикта
По храбрости, уму и красоте
Во всей Италии считают первым.

Г е р о

Да, слава превосходная о нем.

У р с у л а

А славу заслужил он превосходством. —
Когда же ваша свадьба?

Г е р о

Хотела бы, чтоб завтра. — Ну, пойдем;
Посмотрим платья; ты мне дашь совет —
В какое лучше завтра нарядиться.

У р с у л а

(тихо)

Попалась птичка, уж ручаюсь вам!

Г е р о

(тихо)

Коль так, в любви случайно все на свете:
Есть у Амура стрелы, есть и сети.

Г е р о и У р с у л а уходят.

Б е а т р и ч е

(выходит из беседки)

Ах, как пылают уши! За гордыню
Ужель меня все осуждают так?
Прощай, презренье! И прости отныне,
Девичья гордость! Это все пустяк.
Любовью за любовь вознагражу я,
И станет сердце дикое ручным.
Ты любишь, Бенедикт, — так предложу я
Любовь союзом увенчать святым.
Что ты достоин, все твердят согласно,
А мне и без свидетельств это ясно.

Уходит.

СЦЕНА 2

Комната в доме Леонато.

Входят дон Педро, Клавдио, Бенедикт и Леонато.

Д о н П е д р о

Я дождусь только, когда вы отпразднуете свадьбу, а затем отправлюсь в Арагон.

К л а в д и о

Я провожу вас туда, ваше высочество, если вы разрешите мне.

Д о н П е д р о

Нет, это слишком омрачило бы новый блеск вашего счастья. Это все равно что показать ребенку новое платье и запретить его надевать. Я только позволю себе попросить Бенедикта быть моим спутником: он с головы до пят — воплощенное веселье. Два-три раза он перерезал тетиву у Купидона, и этот маленький мучитель не отваживается больше стрелять в него. Сердце у него крепкое, как колокол, и язык хорошо привешен, так что у него всегда что на сердце, то и на языке.

Б е н е д и к т

Господа, я уже не тот, что прежде.

Л е о н а т о

Вот и я то же говорю: по-моему, вы стали серьезнее.

К л а в д и о

Хочу надеяться, что он влюблен.

Д о н П е д р о

Черт побери этого гуляку! Да в нем нет ни капли настоящей крови, чтобы почувствовать настоящую любовь. Если он загрустил, значит, у него нет денег.

Б е н е д и к т

У меня зуб болит.

Д о н П е д р о

Вырвать его!

Б е н е д и к т

К черту его!

К л а в д и о

Сперва послать к черту, а потом вырвать.

Д о н П е д р о

Как! Вздыхать от зубной боли?

Л е о н а т о

Из-за какого-нибудь флюса или нарыва?

Б е н е д и к т

Другому легко советы давать, а вот сами бы попробовали.

К л а в д и о

А я все-таки говорю: он влюблен.

Д о н П е д р о

В нем нет ни малейшего признака любви, если не считать его любви к странным переодеваниям: сегодня он одет голландцем, завтра — французом, а то и вместе соединяет две страны: от талии книзу у него Германия — широчайшие штаны, а от талии кверху — Испания: не видно камзола²⁵. Если только он не влюблен в эти глупости, как мне кажется, то во всяком случае не поглупел от влюбленности, как вам кажется.

К л а в д и о

Если он не влюблен в какую-нибудь женщину, так ни одной старой примете нельзя верить. Он каждое утро чистит свою шляпу, — к чему бы это?

Д о н П е д р о

Видел его кто-нибудь у цирюльника?

К л а в д и о

Нет, но цирюльника у него видели, и то, что было украшением его щек, пошло на набивку теннисных мячей.

Л е о н а т о

Правда, он выглядит гораздо моложе, сбрав бороду.

Д о н П е д р о

Мало того: он натирается мускусом; заметили, как от него пахнет?

К л а в д и о

Яснее ясного: прелестный юноша влюблен.

Д о н П е д р о

Но главное доказательство — это его меланхолия.

К л а в д и о

А бывало ли когда-нибудь, чтобы он так мыл свою физиономию?

Д о н П е д р о

Да, или подкрашивался? Об этом уже поговаривают.

К л а в д и о

А вся его веселость переселилась в струну лютни и управляется струнными ладами.

Д о н П е д р о

Печальный случай. Это выдает его. Ясно, ясно: он влюблен.

К л а в д и о

А я знаю, кто в него влюблен.

Д о н П е д р о

Хотел бы и я это знать. Ручаюсь, что кто-нибудь, кто не знает его.

К л а в д и о

Напротив, она знает все его недостатки и тем не менее умирает от любви к нему.

Д о н П е д р о

Придется ее похоронить лицом кверху.

Б е н е д и к т

Все это зубной боли не заговорит! — Почтенный синьор Леонато, пройдемтесь немного: у меня есть для вас десяток умных слов, которых эти пустомели не должны слышать.

Б е н е д и к т и Л е о н а т о у х о д я т .

Д о н П е д р о

Клянусь жизнью, он будет свататься к Беатриче.

К л а в д и о

Без сомнения, Геро и Маргарита уже разыграли свою комедию с Беатриче, и теперь, когда эти два медведя встретятся, они уже не погрызутся.

В х о д и т д о н Х у а н .

Д о н Х у а н

Мой повелитель и брат, храни вас бог.

Д о н П е д р о

Добрый день, братец.

Д о н Х у а н

Если у вас есть минута досуга, я бы хотел поговорить с вами.

Д о н П е д р о

Наедине?

Д о н Х у а н

Если позволите. Впрочем, граф Клавдио может слушать, так как то, что я имею сообщить, касается его.

Д о н П е д р о

В чем дело?

Д о н Х у а н
(к Клавдио)

Ваша милость собирается венчаться завтра?

Д о н П е д р о

Вы же знаете это.

Д о н Х у а н

Я не уверен в этом, если он узнает то, что известно мне.

К л а в д и о

Если есть какое-нибудь препятствие, прошу вас, откройте его.

Д о н Х у а н

Вы вправе думать, что я не люблю вас. Дайте срок — время покажет; и будьте лучшего мнения обо мне после того, что я вам сейчас сообщу. Что касается моего брата, он, видимо, очень расположен к вам и от чистого сердца помог вам устроить этот брак. Поистине, это плохая услуга и напрасный труд.

Д о н П е д р о

Что такое? В чем дело?

Д о н Х у а н

Я затем и пришел, чтобы все рассказать вам. Оставляя в стороне разные подробности — ибо уже и без того мы слишком долго о ней толкуем, — скажу просто: девушка нечестна.

К л а в д и о

Кто? Геро?

Д о н Х у а н

Вот именно, она: дочь Леонато, ваша Геро, чья угодно Геро!

К л а в д и о

Нечестна?

Д о н Х у а н

Это слово слишком мягко, чтобы выразить ее безнравственность. Я бы сказал: она хуже, чем нечестна. Придумайте худшее выражение, и я применю его к ней. Не удивляйтесь, пока не получите доказательства. Пойдемте сегодня ночью со мной. Вы увидите, как лазают в окно ее спальни даже накануне ее свадьбы. Если и тогда любовь ваша устоит, венчайтесь завтра; но для вашей чести было бы лучше изменить ваши намерения.

К л а в д и о

Может ли это быть?

Д о н П е д р о

Не хочу и думать об этом.

Д о н Х у а н

Если вы не захотите верить своим глазам, отрицайте очевидность. Последуйте за мной — я покажу вам достаточно. А когда вы все увидите и услышите, — поступите соответственно.

К л а в д и о

Если я увижу этой ночью что-нибудь такое, что помешает мне жениться на ней, я завтра в той самой церкви, где хотел венчаться, при всех осрамлю ее.

Д о н П е д р о

А я, который был твоим сватом, присоединюсь к тебе, чтобы опозорить ее.

Д о н Х у а н

Не стану больше порочить ее, пока вы сами не увидите все. Потерпите до полуночи — дальнейшее само за себя скажет.

Д о н П е д р о

О, день неожиданных несчастий!

К л а в д и о

О, ужасное злополучие!

Д о н Х у а н

«О, счастливо предотвращенный позор!» — скажете вы, увидав развязку.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица.

Входят К и з и л, Б у л а в а и с т о р о ж а.

К и з и л

Вы люди честные и верные?

Б у л а в а

Еще бы! А то ни стоили бы они того, чтобы претерпеть спасение души и тела.

К и з и л

Нет, мало было бы с них такого н а к а з а н и я, будь у них хоть капля верноподданничества, — раз они выбраны в охрану самого принца.

Б у л а в а

Ладно, дай им теперь наказ, сосед Кизил.

К и з и л

Во-первых, кто, по-вашему, всех непригоднее быть полицейским?

П е р в ы й с т о р о ж

Хью Овсянка или Франсис Уголек, потому они оба читать и писать умеют.

К и з и л

Подойди поближе, сосед Уголек. Бог тебе послал добрую славу; потому что красота — это дар судьбы, а грамотность — ну, это уж от природы.

В т о р о й с т о р о ж

И то и другое, господин пристав...

К и з и л

Тебе дано? Я так и знал, что ты это ответишь. Ну, так вот, за свою красоту воздай богу благодарение, да не хвались ею; а что до грамотности, то применяй ее там, где в этой чепухе нет надобности. Ты, говорят, самый непригодный на полицейскую должность, — так бери фонарь. Вот тебе наказ: хватай всех праздношатающихся и останавливай всех именем принца.

В т о р о й с т о р о ж

А если кто не захочет останавливаться?

К и з и л

Не обращай на него внимания; пусть себе уходит. А затем созови всех остальных сторожей и возблагодарите господа, что избавились от мошенника.

Б у л а в а

Если он не остановился по твоему приказанию, значит, он не из подданных принца.

К и з и л

Правильно, потому что страже можно вмешиваться только в дела принцевых подданных. Затем, вы не должны производить на улицах шума. Разговаривать да болтать для ночных сторожей — дело самое д о з в о л и т е л ь н о е и никак не допустимое.

В т о р о й с т о р о ж

Зачем разговаривать? Мы лучше всхрапнем. Мы знаем, что сторожам полагается.

К и з и л

Да, ты рассуждаешь как сторож бывалый и надежный. И я так думаю: кто спит, тот не грешит. Смотри только, чтобы у вас алебарды не стащили. Ну, затем надо вам в пивные заходить, и кого там найдете пьяных — гнать их домой спать.

В т о р о й с т о р о ж

А если кто не захочет домой?

К и з и л

Так оставьте его в покое, пока не протрезвится. А если он и на это не согласится, скажите, что он не тот, за кого вы его приняли.

Второй сторож

Слушаю, господин пристав.

Кизил

Если встретите вора, то в силу вашего звания можете его заподозрить, что он человек непорядочный. А чем меньше с такими людьми связываться, тем лучше для вашего достоинства.

Второй сторож

А если мы наверняка знаем, что он вор, надо нам его хватать?

Кизил

По правде сказать, в силу вашего звания можете его схватить. Но я так полагаю: тронь деготь — замараешься. Самый для вас спокойный выход, если захватите вора, — дайте ему возможность самому показать, что он за птица, и улизнуть из вашей компании.

Булава

Тебя, братец, недаром зовут милосердным человеком, соседушка.

Кизил

Верно, я по своей воле и собаки бы не повесил, а тем более человека, в котором есть хоть капля честности.

Булава

Если услышите ночью, что где-нибудь младенец плачет, позовите мамку, чтобы успокоила его.

Второй сторож

А если мамка спит и не слышит?

Кизил

Тогда проходите с миром; пусть ребенок сам криком ее разбудит. Если овца не слышит, как ее ягненок блеет, тем более на мычанье тельенка не отзовется.

Булава

Что верно, то верно.

Кизил

Вот и вся недолга. Ты — пристав, стало быть, представляешь особу самого принца. Если принца ночью встретишь, ты и его можешь задержать.

Булава

Нет, ей-богу, этого он, мне думается, не может.

Кизил

Ставлю пять монет против одной! Всякий, кто знает судебные у с ы н о в л е н и я, скажет тебе: можешь, но только с согласия его высочества. Потому что стража никого не должна оскорблять, а насильно задержать человека — это уже оскорбление.

Булава

Ей-богу, верно!

Кизил

Ха-ха-ха! Ну, ребята, доброй ночи. Если что особенно важное случится, зовите меня. Слушайтесь вашего собственного разума и советов товарищей. Спокойной ночи. Идем, соседушка.

Второй сторож

Ладно, господа хорошие, мы свое дело знаем: посидим вот тут у церкви на лавочке часов до двух, а потом на боковую.

Кизил

Еще одно слово, соседушки: приглядывайте-ка за домом синьора Леонато. Там завтра свадьба, так всю ночь будет суматоха. Прощайте. А главное — будьте бдительны. Честью прошу.

Кизил и Булава уходят.

Входят Борачио и Конрад.

Борачио

Ну, Конрад!

Второй сторож

(тихо)

Тихо! Не шевелись!

Борачио

Конрад! Да где же ты?

Конрад

Здесь я, брат, у самого твоего локтя.

Борачио

Клянусь обедней, то-то у меня локоть чешется. Я думал, что у меня парша завелась.

К о н р а д

Я тебе это еще припомню! А теперь досказывай свою историю.

Б о р а ч и о

Станем сюда под навес, а то дождь накрапывает. Я расскажу тебе все без утайки, как истый пьяница.

П е р в ы й с т о р о ж
(тихо)

Тут дело нечисто, ребята. Стойте смирно!

Б о р а ч и о

Так знай: я заработал у дона Хуана тысячу дукатов.

К о н р а д

Неужели за подлость так дорого платят?

Б о р а ч и о

Ты лучше спроси: неужели подлость может быть так богата? Ведь когда богатый подлец нуждается в бедном, так бедный может заломить какую угодно цену.

К о н р а д

Удивляюсь.

Б о р а ч и о

Что доказывает твою неопытность! Не все ли равно, какого фасона на человеке камзол, или шляпа, или плащ?

К о н р а д

Ну да, все равно — одежда.

Б о р а ч и о

Я про фасон говорю.

К о н р а д

Ну да: фасон фасоном.

Б о р а ч и о

Фу! Я мог бы сказать: а дурак дураком. Разве ты не знаешь, какой ловкач этот фасон? Как хочет, так людей и уродует и обворовывает.

Первый сторож
(в сторону)

Знаю я, про кого они говорят: этот Фасон уже лет семь как воровством занимается. А разгуливает как настоящий кавалер! Я его имя запомнил.

Борачио

Ты ничего не слышал?

Конрад

Нет, это флюгер на крыше скрипит.

Борачио

Так вот, разве ты не знаешь, какой ловкий вор этот фасон? Как он всем людям от четырнадцати до тридцати пяти лет головы кружит? Фасон рядит их то как фараоновых солдат на закопченных картинах, то как вааловых жрецов на старых церковных окнах, то как бритого Геркулеса на засаленных и вытертых стенных коврах, причем гульфик на штанах сделан величиной будто для его палицы.

Конрад

Все это я знаю. Знаю и то, что фасон скорее изнашивает платья, чем человек. Но у тебя самого, видно, от фасонов голова закружилась, что ты перескочил со своей истории на разглагольствования о фасонах!

Борачио

Ничуть не бывало. Знай же, что этой ночью я любезничал с Маргаритой — камеристкой синьоры Геро, причем называл ее «Геро»; а она высунулась ко мне из окна спальни своей госпожи и тысячу раз желала мне доброй ночи. Я плохо рассказываю свою историю: мне надо было сначала сказать тебе, что принц, Клавдио и мой хозяин издали, из сада, подсматривали наше нежное свидание. А свел, и привел, и подвел их мой хозяин — дон Хуан.

Конрад

И они приняли Маргариту за Геро?

Борачио

Двое из них, принц и Клавдио. Но этот дьявол, мой господин, отлично знал, что это была Маргарита. И вот, от-

части вследствие его заверений, которыми он сначала опутал их, отчасти из-за ночной темноты, которая ввела их в заблуждение, а главное — из-за моей подлости, подтвердившей клевету дона Хуана, — Клавдио пришел в ярость и убежал, поклявшись, что завтра в церкви вместо свадьбы осрамит Геро при всем честном народе, рассказав все, что видел ночью, и отошлет ее домой невенчанною.

Первый сторож
(выступая вперед)

Именем принца — стой!

Второй сторож

Позовите сюда пристава. Мы тут открыли такое беспутное распутство, какого еще не бывало в нашем государстве.

Первый сторож

И некто Фасон с ними заодно: я его знаю, у него еще локон на лбу.

Конрад

Братцы, братцы!..

Второй сторож

Ладно, вы нам этого Фасона предоставите, ручаюсь вам.

Конрад

Братцы...

Первый сторож

Нечего разговаривать. Мы вас арестуем. Извольте повиноваться и следовать за нами.

Борачио

В славную историю мы попали, нечего сказать: напоролись прямо на алебарды.

Конрад

Слава сомнительная, ручаюсь тебе. Ладно, мы повинуемся.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната Геро.

Входят Геро, Маргарита и Урсула.

Геро

Милая Урсула, разбуди кузину Беатриче и скажи ей, что пора вставать.

Урсула

Слушаюсь, синьора.

Геро

Да попроси ее прийти сюда.

Урсула

Будет исполнено.

Уходит.

Маргарита

Право, мне кажется, что другой воротник будет лучше.

Геро

Оставь, дорогая Маргарита, я надену этот.

Маргарита

Уверю вас, этот не так красив; ручаюсь, что и кузина наша то же скажет.

Геро

Кузина моя — дурочка, и ты тоже. Не надену никакого другого.

Маргарита

Ваша новая накладка мне ужасно нравится; вот только волосы должны были бы быть чуточку потемнее. А фасон вашего платья, право, замечательный! Я видела платье герцогини Миланской, которое так расхваливают.

Геро

Говорят, что-то необыкновенное.

Маргарита

Честное слово, в сравнении с вашим — просто ночной капот! Золотая парча с отделкой и с серебряным кружевом,

усыпано жемчугом, верхние рукава, нижние рукава, круглая баска на голубоватой подкладке; но что касается тонкости, красоты и изящества фасона, так ваше в десять раз лучше.

Г е р о

Дай бог, чтобы мне в нем было радостно! У меня ужасно тяжело на сердце.

М а р г а р и т а

Скоро станет еще тяжелее: мужчина ведь весит.

Г е р о

Фи, как тебе не стыдно!

М а р г а р и т а

Чего же мне стыдиться? Что я высказываю честные мысли? Разве брак не честное дело, даже для нищего? И разве ваш повелитель не честный человек, даже и без свадьбы? Вам, верно, хотелось бы, чтобы я сказала: «С вашего разрешения, ваш муж»? Мои слова надо понимать без задней мысли. Я никого не хотела обидеть. Что плохого, если сказать: «Ваш муж весит»? По-моему, ничего, если речь идет о законном муже и законной жене; иначе это было бы не тяжело, а совсем легко. Спросите хоть синьору Беатриче; да вот она сама идет сюда.

Входит Б е а т р и ч е.

Г е р о

С добрым утром, кузина.

Б е а т р и ч е

С добрым утром, милая Геро.

Г е р о

Что с тобой? Отчего у тебя такой унылый тон?

Б е а т р и ч е

Вероятно, я потеряла всякий другой тон.

М а р г а р и т а

Затяните тогда «Свет любви». Его поют без припева. Вы пойте, а я попляшу.

Б е а т р и ч е

Да, «Свет любви» — это как раз тебе подходит. Найдись только для тебя муж — о приплоде уж ты позаботишься.

М а р г а р и т а

Какие вы ужасные вещи говорите! Делаю вид, будто их не слыхала.

Б е а т р и ч е

Скоро пять часов, кузина: тебе пора уже быть готовой. Я прескверно себя чувствую. Ох-хо-хо!

М а р г а р и т а

О чем этот вздох? О соколе, о скакуне или о супруге?

Б е а т р и ч е

О букве «С», с которой начинаются все эти слова.

М а р г а р и т а

Ну если вы не стали вероотступницей, так больше нельзя держать путь по звездам²⁶.

Б е а т р и ч е

На что эта дурочка намекает, скажите?

М а р г а р и т а

Я? Ни на что. Пошли, господа, каждому исполнение его желаний!

Г е р о

Вот перчатки, которые мне прислал граф: как они чудно пахнут!

Б е а т р и ч е

У меня нос заложило, кузина, совсем дышать не могу: такая тяжесть!

М а р г а р и т а

Девушка — и отяжелела! Видно, основательно простудились.

Б е а т р и ч е

Милостивый боже! С каких пор это ты принялась за остроты?

М а р г а р и т а

С тех пор как вы их бросили. А разве остроумие ко мне так уж нейдет?

Б е а т р и ч е

Что-то не заметно его. Ты бы его к чепцу приколола. Право, я совсем больна.

М а р г а р и т а

Возьмите настойку *Carduus benedictus*²⁷ и приложите к сердцу. Это лучшее средство против тошноты.

Г е р о

Уколола, как чертополохом.

Б е а т р и ч е

Benedictus! Почему Benedictus? На что ты намекаешь?

М а р г а р и т а

Намекаю? И не думаю намекать. Я просто говорила о целебном чертополохе. Вы, пожалуй, думаете, что я считаю вас влюбленной? О нет, клянусь, я не так глупа, чтобы думать все, что мне вздумается, и не хочу думать того, что мне может вздуматься, да и вообще не могу подумать, — хоть и не знаю, до чего бы додумалась, — что вы влюблены, или будете влюблены, или можете быть влюблены. Хотя вот Бенедикт был совсем вроде вас, — а теперь все же стал настоящим мужчиной. Он клялся, что ни за что никогда не женится, — а теперь, хоть и не по сердцу, кушает свою порцию и не поморщится. Можете ли вы также перемениться — не знаю; но, по-моему, вы стали смотреть такими же глазами, как все другие женщины.

Б е а т р и ч е

Ох какую прыть твой язычок развил!

М а р г а р и т а

Да, но мимо цели не проскачет.

Входит У р с у л а.

У р с у л а

Синьора, приготовьтесь. Принц, граф, синьор Бенедикт, дон Хуан и все городские кавалеры собрались, чтобы проводить вас в церковь.

Г е р о

Помогите мне одеться, милая кузина, милая Маргарита, милая Урсула.

СЦЕНА 5

Другая комната в доме Леонато.

Входят Леонато, Кизил и Булава.

Леонато

Чего вы от меня хотите, почтенный сосед?

Кизил

Да вот, синьор, мне бы с вами маленькую конфиденцию: дело вас касается...

Леонато

Только покороче, прошу вас. Сейчас время для меня очень хлопотливое.

Кизил

Вот уж правда, время такое, синьор.

Булава

Что верно, то верно: такое время.

Леонато

Так в чем же дело, друзья?

Кизил

Кум Булава, синьор, порасскажет вам кое-что. Человек он старый, разум у него уж не такой острый, как бы мне, с божьей помощью, того хотелось бы. Но, даю слово, человек он честный, с головы до пят.

Булава

Да, благодарение богу, человек я честный: любого старика возьмите — честнее меня не будет.

Кизил

Сравнения тут ни при чем: поменьше слов, кум Булава.

Леонато

Какие вы, однако, канительщики, братцы!

Кизил

Вашей чести угодно нас так называть, хотя мы всего лишь смиренные принцезы слуги. Однако скажу по совести: будь у меня этой канители столько, сколько у короля, я всю бы ее предоставил вашей чести.

Л е о н а т о

Всю канитель — мне? Ого!

К и з и л

Да, и будь ее даже на тысячу фунтов больше, потому что у вас в городе такая превосходная р е п е т и ц и я, как мало у кого. И хоть я маленький человек, а рад это слышать.

Б у л а в а

Также и я.

Л е о н а т о

Но я хотел бы знать, что вы имеете мне сообщить.

Б у л а в а

Так что, ваша милость, наша стража нынче ночью — не при вас будь сказано — изловила парочку таких мошенников, каких в Мессине еще не видывали.

К и з и л

Добрейший старик, синьор, любит потолковать. Как говорит, старость в двери — ум за двери. Господи прости, много чего на своем веку видывал. — Правильно сказано, кум Булава, правильно, — божий ты человек! А все-таки, если двое на одной лошади едут, так кому-нибудь приходится сидеть позади. — Честнейшая душа, ваша милость, честью клянусь: мало таких найдется из тех, что хлеб жуют. Но, благодарение богу, не все люди бывают одинаковы. Так-то, соседushка.

Л е о н а т о

Действительно, братец, ему за тобой не угнаться.

К и з и л

Это уж божий дар.

Л е о н а т о

Я должен оставить вас.

К и з и л

Одно словечко, ваша милость: наша стража действительно задержала две о б о з р и т е л ь н ы х личности, и мы хотели бы их нынче утром допросить в присутствии вашей милости.

Л е о н а т о

Допросите их сами и принесите мне потом протокол. Я сейчас очень занят, вы сами видите.

К и з и л

Всё исполним в аккуратности.

Л е о н а т о

Выпейте по стакану вина перед уходом. Прощайте.

Входит слуга.

С л у г а

Ваша милость, вас ждут, чтобы вы вручили вашу дочь жениху.

Л е о н а т о

Иду-иду. Я готов.

Леонато и слуга уходят.

К и з и л

Сходи, кум, за Франсисом Угольком, вели ему принести в тюрьму перо и чернильницу: мы там учиним допрос этим молодчикам.

Б у л а в а

Это нужно сделать умненько.

К и з и л

Да уж ума не пожалею, ручаюсь тебе. *(Показывая на голову.)* Здесь хватит, чтобы загнать их в тупик. Только приведи ученого писца, чтобы записать всю эту э к с к о м - м у н и к а ц и ю. Встретимся в тюрьме.

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Внутренность церкви.

Входят дон Педро, дон Хуан, Леонато, монах,
Клавдио, Бенедикт, Геро, Беатриче и другие.

Леонато

Покороче, отец Франциск. Совершите только свадебный обряд, а наставление об их обязанностях вы прочтете потом.

Монах
(к Клавдио)

Вы пришли, синьор, затем, чтобы заключить брачный союз с этой девушкой?

Клавдио

Нет.

Леонато

Он пришел, чтобы вступить в брачный союз, а уж заключите его вы, отец Франциск.

Монах
(к Геро)

Вы пришли сюда, синьора, затем, чтобы вступить в брачный союз с графом?

Геро

Да.

М о н а х

Если кому-либо из вас известны тайные препятствия к заключению этого союза, ради спасения ваших душ предписываю вам открыть их.

К л а в д и о

Известно вам какое-нибудь препятствие, Геро?

Г е р о

Нет, мой супруг.

М о н а х

А вам, граф?

Л е о н а т о

Решусь ответить за него: нет.

К л а в д и о

О, на что только не решаются люди! На что только они не дерзают! Чего только они не делают каждодневно, сами не зная, что они делают!

Б е н е д и к т

Это еще что за междометия? Можно бы найти и повеселее, например: ха-ха-ха!

К л а в д и о

Постой, монах. — Отец, прошу ответить:
Вы с легкою душой и добровольно
Мне отдаете в жены вашу дочь?

Л е о н а т о

Да, сын мой, как ее господь мне дал.

К л а в д и о

А чем вам отплачу? Какой ценою —
За этот щедрый, драгоценный дар?

Д о н П е д р о

Ничем. Вернув ее обратно разве.

К л а в д и о

Принц! Благодарности учусь у вас. —
Возьмите ж дочь обратно, Леонато.
Гнилым плодом не угощайте друга:
Ее невинность — видимость, обман.

Смотрите: покраснела, как девица!
О, как искусно, как правдоподобно
Скрывать себя умеет хитрый грех!
Не знак ли добродетели чистейшей
Румянец этот? Кто бы не поклялся
Из всех вас здесь, что девушка она,
Судя по виду? Но она не дева.
Она познала ложа страстный жар.
Здесь краска не стыдливости — греха.

Л е о н а т о

Что это значит, граф?

К л а в д и о

Что не женюсь я
И душу не свяжу с развратной тварью.

Л е о н а т о

О, дорогой мой граф, когда вы сами
Над юностью победу одержали
И погубили девственность ее...

К л а в д и о

Я знаю, вы сказать хотите: если
Я ею овладел, то потому лишь,
Что видела она во мне супруга,
Грех предвосхищенный смягчая тем...
Нет, Леонато;
Ее не соблазнял я даже словом,
Но ей выказывал, как брат сестре,
Любви безгрешной искренность и робость.

Г е р о

Когда-либо иной я вам казалась?

К л а в д и о

«Казалась»? Постыдись! Я так сказал бы:
Ты кажешься Дианою небесной
И чище нерасцветшего цветка;
Но в страсти ты несдержанней Венеры
И хуже, чем пресытившийся зверь,
Что бесится в животном сладострастье.

Г е р о

Здоров ли граф? Он говорит так странно.

К л а в д и о

Что ж вы молчите, принц?

Д о н П е д р о

Что я скажу?

Я честь свою тем запятнал, что друга
Хотел связать с развратницей публичной.

Л е о н а т о

Что слышу я? Иль это снится мне?

Д о н Х у а н

Нет, это явь, и слышите вы правду.

Б е н е д и к т

(в сторону)

Здесь свадьбою не пахнет!

Г е р о

Правду? Боже!

К л а в д и о

Я ль это, Леонато?

А это принц? А это — брат его?

А это — Геро? Не обман ли зренья?

Л е о н а т о

Все это так; но что же из того?

К л а в д и о

Один вопрос задать хочу я Геро;

А вы священной отцовской властью

Ей прикажите нам ответить правду.

Л е о н а т о

Дитя мое, я требую всей правды.

Г е р о

О господи, спаси! Какая мука!

Что надо вам? Зачем такой допрос?

К л а в д и о

Чтоб честно вы назвали ваше имя.

Г е р о

Или оно не Геро? Это имя
Кто может очернить?

К л а в д и о

Сама же Геро
Невинность Геро может очернить.
Какой мужчина с вами говорил
У вашего окна вчера за полночь?
Когда вы девушка, ответьте нам.

Г е р о

Я в этот час ни с кем не говорила.

Д о н П е д р о

Так вы не девушка! — О Леонато,
Мне жаль вас, но, клянусь моею честью,
Я сам, мой брат и бедный граф видали
И слышали средь ночи, как она
С каким-то проходимцем говорила,
Который, как завзятый негодяй,
Припоминал позорную их связь
И тайные свиданья.

Д о н Х у а н

Стыд! Их речи

Нельзя ни повторить, ни передать;
Чтоб выразить их, слух не оскорбляя,
Нет слов хоть сколько-нибудь скромных. — Грустно,
Красавица, что так порочна ты.

К л а в д и о

О Геро! Что за Геро ты была бы,
Когда бы вполовину так прекрасна
Была душой и сердцем, как лицом!
Прощай! Ты хуже всех — и всех прекрасней!
Невинный грех и грешная невинность!
Из-за тебя замкну врата любви,
Завешу взоры черным подозреньем,
Чтоб в красоте лишь зло предполагать
И никогда в ней прелести не видеть.

Л е о н а т о

Кто даст кинжал мне, чтоб с собой покончить?

Геро лишается чувств.

Б е а т р и ч е

Ты падаешь, кузина? Что с тобой?

Д о н Х у а н

Уйдем! Разоблачение этих дел
Сразило дух ее.

Дон Педро, дон Хуан и Клавдио уходят.

Б е н е д и к т

Что с Геро?

Б е а т р и ч е

Умерла? На помощь, дядя!
О Геро! — Дядя! — Бенедикт! — Отец!

Л е о н а т о

О рок, не отклоняй десницы тяжелой!
Смерть — лучший для стыда ее покров,
Какой желать возможно.

Б е а т р и ч е

Геро, Геро!

М о н а х

Утешься, Беатриче.

Л е о н а т о

Что? Очнулась?

М о н а х

А почему же не очнуться ей?

Л е о н а т о

Как — почему? Да разве все живое
Ей не кричит: «позор»? Ей не отвергнуть
Того, в чем обличил ее румянец. —
Не открывай глаза для жизни, Геро!
О, если бы я знал, что не умрешь ты,
Что дух твой может пережить позор, —
Тебя убил бы я своей рукою!
А я жалел, что дочь одну имею!
Я сетовал на скупость сил природы!
О, слишком много и тебя одной!
Зачем ты мне прекрасною казалась?
Зачем я милосердною рукою
Не подобрал подкидыша у двери?

Пусть запятнал бы он себя позором, —
Я б мог сказать: «Здесь нет моей вины.
Позор его — позор безвестной крови».
Но ты — моя, моя любовь, и радость,
И гордость. Ты моя, моя настолько,
Что сам я не себе принадлежал,
Скорей тебе, — и вот свалилась в яму
Столь черной грязи, что в безбрежном море
Не хватит капель, чтоб тебя отмыть,
Ни соли, чтоб от порчи уберечь
Гнилую плоть!

Б е н е д и к т

Прошу вас, успокойтесь.
Что до меня, я так всем поражен...
Не знаю, что сказать.

Б е а т р и ч е

Клянусь душой, сестру оклеветали.

Б е н е д и к т

Вы прошлой ночью спали вместе с ней?

Б е а т р и ч е

Не с нею, нет. Но до последней ночи
Я вместе с нею целый год спала.

Л е о н а т о

Так-так! Еще сильнее подтвердилось
То, что и без железа тверже.
Солгут ли принцы? И солжет ли граф,
Любивший так, что омывал слезами
Ее позор. Уйдите! Пусть умрет.

М о н а х

Послушайте меня.
Недаром я молчал, предоставляя
Всему своим свершаться чередом.
Я наблюдал за ней, и я заметил,
Как часто краска ей в лицо кидалась,
Как часто ангельскою белизной
Невинный стыд сменял в лице румянец.
Огонь, в глазах ее сверкавший, мог бы
Сжечь дерзкие наветы на ее
Девичью честь. Глупцом меня зовите,

Не верьте наблюдениям моим,
Что опыта печатью подтверждают
Мою ученость книжную; не верьте
Моим летам, ни званию, ни сану —
Когда не злостной сражена ошибкой
Девушка милая.

Л е о н а т о

Не может быть!

Ты видишь сам: лишь тем свой грех смягчая,
Она его не хочет ложной клятвой
Отягощать. Она не отрицает!
Зачем прикрыть ты хочешь извиненьем
То, что предстало в полной наготе?

М о н а х

Кто тот, с кем вас в сношеньях обвиняли?

Г е р о

Кто обвинял, тот знает; я не знаю.
И если с кем-нибудь была я ближе,
Чем допускает девичья стыдливость,
Пускай господь мне не простит грехов!
Отец мой, докажи, что я с мужчиной
Вела беседу в неурочный час,
Что этой ночью тайно с ним встречалась, —
Гони меня, кляни, пытай до смерти!

М о н а х

В каком-то странном заблужденье принцы.

Б е н е д и к т

Двоим из них присуще чувство чести,
И, если кто-нибудь их ввел в обман, —
Тут происки проклятого бастарда:
Ему бы только подлости творить.

Л е о н а т о

Не знаю. Если есть в словах их правда,
Убью ее своей рукой; но если
Ее оклеветали, то, поверьте,
Я проучу наглешего из них.
Года во мне не иссушили крови,
Не выела во мне рассудка старость,
Судьба меня богатства не лишила,

Превратности не отняли друзей.
В злой час для наших недругов найдутся
И руки сильные, и разум ясный,
И средства, и подмога от друзей,
Чтоб рассчитаться с ними.

М о н а х

Подождите:

Я в этом деле вам подам совет.
Ведь принцы вашу дочь сочли умершей:
Так вот ее от всех на время скройте
И объявите, что она скончалась,
И, соблюдая траур показной,
На родовом старинном вашем склепе
Повесьте эпитафии, свершив
Пред этим похоронные обряды.

Л е о н а т о

Зачем? К чему все это поведет?

М о н а х

К тому, что клеветавшие на Геро
Раскаются тогда: и то уж благо.
Но не о том мечтал я, замышляя
Свой необычный план: чреват он бóльшим.
Узнавши с ваших слов, что умерла
Она под гнетом тяжких обвинений,
Жалеть ее, оплакивать все станут,
Оправдывать. Ведь так всегда бывает:
Не ценим мы того, что мы имеем,
Но, стоит только это потерять,
Цены ему не знаем и находим
В нем качества, которых не видали
Мы прежде. Вот и с Клавдио так будет:
Узнав, что он своим жестоким словом
Убил ее, в своем воображенье
Он в ней увидит прежний идеал.
Все, что в ней было милого, живого,
Каким-то новым светом облечется,
Прелестнее, нежнее, полнее жизни
В глазах его души, чем это было
При жизни Геро. Если он любил,
Оплакивать тогда он станет,
Жалеть о том, что обвинил ее, —
Хотя б еще в ее виновность верил.

Устроим так, и верьте мне: успех
Прекрасней увенчает наше дело,
Чем я могу представить вам сейчас.
Но если бы я даже ошибался,
То слух о смерти Геро заглушит
Молву о девичьем ее бесчестье;
А в худшем случае он вам поможет
Укрыть ее поруганную честь
В каком-нибудь монастыре, подальше
От глаз, от языков и от обид.

Б е н е д и к т

Послушайтесь монаха, Леонато.
Хотя, как вам известно, близок я
И Клавдио и принцу и люблю их,
Но я клянусь быть с вами заодно,
Как заодно ваш дух и ваше тело.

Л е о н а т о

Я так сейчас тону в потоке горя,
Что за соломинку готов схватиться.

М о н а х

Я рад согласью вашему. Итак,
Каков недуг, такое и лечение.

(К Геро.)

Умри, чтоб жить! И, может быть, твой брак
Отсрочен лишь. Мужайся и — терпенье.

Все, кроме Бенедикта и Беатриче, уходят.

Б е н е д и к т

Синьора Беатриче, вы все это время плакали?

Б е а т р и ч е

Да, и еще долго буду плакать.

Б е н е д и к т

Я не желал бы этого.

Б е а т р и ч е

И не к чему желать: я и так плачу.

Б е н е д и к т

Я вполне уверен, что вашу прекрасную кузину оклеветали

Б е а т р и ч е

Ах, что бы я дала тому человеку, который доказал бы ее невинность!

Б е н е д и к т

А есть способ оказать вам эту дружескую услугу?

Б е а т р и ч е

Способ есть, да друга нет.

Б е н е д и к т

Может за это дело взяться мужчина?

Б е а т р и ч е

Это мужское дело, да только не ваше.

Б е н е д и к т

Я люблю вас больше всего на свете. Не странно ли это?

Б е а т р и ч е

Странно, как вещь, о существовании которой мне неизвестно. Точно так же и я могла бы сказать, что люблю вас больше всего на свете. Но мне вы не верьте, хотя я и не лгу. Я ни в чем не признаюсь, но и ничего не отрицаю. Я горюю о своей кузине.

Б е н е д и к т

Клянусь моей шпагой, Беатриче, ты любишь меня!

Б е а т р и ч е

Не клянитесь шпагой, лучше проглотите ее.

Б е н е д и к т

Буду клясться ею, что вы меня любите, и заставлю проглотить ее того, кто осмелится сказать, что я вас не люблю.

Б е а т р и ч е

Не пришлось бы вам проглотить эти слова!

Б е н е д и к т

Ни под каким соусом! Клянусь, что я люблю тебя.

Б е а т р и ч е

Да простит вам господь!

Б е н е д и к т

Какой грех, прелестная Беатриче?

Б е а т р и ч е

Вы вовремя перебили меня: я уж готова была поклясться, что люблю вас.

Б е н е д и к т

Сделай же это от всего сердца.

Б е а т р и ч е

Сердце все отдано вам: мне даже не осталось, чем поклясться.

Б е н е д и к т

Прикажи мне сделать что-нибудь для тебя.

Б е а т р и ч е

Убейте Клавдио!

Б е н е д и к т

Ни за что на свете!

Б е а т р и ч е

Вы убиваете меня вашим отказом. Прощайте.

Б е н е д и к т

Постойте, милая Беатриче...

Б е а т р и ч е

Я уже ушла, хоть я и здесь. В вас нет ни капли любви. Прошу вас, пустите меня!

Б е н е д и к т

Беатриче!

Б е а т р и ч е

Нет-нет, я ухожу.

Б е н е д и к т

Будем друзьями.

Б е а т р и ч е

Конечно, безопаснее быть моим другом, чем сражаться с моим врагом.

Б е н е д и к т

Но разве Клавдио твой враг?

Б е а т р и ч е

Разве он не доказал, что он величайший негодяй, тем, что оклеветал, отвергнул и опозорил мою родственницу? О, будь я мужчиной! Как! Носить ее на руках, пока не добился ее руки, и затем публично обвинить, явно оклеветать с неудержимой злобой! О боже, будь я мужчиной! Я бы съела его сердце на рыночной площади!

Б е н е д и к т

Выслушайте меня, Беатриче...

Б е а т р и ч е

Разговаривала из окна с мужчиной! Славная выдумка!

Б е н е д и к т

Но, Беатриче...

Б е а т р и ч е

Милая Геро! Ее оскорбили, оклеветали, погубили!

Б е н е д и к т

Беат...

Б е а т р и ч е

Принцы и графы! Поистине, рыцарский поступок! Настоящий граф! Сахарный графчик! Уж именно, сладкий любовник! О, будь я мужчиной, чтобы проучить его! Или имей я друга, который выказал бы себя мужчиной вместо меня! Но мужество растаяло в любезностях, доблесть — в комплиментах, и мужчины превратились в сплошное пустословие и краснбайство. Теперь Геркулес тот, кто лучше лжет и клянется. Но раз по желанию я не могу стать мужчиной, мне остается лишь с горя умереть женщиной.

Б е н е д и к т

Постой, дорогая Беатриче. Клянусь моей рукой, я люблю тебя.

Б е а т р и ч е

Найдите вашей руке, из любви ко мне, лучшее применение, чем клятвы.

Б е н е д и к т

Убеждены ли вы в том, что граф Клавдио оклеветал Геро?

Б е а т р и ч е

Убеждена, как в том, что у меня есть душа и убеждения.

Б е н е д и к т

Довольно; обещаю вам, что пошлю ему вызов. Целую вашу руку и покидаю вас. Клянусь моей рукой, Клавдио дорого мне заплатит. Судите обо мне по тому, что обо мне услышите. Идите утешьте вашу кузину. Я буду всем говорить, что она умерла. Итак, до свиданья.

Уходят.

СЦЕНА 2

Тюрьма.

Входят Кизил, Булава и протоколист в судейских мантиях; стража вводит Конрада и Борачио.

К и з и л

Вся диссамблея в сборе?

Б у л а в а

Эй, табурет и подушку для писца.

П р о т о к о л и с т

Где тут злоумышленники?

К и з и л

Так что я и мой приятель.

Б у л а в а

Так-так, правильно: мы должны произвести экзаминацию.

П р о т о к о л и с т

Да нет, где обвиняемые, с которых будут снимать показание? Пусть они подойдут к старшему из вас.

К и з и л

Да, понятно, пусть они ко мне подойдут. — Как тебя зовут, приятель?

Б о р а ч и о

Борачио.

К и з и л

Запишите, пожалуйста: Борачио. — А тебя как звать, малый?

К о н р а д

Я дворянин, сударь, и мое имя — Конрад.

К и з и л

Запишите: дворянин Конрад. — Веруете ли вы в бога, господа?

К о н р а д и Б о р а ч и о

Да, сударь, надеемся, что так.

К и з и л

Запишите: надеются, что веруют в бога. Да поставьте бога на первом месте: упаси боже поставить бога после таких мерзавцев! — Ну, судари мои, уже доказано, что вы немногим лучше мошенников, и вскорости все в этом убедятся. Что вы о себе скажете?

К о н р а д

Что мы вовсе не мошенники, сударь.

К и з и л

Удивительно хитрый малый, честное слово! Но я с ним справлюсь. — Подойдите-ка вы поближе. Словечко вам на ушко, сударь: говорю вам — утверждают, что вы мошенники.

Б о р а ч и о

А я утверждаю, что мы не мошенники.

К и з и л

Ладно, отойдите в сторонку. — Ей-богу, они сговорились. Записали вы, что они не мошенники?

П р о т о к о л и с т

Господин пристав, вы неправильно ведете допрос: вы должны вызвать сторожей, которые являются обвинителями.

К и з и л

Ну, конечно, это самый лучший способ. Пусть подойдет стража. Ребята, именем принца приказываю вам: обвиняйте этих людей.

П е р в ы й с т о р о ж

Вот этот человек, сударь, говорил, что дон Хуан, принцев брат,— подлец.

К и з и л

Запишите: принц дон Хуан — подлец. Да ведь это подлинное к л я т в о п р е с т у п л е н и е — принцева брата назвать подлецом!

Б о р а ч и о

Господин пристав...

К и з и л

Сделай милость, помолчи, милейший; право, мне твоя физиономия не нравится.

П р о т о к о л и с т

Что он еще говорил?

В т о р о й с т о р о ж

Что он получил от дона Хуана тысячу дукатов, чтобы ложно обвинить синьору Геро.

К и з и л

Чистейший грабеж, который можно себе представить!

Б у л а в а

Клянусь обедней, верно!

П р о т о к о л и с т

Еще что?

П е р в ы й с т о р о ж

Что граф Клавдио, поверив его словам, решил осрамить Геро при всем честном народе и отказаться от женитьбы на ней.

К и з и л

Ах, мерзавец! Ты будешь за это осужден на вечное и с к у п л е н и е.

П р о т о к о л и с т

Еще что?

В т о р о й с т о р о ж

Это всё.

П р о т о к о л и с т

Всего этого более чем достаточно, и никакие отпирательства, братцы, вам уже не помогут. Дон Хуан сегодня утром тайно бежал. Геро была по указанной причине обвинена, отвергнута и скоропостижно умерла от потрясения. Господин пристав, велите связать этих молодцов и отвести их к синьору Леонато. Я пойду вперед и ознакомлю его с протоколом допроса.

(Уходит.)

К и з и л

Мы с ними живо управимся.

Б у л а в а

Связать их!

К о н р а д

Прочь, болван!

К и з и л

Господи боже мой! Где протоколист? Пусть запишет: принцев слуга — болван! Вяжите их! Ах ты, жалкий мошенник!

К о н р а д

Убирайся прочь, осел! Осел!

К и з и л

Как! Никакого п о д о з р е н и я к моему чину! Никакого п о д о з р е н и я к моему возрасту! Ах, будь здесь протоколист, чтобы записать, что я осел! Но хоть это и не записано, не забудьте, что я осел! — Ты, негодяй, хоть и полон п о ч т е н и я, а свидетели на тебя найдутся. Я парень не дурак, да подымай выше — принцев слуга, да подымай выше — отец семейства, да подымай выше — не хуже кого другого во всей Мессине. И законы я знаю — вот как! И денег у меня довольно — вот как! И д е ф е к т о в у меня сколько хочешь — вот как! Да у меня два мундира, да и всё у меня в порядке — вот как! — Ведите его! Экая досада: не успели записать, что я осел!

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Перед домом Леонато.

Входят Леонато и Антонио.

А н т о н и о

Таким путем ты сам себя убьешь!
Разумно ли так поддаваться горю
Во вред себе?

Л е о н а т о

Прошу, оставь советы.
Они проходят через слух бесследно,
Как в решете вода. Оставь советы!
Меня утешить мог бы только тот,
Чьи горести совпали бы с моими,
Дай мне отца, чтоб так же дочь любил,
Чью радость так же вырвали б жестоко, —
И пусть он говорит мне о терпенье.
Измерь его страданья по моим,
И, если между ними нет различья
И скорбь его точь-в-точь моей равна
Во всех чертах, и образах, и видах,
И, если он с усмешкой, вместо вздоха,
«Прочь горе!» крикнет, бороду погладив,
Остротами заштопав грудь, пропьет
С кутилами беду, — дай мне его —
И от него я научусь терпению.
Но нет такого человека, брат!
Советовать умеет каждый в горе,
Которого еще не испытал.

В беде же сам совет на ярость сменит,
Кто от нее прописывал лекарства,
Хотел связать безумье шелковинкой
И сердца боль заговорить словами.
Нет, нет! Всегда советуют терпеть
Тем, кто под тяжким грузом скорби гнется.
Но смертным не дано ни сил, ни власти
Свои советы на себе проверить,
Когда беда у них. Оставь советы!
Сильней, чем увещанья, боль кричит.

А н т о н и о

Так в чем ребенок разнится от мужа?

Л е о н а т о

Прошу, молчи. Я только плоть и кровь.
Такого нет философа на свете,
Чтобы зубную боль сносил спокойно, —
Пусть на словах подобен он богам
В своем презренье к бедам и страданиям.

А н т о н и о

Но не бери всю тяжесть на себя:
Обидчики пусть тоже страдают.

Л е о н а т о

Вот тут ты прав. Я так и поступлю.
Мне сердце говорит — невинна Геро;
И это должен Клавдио узнать,
И принц, и все, кто дочь мою позорил.

Входят дон Педро и Клавдио.

А н т о н и о

Вот принц и Клавдио спешат сюда.

Д о н П е д р о

День добрый.

К л а в д и о

Добрый день вам, господа

Л е о н а т о

Послушайте...

Д о н П е д р о

Спешим мы, Леонато.

Л е о н а т о

Спешите, принц? Желаю вам' удачи.
Вы так спешите? Что же, все равно.

Д о н П е д р о

Не затевайте ссор, старик почтенный.

А н т о н и о

Когда бы ссорой мог помочь он делу,
Один из нас лежал бы мертвым здесь.

К л а в д и о

Кто оскорбил его?

Л е о н а т о

Кто? Ты, притворщик!

Ты, ты. Да, нечего за меч хвататься.
Не испугаешь!

К л а в д и о

Пусть рука отсохнет,
Что старости бы стала угрожать.
Без умысла рука взялась за меч.

Л е о н а т о

Молчи, шутить со мной я не позволю!
Я не безумец и не враль пустой,
Чтоб, прикрываясь старости правами,
Хвалиться тем, что «в молодости делал»
Иль «сделал бы, не будь я стар». Но слушай:
Ты так меня и Геро оскорбил,
Что принужден я, сан мой забывая,
Мои седины и обиды лет,
Тебя на поединок вызывать. Знай:
Ты дочь мою безвинно опорочил,
И клевета пронзила сердце ей,
Она лежит теперь в гробнице предков,
Где никогда позор не почивал.
Ее ж позор ты создал подлой ложью.

К л а в д и о

Как! Я?

Л е о н а т о

Да, ты. Ты, говорю тебе!

Д о н П е д р о

Старик, неправда это.

Л е о н а т о

Принц, ту правду

Я докажу сейчас же, невзирая
На все его искусство в фехтованье,
На юность майскую и сил расцвет.

К л а в д и о

Довольно! Я с тобой не стану биться.

Л е о н а т о

Не ускользнешь! Ты дочь мою убил;
Убив меня — убьешь ты мужа, мальчик.

А н т о н и о

Обоих нас, мужей, убить он должен.
Но все равно! Я первым с ним дерусь.
Пусть победит меня, но мне ответит.
За мной, молокосос! Иди за мною!
Тебя хочу я отстегать, мальчишка, —
Да, слово дворянина, отстегать!

Л е о н а т о

Мой брат...

А н т о н и о

Молчи. Бог видит, как любил я Геро!
Она мертва, убита подлецами,
Которые так жаждут поединка,
Как жажду я змею схватить за жало,
Мальчишки, хвастуны, молокососы!

Л е о н а т о

Антонио...

А н т о н и о

Молчи. О, я их знаю
И цену им. Я вижу их насквозь:
Лгуны, буяны, франты, пустоцветы,
Что только лгут, язвят, клеветуют, льстят,
Кривляются, десятком страшных слов
И грозным видом запугать хотели б
Своих врагов, когда бы лишь посмели, —
Вот и всего.

Л е о н а т о

Но, брат Антонио...

А н т о н и о

Не в этом дело.

Ты не мешайся; предоставь мне все.

Д о н П е д р о

Мы не хотим вас раздражать, синьоры.

Я всей душой скорблю о смерти Геро.

Но честью вам клянусь: ее вина

Доказана вполне и непреложно.

Л е о н а т о

Мой принц!..

Д о н П е д р о

Я вас не стану слушать

Л е о н а т о

Нет?

Пойдем же, брат: я слушать их заставляю.

А н т о н и о

Да; иль один из нас за то заплатит.

Леонато и Антонио уходят.

Входит Бенедикт.

Д о н П е д р о

Смотри, вот тот, кого искали мы.

К л а в д и о

Ну, синьор, что нового?

Б е н е д и к т

Добрый день, ваше высочество.

Д о н П е д р о

Привет, синьор. Вы пришли почти вовремя, чтобы раз-
ъ почти драку.

К л а в д и о

Нам чуть не откусили носов два беззубых старика.

Д о н П е д р о

Леонато и его брат. Что ты на это скажешь? Если бы
с ними сразились, боюсь, что мы оказались бы слиш-
ь молоды для них²⁸.

Б е н е д и к т

В несправедливой ссоре настоящей храбрости нет. Я искал вас обоих.

К л а в д и о

Мы сами тебя повсюду разыскивали. На нас напала ужасная меланхолия, и нам хотелось бы ее разогнать. Не поможешь ли нам своим остроумием?

Б е н е д и к т

Оно в моих ножнах. Прикажите его вытащить?

Д о н П е д р о

Разве ты носишь свое остроумие сбоку?

К л а в д и о

Этого еще никто не делал, хотя многим их остроумие вылезает боком. Мне хочется попросить тебя ударить им, как мы просим музыкантов ударить в смычки. Сделай милость, развлеки нас.

Д о н П е д р о

Клянусь честью, он выглядит бледным. — Ты болен или сердит?

К л а в д и о

Подбодрись, дружок! Хоть говорят, что забота и кошку уморить может, у тебя такой живой нрав, что ты можешь и заботу уморить.

Б е н е д и к т

Синьор, я ваши насмешки поймаю на полном скаку, если они ко мне относятся. Нельзя ли выбрать другую тему для разговора?

К л а в д и о

Так дайте ему другое копьё: он разломал свое на куски

Д о н П е д р о

Клянусь дневным светом, он все более меняется в лице. По-моему, он не на шутку сердит.

К л а в д и о

Если так, он знает, какую занять позицию.

Б е н е д и к т

Разрешите сказать вам словечко на ухо.

К л а в д и о

Не вызов ли, боже упаси?

Б е н е д и к т

(тихо, к Клавдио)

Вы негодяй. Я не шучу. Я готов подтвердить это где вам будет угодно, как вам будет угодно и когда вам будет угодно. Я требую удовлетворения, или я при всех назову вас трусом. Вы убили прелестную девушку, и смерть ее дорого обойдется вам. Жду вашего ответа.

К л а в д и о

(громко)

Я охотно принимаю ваше приглашение и рассчитываю, что вы хорошо меня угостите.

Д о н П е д р о

Что такое? Пирушка?

К л а в д и о

Да, я ему очень благодарен. Он приглашает меня на телячью голову и каплуна. И, если мне не удастся его разрезать как следует, можете считать, что мой нож никуда не годится. А не будет ли там еще вальдшнепа?

Б е н е д и к т

Ваше остроумие легко на ногу — бежит хорошей шпиходью.

Д о н П е д р о

Надо рассказать тебе, как на днях Беатриче расхваливала твое остроумие. Я сказал, что у тебя тонкий ум. «Верно, — говорит, — такой тонкий, что и не заметишь». — «Я хочу сказать, широкий ум». — «Да, — говорит, — плоскость необозримая». — «Я хочу сказать, приятный ум». — «Правильно, — говорит, — никого не обидит». — «Я хочу сказать, что он большой умница». — «Вот именно, — говорит, — ум за разум заходит». — «Он отлично владеет языками». — «Верно, — говорит, — он мне поклялся кое в чем понедельник вечером, а во вторник утром уже нарушил обещание. Он двуязычный человек, хорошо владеет двумя языками». Так она битый час выворачивала наизнанку твои достоинства; но в конце концов заявила со вздохом, что лучше тебя нет человека во всей Италии.

К л а в д и о

При этом горько заплакала и сказала, что ей нет до тебя дела.

Д о н П е д р о

Да, так оно и было. Но дело в том, что, если бы она не ненавидела его смертельно, она бы его страстно полюбила. Дочь старика нам все рассказала.

К л а в д и о

Решительно все. И то, как «бог видел его, когда он прятался в саду»²⁹.

Д о н П е д р о

Но когда же мы водрузим рога дикого быка на голову мудрого Бенедикта?

К л а в д и о

Да, и с надписью: «Здесь живет Бенедикт, женатый человек».

Б е н е д и к т

Прощай, мальчик. Ты понял меня. Предоставляю вас вашему болтливому настроению. Вы сыплете остротами, как хвастуны машут мечами, — не задевая, слава богу, никого. — Ваше высочество, я очень вам благодарен за ваши милости ко мне, но принужден оставить вас. Ваш побочный брат бежал из Мессины. Вы с ним сообща убили прелестную невинную девушку. А с этим молокососом мы еще встретимся. Пока желаю ему счастливо оставаться.

(Уходит.)

Д о н П е д р о

Он говорил серьезно.

К л а в д и о

Как нельзя более серьезно. Ручаюсь вам, что это из любви к Беатриче.

Д о н П е д р о

Он вызвал тебя на дуэль?

К л а в д и о

Без всяких околичностей.

Д о н П е д р о

Какая забавная штука — человек, когда он надевает камзол и штаны, а рассудок забывает дома!

К л а в д и о

Он ведет себя как великан перед мартышкой, а в сущности, перед таким человеком и мартышка — мудрец.

Д о н П е д р о

Но довольно! Надо собраться с мыслями и отнестись к делу серьезно. Он, кажется, сказал, будто мой брат скрылся?

Входят Кизил, Булава и стража с Конрадом
и Борачио.

К и з и л

Идем, идем, сударь. Если правосудие не справится с вами, так не вешать ему на своих весах ничего путного. Хоть вы и лицемер проклятый, вас уж там разберут.

Д о н П е д р о

Что это? Двое из приближенных моего брата связаны! И один из них — Борачио!

К л а в д и о

Спросите, за что их арестовали, ваше высочество.

Д о н П е д р о

Господа, в чем провинились эти люди?

К и з и л

Так что, сударь, они сделали ложный донос; кроме того, сказали неправду; во-вторых, оклеветали; в-шестых и последних, оболгали благородную девицу; в-третьих под-твердили неверные вещи; и, в заключение, они лгуны и мошенники.

Д о н П е д р о

Во-первых, я спрашиваю, что они сделали? В-третьих, я спрашиваю, в чем их вина? В-шестых и последних, за что они арестованы? И, в заключение, в чем их обвиняют?

К л а в д и о

Правильное рассуждение, по всем пунктам, честью клянусь, один и тот же вопрос в разных формах!

Д о н П е д р о

Что вы совершили, господа, что вас ведут связанными к допросу? Этот ученый пристав так хитроумен, что ничего не понять. В чем ваше преступление?

Б о р а ч и о

Добрый принц, не велите меня вести к допросу: выслушайте меня сами, и пусть граф убьет меня. Я обманул ваши собственные глаза. То, чего ваша мудрость не могла обнаружить, открыли эти круглые дураки. Сегодня ночью они подслушали, как я признавался вот этому человеку в том, что ваш брат дон Хуан подговорил меня оклеветать синьору Геро. Я рассказал ему, как вас привели в сад и вы там видели мое свидание с Маргаритой, одетой в платье Геро, как затем вы опозорили Геро в самый момент венчания. Моя подлость занесена в протокол. Но я охотнее запечатаю ее своей смертью, чем повторю рассказ о своем позоре. Девушка умерла от ложного обвинения, взведенного на нее мной и моим хозяином. Короче говоря, я не желаю ничего, кроме возмездия за мою низость.

Д о н П е д р о
(к Клавдио)

Он не вонзил ли сталь в тебя речами?

К л а в д и о

Внимая им, я выпил страшный яд.

Д о н П е д р о
(к Борачио)

Ужель мой брат толкнул тебя на это?

Б о р а ч и о

Да, и за труд он заплатил мне щедро.

Д о н П е д р о

В себе он вероломство воплощал
И, подлость эту совершив, бежал.

К л а в д и о

О Геро, вновь в душе воскрес твой образ
В той красоте, какую я любил!

К и з и л

Ну, уведите истцов! Теперь протоколист уже р е ф о р м и р о в а л обо всем синьора Леонато. А главное, господа, не забудьте подтвердить в надлежащее время и в надлежащем месте, что я — осел.

Б у л а в а

А вот идет и синьор Леонато с протоколистом.

Входят Леонато и Антонио с протоколистом.

Л е о н а т о

Где негодяй? Я на него взгляну,
Чтоб, встретивши такого же злодея,
Я мог поостеречься. Кто из них?

Б о р а ч и о

Хотите знать злодея? Он пред вами.

Л е о н а т о

Так это ты, подлец, убил словами
Невинное создание?

Б о р а ч и о

Я один.

Л е о н а т о

Нет, негодяй, ты на себя клеветешь.
Гляди: вот два почтенных человека,
А третий скрылся, — это дело их!
Спасибо, принцы, за убийство Геро.
Вы к вашим громким подвигам прибавьте
Еще и это славное деянье.

К л а в д и о

Не знаю, как просить вас о терпенье,
Но не могу молчать. Назначьте сами,
Какое вы хотите, искупленье
За этот грех, — хотя лишь тем я грешен,
Что заблуждался.

Д о н П е д р о

Как и я, клянусь.

Но, чтоб вину загладить перед старцем,
Приму любую тягостную кару,
Что он назначит мне.

Л е о н а т о

Я не могу вам повелеть, чтоб вы
Ожить велели ей: вы в том не властны.
Но я прошу вас огласить в Мессине,
Что умерла невинною она.
И, если даст любовь вам вдохновенье,
Ее почтите надписью надгробной:
Пусть в эту ночь она звучит как гимн.
А завтра утром я вас жду к себе.

И, если не могли вы стать мне зятем,
Племянником мне будьте. Дочка брата —
Двойник покойной дочери моей.
Она наследница отца и дяди.
Отдайте ж ей, что назначалось Геро, —
И месть умрет.

К л а в д и о

Какое благородство!
Я тронут вашей добротой до слез.
Согласен я; во всем располагайте
Отныне бедным Клавдио.

Л е о н а т о

Так завтра утром жду обоих вас.
Пока — прощайте. Этого злодея
Сведем мы в очной ставке с Маргаритой:
Она замешана в позорном деле,
Подкуплена...

Б о р а ч и о

Нет, нет, клянусь душою,
Она не знала цели разговора,
Но честною была всегда и верной, —
Я в этом за нее ручаюсь вам.

К и з и л

Кроме того, сударь, хоть это и не занесено в протокол
б е л ы м п о - ч е р н о м у, но этот истец и обидчик на-
звал меня ослом. Прошу вас, пусть это припомнят, когда
будут назначать ему наказание. И еще: стража слышала,
как они толковали о некоем Фасоне. Говорят, он всегда но-
сит у уха камертон, ходит в локонах и у всех кланчит дене-
вые займы. И он так давно этим занимается, никогда не отла-
дая долгов, что люди очерствели душой и не хотят больше
давать ему денег займы во имя божие. Прошу вас допро-
сить его по этому пункту.

Л е о н а т о

Благодарю тебя за заботу и честный труд.

К и з и л

Ваша милость говорит как признательный и почтитель-
ный юноша, и я хвалю за вас бога.

Л е о н а т о

Вот тебе за труды.

К и з и л

Благослови, господи, вашу обитель³⁰.

Л е о н а т о

Ступай. Я снимаю с тебя надзор за арестованными. Благодарю тебя.

К и з и л

Поручаю этому отъявленному мерзавцу вашу милость. И прошу вашу милость: примерно накажите себя, другим в поучение. Спаси господи вашу милость. Желаю всякого благополучия вашей милости. Верни вам бог здравие. Имею честь уволить себя от вашего присутствия, а коли желательна приятная встреча, так с божьего н е д о з в о л е н и я.
— Идем, сосед!

Кизил, Булава и протоколист уходят.

Л е о н а т о

Итак, до завтра, господа. Прощайте!

А н т о н и о

Ждем утром вас. Прощайте, господа.

Д о н П е д р о

Придем.

К л а в д и о

Всю ночь скорбеть о Геро буду.

Д о н П е д р о и К л а в д и о уходят.

Л е о н а т о
(первому сторожу)

Ведите их. Допросим Маргариту,
Как с мерзким плутом сблизилась она.

Все уходят в разные стороны.

СЦЕНА 2

Сад Леонато.

Входят, навстречу друг другу, Б е н е д и к т и М а р г а р и т а.

Б е н е д и к т

Прошу тебя, милая Маргарита, сослужи мне службу: помоги мне поговорить с Беатриче.

М а р г а р и т а

А вы напишете за это сонет в честь моей красоты?

Б е н е д и к т

В таком высоком стиле, Маргарита, что ни один смертный не дотянется до него. Даю слово, ты вполне заслуживаешь этого.

М а р г а р и т а

Чтобы ни один смертный не дотянулся до меня? Неужели же мне век сидеть под лестницей?

Б е н е д и к т

Остроумие у тебя, что борзая: сразу хватает.

М а р г а р и т а

А ваше похоже на тупую рапиру: попадает, но не ранит.

Б е н е д и к т

Остроумие, подобающее мужчине: не хочет ранить даму. Так прошу тебя, позови Беатриче: я побежден и отдаю тебе щит.

М а р г а р и т а

Отдавайте нам мечи, — щиты у нас свои найдутся.

Б е н е д и к т

Если вы будете пускать в ход щиты, нам придется прибегнуть к пикам, а для девушек это небезопасно.

М а р г а р и т а

Так я сейчас позову к вам Беатриче. Полагаю, что ноги у нее есть.

Уходит.

Б е н е д и к т

Значит, она придет.

(Поет)

«О бог любви,
С небес взгляни.
Ты знаешь, ты знаешь,
Как слаб и жалок я...»

Я подразумеваю: в искусстве пения, потому что в смысле любви ни знаменитый пловец Леандр³¹, ни Трои³², первый, прибегший к сводникам, ни весь набор бывших щеголей, чьи имена так плавно катятся по гладкой дороге белых стихов, не терзался любовью так, как я, несчастный. Правда, ни рифмы я не мастер: бился, бился — ничего не мог подобрать к «прекрасная дама», кроме «папа и мама», — рифма слишком невинная: к «дорога» — кроме «рога», — рифма слишком опасная: к «мудрец» — кроме «глупец», — риф

ма слишком глупая. Вообще очень скверные окончания. Нет, я родился не под поэтической планетой и не способен любезничать в торжественных выражениях.

Входит Б е а т р и ч е.

Милая Беатриче, неужели ты пришла потому, что я позвал тебя?

Б е а т р и ч е

Да, синьор, и уйду по вашему приказанию.

Б е н е д и к т

О, оставайся до тех пор, пока...

Б е а т р и ч е

Вы уже сказали «до тех пор»: так прощайте! Впрочем, я не уйду, пока не получу того, зачем пришла: что было у нас с Клавдио?

Б е н е д и к т

Кроме бранных слов — ничего. По этому случаю я тебя поцелую.

Б е а т р и ч е

Слова — ветер, а бранные слова — сквозняк, который преден; поэтому я уйду без вашего поцелуя.

Б е н е д и к т

Ты не можешь не исказить прямого смысла слов: таково уж твое остроумие. Но я тебе скажу прямо: Клавдио принял мой вызов, и мы должны вскоре с ним встретиться — или я его ослаблю трусом. А теперь скажи, пожалуйста: за какой из моих недостатков ты влюбилась в меня?

Б е а т р и ч е

За все вместе. Они так искусно охраняют в вас владычество дурного, что не допускают никакой хорошей примеси. А теперь я спрошу: какое из моих достоинств заставило вас заболеть любовью ко мне?

Б е н е д и к т

Заболеть любовью? Отлично сказано: я действительно болен любовью, потому что люблю тебя вопреки моей воле.

Б е а т р и ч е

Значит, вопреки вашему сердцу? Увы, бедное сердце! Но, если вы ему противоречите из-за меня, я тоже хочу ему противоречить из-за вас. Я никогда не полюблю врага моего друга.

Б е н е д и к т

Мы с тобой слишком умны, чтобы любезничать мирно.

Б е а т р и ч е

Судя по этому признанию, вряд ли: ни один умный человек умом хвалиться не станет.

Б е н е д и к т

Старо, старо, Беатриче: это было верно во времена наших прабабушек. А в наши дни если человек при жизни не соорудит себе мавзолея, так о нем будут помнить, только пока колокола звонят да вдова плачет.

Б е а т р и ч е

А сколько же времени это длится, по-вашему?

Б е н е д и к т

Трудно сказать. Думаю так: часок на громкие рыдания и четверть часика на заплаканные глаза. Поэтому для умного человека — если только ее величество Совесть этому не препятствует — выгоднее всего самому трубить о своих достоинствах, как я это и делаю. Ну, довольно о похвалах мне, который — могу это засвидетельствовать — вполне достоин их. А теперь скажите мне, как себя чувствует ваша кузина?

Б е а т р и ч е

Очень плохо.

Б е н е д и к т

А вы?

Б е а т р и ч е

Тоже очень плохо.

Б е н е д и к т

Молитесь богу, любите меня и старайтесь исправиться. Теперь я с вами прощусь, потому что кто-то спешит сюда.

Входит Урсула.

У р с у л а

Синьора, пожалуйста скорее к дядюшке. У нас в доме страшный переполох. Стало известно, что синьору Гери ложно обвинили, принц и Клавдио были обмануты, а виновник всего, дон Хуан, бежал и скрылся. Идите скорее.

Б е а т р и ч е

Хотите пойти со мной, чтобы узнать, в чем дело?

Б е н е д и к т

Я хочу жить в твоём сердце, умереть у тебя на груди и
быть погребённым на дне твоих глаз; а кроме того, хочу
пойти с тобой к твоему дядюшке.

Уходят.

СЦЕНА 3

Церковь.

Входят дон Педро, Клавдио и трое или четверо
вельмож с факелами.

К л а в д и о

Так это — склеп фамильный Леонато?

Один из вельмож

Да, граф.

К л а в д и о

(читает по свитку)

«Убитой гнусной клеветой
Прекрасной Геро здесь могила.
В награду Смерть её покой
Бессмертной славой озарила,
И жизнь, покрытую стыдом,
Смерть явит в блеске неземном!»

(Прикрепляет свиток к гробнице.)

Вещайте здесь хвалу над нею,
Меж тем как в скорби я немею.

Теперь — торжественный начните гимн.

П е с н я

Богиня ночи, о, прости
Убийц твоей невинной девы!
К её могиле принести
Спешим мы скорбные напевы.
Ты, полночь, с нами здесь рыдай,
Наш стон и вздохи повторяй
Уныло, уныло.
Могила, милый прах верни!
Взываем в гробовой сени
Уныло, уныло.

К л а в д и о

Спи с миром! Буду я вперед
Свершать обряд здесь каждый год.

Д о н П е д р о

Уж близко утро — факелы гасите.
Замолкли волки: первый луч заря
Пред колесницей Феба шлет. Взгляните:
Спешит уж день, огнем восток пестря.
Благодарю вас всех; ступайте с богом.

К л а в д и о

Прощайте; расходитесь по домам.

Д о н П е д р о

Идем. Одежду сменим на другую
И — к Леонато, где с утра нас ждут.

К л а в д и о

Пошли ж нам, Гименей, судьбу иную,
Чем та, что мы оплакивали тут.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Бенедикт, Беатриче,
Маргарита, Урсула, монах и Геро.

М о н а х

Я говорил вам, что она невинна!

Л е о н а т о

Как невиновны Клавдио и принц;
Лишь по ошибке обвинили Геро.
Но Маргарита здесь не без вины,
Хотя и против воли, как нам ясно
Установил подробнейший допрос.

А н т о н и о

Я рад, что все окончилось удачно.

Б е н е д и к т

Я тоже. Иначе я должен был бы
Сразиться с Клавдио на поединке.

Л е о н а т о

Прекрасно. Дочь моя и все вы, дамы,
Пока в свои покои удалитесь.
Когда вас позовут, придите в масках.

Д а м ы уходят.

Л е о н а т о

(к Антонио)

И принц и Клавдио мне обещали
Прийти с утра. Ты знаешь роль свою:
Племяннице отцом на время станешь
И Клавдио отдашь в супруги.

А н т о н и о

Спокоен будь: я роль свою исполню.

Б е н е д и к т

Отец Франциск, мне вас просить придется...

М о н а х

О чем, мой сын?

Б е н е д и к т

Одно из двух: связать иль развязать.

(К Леонато.)

Синьор мой, наконец-то на меня
Взглянула благосклонно Беатриче.

Л е о н а т о

Ей одолжила дочь моя глаза.

Б е н е д и к т

И я ей отвечаю нежным взглядом.

Л е о н а т о

Которым вы обязаны как будто
Мне, Клавдио и принцу. В чем же дело?

Б е н е д и к т

Таит загадку ваш ответ, синьор.
Но к делу: дело в том, чтоб ваша воля
Совпала с нашей. Нас соедините
Сегодня узами святого брака, —
В чем, брат Франциск, нужна и ваша помощь.

Л е о н а т о

Согласен я.

М о н а х

И я готов помочь вам.

Вот принц и Клавдио.

Входят дон Педро, Клавдио и двое или трое вельмож.

Д о н П е д р о

Приветствую почтенное собрание.

Л е о н а т о

Привет, мой принц; и Клавдио, привет.
Мы ждали вас. Ну что же, вы решились
С племянницей моею обвенчаться?

К л а в д и о

Согласен, будь она хоть эфиопка.

Л е о н а т о

Брат, позови ее; свершим обряд.

А н т о н и о уходит.

Д о н П е д р о

День добрый, Бенедикт. Но что с тобою?
Ты смотришь февралем; морозом, бурей
И тучами лицо твоё мрачится.

К л а в д и о

Он вспоминает дикого быка.
Смелей! Твои рога позолотим мы —
И всю Европу³³ ты пленишь, как встарь
Европу бог Юпитер полонил,
Во образе быка явив свой пыл.

Б е н е д и к т

Тот бык мычать с приятностью привык.
Теленка дал подобный странный бык
Корове вашего отца, и, кстати, —
По голосу вы брат того теляти.

Входят Антонио и дамы в масках.

К л а в д и о

Ответ за мной, — сейчас не до того.
Которая ж из дам моя по праву?

А н т о н и о

Вот эта: я ее вручаю вам.

К л а в д и о

Она — моя? — Но дайте вас увидеть.

Л е о н а т о

О нет, пока не поклянетесь вы
Перед святым отцом с ней обвенчаться.

К л а в д и о

Так дайте руку: пред святым отцом
Я — ваш супруг, когда вам то угодно.

Г е р о

(снимая маску)

При жизни — ваша первая жена;
И вы — мой первый муж, пока любили.

К л а в д и о

Вторая Геро!

Г е р о

Истинно — вторая.

Та умерла запятнанной, а я
Живу и, так же как жива, невинна.

Д о н П е д р о

Та Геро! Та, что умерла!

Л е о н а т о

Она

Была мертва, пока жило злоречье.

М о н а х

Я разрешу вам все недоуменья,
Когда окончим мы святой обряд,
О смерти Геро рассказав подробно.
Пока же чуду вы не удивляйтесь
И все за мной последуйте в часовню.

Б е н е д и к т

Отец, постойте. Кто здесь Беатриче?

Б е а т р и ч е

(снимает маску)

Я за нее. Что от нее угодно?

Б е н е д и к т

Вы любите меня?

Б е а т р и ч е

Не так чтоб очень.

Б е н е д и к т

Так, значит, дядя ваш, и принц, и Клавдио
Обмануты: они клялись мне в том.

Б е а т р и ч е

Вы любите меня?

Б е н е д и к т

Не так чтоб очень.

Б е а т р и ч е

Так Геро, Маргарита и Урсула
Обмануты: они клялись мне в том.

Б е н е д и к т

Они клялись, что вы по мне иссохли.

Б е а т р и ч е

Они клялись, что насмерть влюблены вы.

Б е н е д и к т

Всё вздор! Так вы не любите меня?

Б е а т р и ч е

Нет — разве что как друга... в благодарность...

Л е о н а т о

Брось! Поклянись: ты любишь Бенедикта.

К л а в д и о

Я присягну, что любит он ее.
Вот доказательство — клочок бумаги:
Хромой сонет — его ума творенье —
В честь Беатриче.

Г е р о

Вот вам и другой,
Украденный у ней, — ее здесь почерк:
Признание в нежной страсти к Бенедикту.

Б е н е д и к т

Вот чудеса! Наши руки свидетельствуют против наших
сердец. Ладно, я беру тебя; но, клянусь дневным светом, бе-
ру тебя только из сострадания.

Б е а т р и ч е

Я не решаюсь вам отказать; но, клянусь светом солнца,
я уступаю только усиленным убеждениям, чтобы спасти ва-
шу жизнь; ведь вы, говорят, дошли до чахотки.

Б е н е д и к т

Стой! Рот тебе зажму я!

(Целует ее.)

Д о н П е д р о

Как Бенедикт женатый поживает?

Б е н е д и к т

Вот что я вам скажу, принц: целая коллегия остряков не заставит меня отказаться от моего намерения. Уж не думаете ли вы, что я испугаюсь какой-нибудь сатиры или эпиграммы? Если бы острое словцо оставляло след, мы бы все ходили перепачканные. Короче говоря: раз уж я решил жениться, так и женюсь, хотя бы весь мир был против этого. И нечего трунить над тем, что я прежде говорил другое: человек — существо непостоянное, вот и всё. — Что касается тебя, Клавдио, я хотел было тебя поколотить, но раз ты сделался теперь чем-то вроде моего родственника, то оставайся невредим и люби мою кухню.

К л а в д и о

А я-то надеялся, что ты откажешься от Беатриче: тогда я вышиб бы из тебя дух за такую двойную игру. А теперь, без сомнения, ты будешь ее продолжать, если только кухня не будет хорошенько присматривать за тобой.

Б е н е д и к т

Ладно, ладно, мир! — Давайте-ка потанцуем, пока мы еще не обвенчались: пусть у нас порезвятся сердца, а у наших невест — ноги.

Л е о н а т о

Танцевать будете после свадьбы!

Б е н е д и к т

Нет, до свадьбы, клянусь честью! — Эй, музыка! — У вас принц, унылый вид. Женитесь, женитесь! Плох тот пох, у которого на конце нет рога.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

**Принц! Дон Хуан, ваш брат бежавший схвачен
И приведен под стражей в Мессину.**

Б е н е д и к т

**Забудем о нем до завтра, а там уж я придумаю
ему славное наказание. Эй, флейты, начинайте!**

Танцы.

Все уходят.

Сонеты

в русских переводах
XIX-XX веков

 С. МАРШАК

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету,
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты — украшение нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай,—
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скарედность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим, —
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».

Пусть с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, —
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты — отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой — с тобою!

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
Но в долг дает — свободная свободным.

Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.

Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?

С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит все, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз —
Летучий пленник, запертый в стекле, —
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

Смотри же, чтобы жесткая рука
 Седой зимы в саду не побывала,
 Пока не соберешь цветов, пока
 Весну не сохранишь на дне фиала.

Как человек, что драгоценный вклад
 С лихвой обильной получил обратно,
 Себя себе вернуть ты будешь рад
 С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз,
 Десятикратно в детях повторенный,
 И вправе будешь в свой последний час
 Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой,
 Чтоб совершенство умерло с тобой.

Пылающую голову рассвет
 Приподымает с ложа своего,
 И все земное шлет ему привет,
 Лучистое встречая божество.

Когда в расцвете сил, в полдневный час,
 Светило смотрит с вышины крутой, —
 С каким восторгом миллионы глаз
 Следят за колесницей золотой.

Когда же солнце завершает круг
 И катится устало на закат,
 Глаза его поклонников и слуг
 Уже в другую сторону глядят.

Оставь же сына, юность хороня.
 Он встретит солнце завтрашнего дня!

Ты — музыка, но звукам музыкальным
 Ты внемлешь с непонятною тоской.
 Зачем же любишь то, что так печально,
 Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
 Не потому ли грустью ты объят,
 Что стройно согласованные звуки
 Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
 Вступают в строй и голос подают, —
 Как будто мать, отец и отрок юный
 В счастливом единении поют.

Нам говорит согласие струн в концерте,
 Что одинокий путь подобен смерти.

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
 Ты не связал себя ни с кем любовью.
 Но если б грозный рок тебя унес,
 Весь мир надел бы покрывало вдовье.

В своем ребенке скорбная вдова
 Любимых черт находит отраженье.
 А ты не оставляешь существа,
 В котором свет нашел бы утешенье.

Богатство, что растрчивает мот,
 Меняя место, в мире остается.
 А красота бесследно промелькнет,
 И молодость, исчезнув, не вернется.

Кто предает себя же самого —
 Не любит в этом мире никого!

По совести скажи: кого ты любишь?
 Ты знаешь, любят многие тебя.
 Но так беспечно молодость ты губишь,
 Что ясно всем — живешь ты, не любя.

Свой лютый враг, не зная сожаленья,
 Ты разрушаешь тайно день за днем
 Великолепный, ждущий обновленья,
 К тебе в наследство перешедший дом.

Переменись — и я прошу обиду,
 В душе любовь, а не вражду пригрей.
 Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
 И стань к себе щедрее и добрей.

Пусть красота живет не только ныне,
 Но повторит себя в любимом сыне.

Мы вянем быстро — так же, как растем,
 Растем в потомках, в новом урожае.
 Избыток сил в наследнике твоём
 Считаю своим, с годами остывая.

Вот мудрости и красоты закон.
 А без него царили бы на свете
 Безумье, старость до конца времен.
 И мир исчез бы в шесть десятилетий.

Пусть тот, кто жизни и земле не мил, —
 Безликий, грубый, — гибнет невозвратно.
 А ты дары такие получил,
 Что возратить их можешь многократно.

Ты вырезан искусно, как печать,
 Чтобы векам свой оттиск передать.

Когда часы мне говорят, что свет
 Потонет скоро в грозной тьме ночной,
 Когда фиалки вянет нежный цвет
 И темный локон блещет сединой,

Когда листва несется вдоль дорог,
 В полдневный зной хранившая стада,
 И нам кивает с погребальных дрог
 Седых снопов густая борода,—

Я думаю о красоте твоей,
 О том, что ей придется отцвести,
 Как всем цветам лесов, лугов, полей,
 Где новое готовится расти.

Но если смерти серп неумолим,
 Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

Не изменяйся, будь самим собой.
 Ты можешь быть собой, пока живешь.
 Когда же смерть разрушит образ твой,
 Пусть будет кто-то на тебя похож.

Тебе природой красота дана
 На очень краткий срок, и потому
 Пускай по праву перейдет она
 К наследнику прямому твоему.

В заботливых руках прекрасный дом
 Не дрогнет перед натиском зимы,
 И никогда не воцарится в нем
 Дыханье смерти, холода и тьмы.

О, пусть, когда настанет твой конец,
 Звучат слова: — Был у меня отец!

Я не по звездам о судьбе гадаю,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуму, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

А если нет, — под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотой.

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир — подмостки, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,

Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса, —

О, как я дорожу твоей весною,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.

Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

Но если время нам грозит осадой,
 То почему в расцвете сил своих
 Не защитишь ты молодость оградой
 Надежнее, чем мой бесплодный стих?

Вершины ты достиг пути земного,
 И столько юных девственных сердец
 Твой нежный облик повторить готовы,
 Как не повторит кисть или резец.

Так жизнь исправит все, что изувечит.
 И если ты любви себя отдашь,
 Она тебя верней увековечит,
 Чем этот беглый, хрупкий карандаш.

Отдав себя, ты сохранишь навеки
 Себя в создание новом — в человеке.

Как мне уверить в доблестях твоих
 Тех, до кого дойдет моя страница?
 Но знает бог, что этот скромный стих
 Сказать не может больше, чем гробница,

Попробуй я оставить твой портрет,
 Изобразить стихами взор чудесный,—
 Потомок только скажет: «Лжет поэт,
 Придав лицу земному свет небесный!»

И этот старый, пожелтевший лист
 Отвергнет он, как болтуна седого,
 Сказав небрежно: «Старый плут речист,
 Да правды нет в его речах ни слова!»

Но доживи твой сын до этих дней,
 Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

Сравню ли с летним днем твои черты?
 Но ты милей, умеренней и краше.
 Ломают буря майские цветы,
 И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
 То светлый лик скрывает непогода.
 Ласкает, нежит и терзает нас
 Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,
 Не увядает солнечное лето.
 И смертная тебя не скроет тень —
 Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
 Доколе дышит грудь и видит взор.

Ты притупи, о время, когти льва,
 Клыки из пасти леопарда рви,
 В прах обрати земные существа
 И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
 Сменяй улыбкой слезы, плачем — смех.
 Что хочешь делай с миром и со мной,—
 Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
 Не борозди тупым своим резцом.
 Пускай черты прекрасные его
 Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
 Мой стих его прекрасным сохранит!

Лик женщины, но строже, совершенней
 Природы изваяло мастерство,
 По-женски ты красив, но чужд измене,
 Царь и царица сердце моего.

Твой нежный взор лишен игры лукавой,
 Но золотит сияньем все вокруг.
 Он мужествен и властью величавой
 Друзей пленяет и разит подруг.

Тебя природа женщиною милой
 Задумала, но, страстью пленена,
 Она меня с тобою разлучила,
 А женщин осчастливила она.

Пусть будет так. Но вот мое условие:
 Люби меня, а их дари любовью.

Не соревнуюсь я с творцами од,
 Которые раскрашенным богиням
 В подарок преподносят небосвод
 Со всей землей и океаном синим.

Пусть они для украшения строф
 Твердят в стихах, между собою споря,
 О звездах неба, о венках цветов,
 О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове — правда мой закон.
 И я пишу, что милая прекрасна,
 Как все, кто смертной матерью рожден,
 А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою, —
 Я никому ее не продаю!

Лгут зеркала — какой же я старик!
 Я молодость твою делю с тобою.
 Но если дни избороздят твой лик,
 Я буду знать, что побежден судьбою.

Как в зеркало, глядясь в твои черты,
 Я самому себе кажусь моложе,
 Мне молодое сердце даришь ты,
 И я тебе свое вручаю тоже.

Старайся же себя оберегать —
 Не для себя: хранишь ты сердце друга.
 А я готов, как любящая мать,
 Беречь твое от горя и недуга.

Одна судьба у наших двух сердец:
 Замрет мое — и твоему конец!

Как тот актер, который, оробев,
 Теряет нить давно знакомой роли,
 Как тот безумец, что, впадая в гнев,
 В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
 Не оттого, что сердце охладело.
 Нет, на мои уста кладет печать
 Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
 Пускай она, безмолвный мой ходатай,
 Идет к тебе с признаньем и мольбой
 И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
 Услышишь ли глазами голос мой?

Мой глаз гравёром стал и образ твой
 Запечатлел в моей груди правдиво.
 С тех пор служу я рамою живой,
 А лучшее в искусстве — перспектива.

Сквозь мастера смотри на мастерство.
 Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
 Та мастерская, что хранит его,
 Застеклена любимыми глазами.

Мои глаза с твоими так дружны:
 Моими я тебя в душе рисую.
 Через твои с небесной вышины
 Заглядывает солнце в мастерскую.

Увы, моим глазам через окно
 Твое увидеть сердце не дано.

Кто под звездой счастливою рожден,
 Гордится славой, титулом и властью.
 А я судьбой скромнее награжден,
 И для меня любовь — источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
 Наперсник принца, ставленник вельможи.
 Но гаснет солнца благосклонный взор,
 И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
 В бою последнем терпит поражение,
 И всех его заслуг потерян след.
 Его удел — опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
 Пожизненным: любил, люблю, любим.

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.

Я не нашел тебя достойных слов.
Но если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее ты входишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью — я всегда в пути.

Как я могу усталость превозмочь,
 Когда лишен я благости покоя?
 Тревоги дня не облегчает ночь,
 А ночь, как день, томит меня тоскою.

И день и ночь — враги между собой —
 Как будто подают друг другу руки.
 Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,
 А по ночам не сплю, грустя в разлуке.

Дабы к себе расположить рассвет,
 Я сравнивал с тобою день погожий
 И смуглой ночи посылал привет,
 Сказав, что звезды на тебя похожи.

Но все трудней мой следующий день,
 И все темней грядущей ночи тень.

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
 Припомнив годы, полные невзгод,
 Тревожу я бесплодную мольбой
 Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
 Готов меняться жребием своим
 С тем, кто в искусстве больше преуспел,
 Богат надеждой и людьми любим, —

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
 Я малодушие жалкое кляню,
 И жаворонком, вопреки судьбе,
 Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
 Всех королей на свете я сильнее.

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.

Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового.
Но, видно, рок на время их унес —
И вот теперь встречаемся мы снова.

В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.

Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе — им всем — принадлежу.

О, если ты тот день переживешь,
 Когда меня накроет смерть доскою,
 И эти строчки бегло перечтешь,
 Написанные дружеской рукою, —

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
 Ее искусство выше будет вдвое.
 Но пусть я буду по милу хорош
 Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
 С растущим веком мог бы я расти
 И лучшие принес бы посвященья
 Среди певцов иного поколенья.

Но так как с мертвым спор ведут они,
 Во мне любовь, в них — мастерство цени!

Я наблюдал, как солнечный восход
 Ласкает горы взором благосклонным,
 Потом улыбку шлет лугам зеленым
 И золотит поверхность бледных вод.

Но часто позволяет небосвод
 Слоняться тучам перед светлым тронem.
 Они ползут над миром омраченным,
 Лишая землю царственных щедрот.

Так солнышко мое взошло на час,
 Меня дарами щедро осыпая.
 Подкралась туча хмурая, слепая,
 И нежный свет любви моей угас.

Но не ропщу я на печальный жребий, —
 Бывают тучи на земле, как в небе.

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои.

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затмения или туч.

Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравненьями оправдывая грех,
Прощая беззаконно твой порок.

Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне.

Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился как пятно.

Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.

Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.

Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

Как радуется отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.

Великодушие, знатность, красота.
И острый ум, и сила, и здоровье —
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.

Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.

Все, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя как благодать.

Неужто музе не хватает темы,
 Когда ты можешь столько подарить
 Чудесных дум, которые не все мы
 Достойны на бумаге повторить.

И если я порой чего-то стою,
 Благодарю себя же самого.
 Тот поражен душевной немотою,
 Кто в честь твою не скажет ничего.

Для нас ты будешь музою десятой
 И в десять раз прекрасней остальных,
 Чтобы стихи, рожденные когда-то,
 Мог пережить тобой внушенный стих.

Пусть будущие славят поколения
 Нас за труды, тебя — за вдохновенье.

О, как тебе хвалу я воспою,
 Когда с тобой одно мы существо?
 Нельзя же славить красоту свою,
 Нельзя хвалить себя же самого.

Затем-то мы и существуем врозь,
 Чтоб оценил я прелесть красоты
 И чтоб тебе услышать довелось
 Хвалу, которой стоишь только ты.

Разлука тяжела нам, как недуг,
 Но временами одинокий путь
 Счастливейшим мечтам дает досуг
 И позволяет время обмануть.

Разлука сердце делит пополам,
 Чтоб славить друга легче было нам.

Все страсти, все любви мои возьми —
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.

Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.

Ты нищего лишил его суммы.
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.

О ты, чье зло мне кажется добром;
Убей меня, но мне не будь врагом!

Беспечные обиды юных лет,
Что ты наносишь мне, не зная сам,
Когда меня в твоём сознание нет, —
К лицу твоим летам, твоим чертам.

Приветливый, — ты лестью окружен,
Хорош собой, — соблазну ты открыт.
А перед лаской искушенных жен
Сын женщины едва ли устоит.

Но жалко, что в избытке юных сил
Меня не обошел ты стороной
И тех сердечных уз не пощадил,
Где должен был нарушить долг двойной.

Неверную своей красой пленя,
Ты дважды правду отнял у меня.

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
 Но сознавать и видеть, что она
 Тобой владеет, — вдвое мне больнее.
 Твоей любви утрата мне страшна.

Я сам для вас придумал оправданье:
 Любя меня, ее ты полюбил.
 А милая тебе дарит свиданья
 За то, что ты мне бесконечно мил.

И если мне терять необходимо,
 Свои потери вам я отдаю:
 Ее любовь нашел мой друг любимый,
 Любимая нашла любовь твою.

Но если друг и я — одно и то же,
 То я, как прежде, ей всего дороже...

Смежая века, вижу я острей.
 Открыв глаза, гляжу, не замечая.
 Но светел темный взгляд моих очей,
 Когда во сне к тебе их обращаю.

И если так светла ночная тень, —
 Твоей неясной тени отраженье, —
 То как велик твой свет в лучистый день,
 Насколько явь светлее сновиденья!

Каким бы счастьем было для меня—
 Проснувшись утром, увидеть воочью
 Тот ясный лик в лучах живого дня,
 Что мне светил туманно мертвой ночью.

День без тебя казался ночью мне,
 А день я видел по ночам во сне.

Когда бы мыслью стала эта плоть, —
 О, как легко, наперекор судьбе,
 Я мог бы расстояние побороть
 И в тот же миг перенестись к тебе.

Будь я в любой из отдаленных стран,
 Я миновал бы тридевять земель.
 Пересекают мысли океан
 С той быстротой, с какой наметят цель.

Пускай моя душа — огонь и дух,
 Но за мечтой, родившейся в мозгу,
 Я, созданный из элементов двух —
 Земли с водой, — угнаться не могу.

Земля, — к земле навеки я прирос,
 Вода,—я лью потоки горьких слез.

Другие две основы мироздания —
 Огонь и воздух — более легки.
 Дыханье мысли и огонь желанья
 Я шлю к тебе, пространству вопреки.

Когда они — две вольные стихии —
 К тебе любви посольством улетят,
 Со мною остаются остальные
 И тяжестью мне душу тяготят.

Тоскую я, лишенный равновесья,
 Пока стихии духа и огня
 Ко мне обратно не примчатся с вестью,
 Что друг здоров и помнит про меня.

Как счастлив я!.. Но вновь через мгновенье
 Летят к тебе и мысли и стремленья.

Мой глаз и сердце — издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить.

Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.
А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.

Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.

Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду — взгляд.

У сердца с глазом — тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.

Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.

Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она — с тобою.

Мой взор тебя рисует и во сне
И будит сердце спящее во мне.

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не мог,

А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото — блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль, —
Тебя любой похитить может вор.

В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти.

Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
Приманчивый для самых честных глаз!

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,

Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным
И я увижу холод и покой
В твоем лице, по-прежнему прекрасном, —

В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Все оправдав своей неправотою.

Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

Как тяжко мне, в пути взметая пыль,
 Не ожидая дальше ничего,
 Отсчитывать уныло, сколько миль
 Отъехал я от счастья своего.

Усталый конь, забыв былую прыть,
 Едва трусит лениво подо мной, —
 Как будто знает: незачем спешить
 Тому, кто разлучен с душой родной.

Хозяйских шпор не слушается он
 И только ржаньем шлет мне свой укор.
 Меня больнее ранит этот стон,
 Чем бедного коня — удары шпор.

Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
 За мною — радость, впереди — печаль.

Так я оправдывал несносный нрав
 Упрямого, ленивого коня,
 Который был в своем упрямстве прав,
 Когда в изгнанье шагом вез меня.

Но будет непростительным грехом,
 Коль он обратно так же повезет.
 Да поскачи на вихре я верхом,
 Я думал бы: как тихо он ползет!

Желанья не догонит лучший конь,
 Когда оно со ржаньем мчится вскачь,
 Оно легко несется, как огонь,
 И говорит ленивейшей из кляч:

— Ты, бедная, шажком себе иди,
 А я помчусь на крыльях впереди!

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновение сокровище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.

Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.

Пусть скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.

Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений.

Вообразим Адониса портрет, —
С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
Елене в древности дивился свет.
Ты — древнего искусства образ новый.

Невинная весна и зрелый год
Хранят твой облик, внутренний и внешний:
Как время жатвы, полон ты щедрот,
А видом день напоминаешь вешний.

Все, что прекрасно, мы зовем твоим.
Но с чем же сердце верное сравним?

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они ничьих не радуют сердец
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих!

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетия не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

Проснись, любовь! Твое ли острее
 Тупей, чем жало голода и жажды?
 Как ни обильны яства и питье,
 Нельзя навек насытиться однажды.

Так и любовь. Ее голодный взгляд
 Сегодня утолен до утомленья,
 А завтра снова ты огнем объят,
 Рожденным для горенья, а не тленья.

Чтобы любовь была нам дорога,
 Пусть океаном будет час разлуки,
 Пусть двое, выходя на берега,
 Один к другому простирают руки.

Пусть зимней стужей будет этот час,
 Чтобы весна теплей пригрела нас!

Для верных слуг нет ничего другого,
 Как ожидать у двери госпожу.
 Так, прихотям твоим служить готовый,
 Я в ожиданье время провожу.

Я про себя бранить не смею скуку,
 За стрелками часов твоих следя.
 Не проклиная горькую разлуку,
 За дверь твою по знаку выходя.

Не позволяю помыслам ревнивым
 Переступать заветный твой порог,
 И, бедный раб, считаю я счастливым
 Того, кто час побыть с тобою мог.

Что хочешь делай. Я лишился зренья,
 И нет во мне ни тени подозренья.

Избави бог, меня лишивший воли,
 Чтоб я посмел твой проверять досуг.
 Считать часы и спрашивать: доколе?
 В дела господ не посвящают слуг.

Зови меня, когда тебе угодно,
 А до того я буду терпелив.
 Удел мой — ждать, пока ты не свободна,
 И сдерживать упрек или порыв.

Ты предаешься ль делу иль забаве—
 Сама ты госпожа своей судьбе.
 И, провинившись пред собой, ты вправе
 Свою вину прощать самой себе.

В часы твоих забот иль наслажденья
 Я жду тебя в тоске, без осужденья...

Уж если нет на свете новизны,
 А есть лишь повторение былого,
 И понапрасну мы страдать должны,
 Давно рожденное рождая снова,—

Пусть наша память, пробежавши вспять
 Пятьсот кругов, что солнце очертило,
 Сумеет в древней книге отыскать
 Запечатленный в слове лик твой милый.

Тогда б я знал, что думали в те дни
 Об этом чуде, сложно совершенном,
 Ушли ли мы вперед, или они,
 Иль этот мир остался неизменным.

Но верю я, что лучшие слова
 В честь меньшего слагались божества!

Как движется к земле морской прибой,
 Так и ряды бессчетные минут,
 Сменяя предыдущие собой,
 Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
 Стремится к зрелости и, наконец,
 Кривых затмений испытав ущерб,
 Сдаст в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
 За полосой проводит полосу.
 Все лучшее, что дышит на земле,
 Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
 Где ты пребудешь смерти вопреки!

Твоя ль вина, что милый образ твой
 Не позволяет мне сомкнуть ресницы
 И, стоя у меня над головой,
 Тяжелым векам не дает закрыться?

Твоя ль душа приходит в тишине
 Мои дела и помыслы проверить,
 Всю ложь и праздность обличить во мне,
 Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О нет, любовь твоя не так сильна,
 Чтоб к моему являться изголовью.
 Моя, моя любовь не знает сна.
 На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока
 Ты — от меня вдали — к другим близка.

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость мог бы побороть?

Мне кажется, нет равных красотою,
Правдивей нет на свете никого.
Мне кажется, так дорого я стою,
Как ни одно земное существо.

Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет,—на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.

Себя, мой друг, я подменял тобою,
Век уходящий — юною судьбою.

Про черный день, когда моя любовь,
Как я теперь, узнает жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время,

Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило,
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило,—

Про черный день оружие я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,
Чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколеньям.

Оружье это — черная строка.
В ней все цвета переживут века.

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,

Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,

Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Всё говорит о том, что час пробьет—
И время унесет мою отраду.

А это — смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя — беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?

О горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
 Достоинство, что просит подавня,
 Над простотой глумящуюся ложь,
 Ничтожество в роскошном одеянье,

И совершенству ложный приговор,
 И девственность, поруганную грубо,
 И неуместной почести позор,
 И мощь в плену у немощи беззубой,

И прямоту, что глупостью слывет,
 И глупость в маске мудреца, пророка,
 И вдохновения зажатый рот,
 И праведность на службе у порока.

Всё мерзостно, что вижу я вокруг,
 Но как тебя покинуть, милый друг!

Спроси, зачем в пороках он живет.
 Чтобы служить бесчестьем оправданьем?
 Чтобы грехам приобрести почет
 И ложь прикрыть своим очарованьем?

Зачем искусства мертвые цвета
 Крадут его лица огонь весенний?
 Зачем лукаво ищет красота
 Поддельных роз, фальшивых украшений?

Зачем его хранит природа-мать,
 Когда она давно уже не в силах
 В его щеках огнем стыда пылать,
 Играть живою кровью в этих жилах?

Хранит затем, чтоб знал и помнил свет
 О том, что было и чего уж нет!

Его лицо — одно из отражений
 Тех дней, когда на свете красота
 Цвела свободно, как цветок весенний,
 И не рядилась в ложные цвета.

Когда никто в кладбищенской ограде
 Не смел нарушить мертвенный покой
 И дать зарытой золотистой пряди
 Вторую жизнь на голове другой.

Его лицо приветливо и скромно,
 Уста поддельных красок лишены.
 В его весне нет зелени заемной
 И новизна не грабит старины.

Его хранит природа для сравненья
 Прекрасной правды с ложью украшения.

В том внешнем, что в тебе находит взор,
 Нет ничего, что хочется исправить.
 Вражды и дружбы общий приговор
 Не может к правде черточки прибавить.

За внешний облик — внешний и почет.
 Но голос тех же судей неподкупных
 Звучит иначе, если речь зайдет
 О свойствах сердца, глазу недоступных.

Толкует о душе твоей молва.
 А зеркало души — ее деянья.
 И заглушает сорная трава
 Твоих сладчайших роз благоуханье.

Твой нежный сад запущен потому,
 Что он доступен всем и никому.

То, что тебя бранят,—не твой порок.
 Прекрасное обречено молве.
 Его не может очернить упрек —
 Ворона в лучезарной синеве.

Ты хороша, но хором клеветы
 Еще дороже ты оценена,
 Находит червь нежнейшие цветы,
 А ты невинна, как сама весна.

Избегла ты засады юных дней
 Иль нападавший побежден был сам,
 Но чистотой и правдою своей
 Ты не замкнешь уста клеветникам.

Без этой легкой тени на челе
 Одна бы ты царила на земле!

Ты погрусти, когда умрет поэт,
 Покуда звон ближайшей из церквей
 Не возвестит, что этот низкий свет
 Я променял на низший мир червей.

И если перечтешь ты мой сонет,
 Ты о руке остывшей не жалей.
 Я не хочу туманить нежный цвет
 Очей любимых памятью своей.

Я не хочу, чтоб эхо этих строк
 Меня напоминало вновь и вновь.
 Пускай замрут в один и тот же срок
 Мое дыханье и твоя любовь!..

Я не хочу, чтобы своей тоской
 Ты предала себя молве людской.

Чтобы не мог тебя заставить свет
 Рассказывать, что ты во мне любила,—
 Забудь меня, когда на склоне лет
 Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
 Перебирая все мои заслуги,
 Что поневоле, говоря о друге,
 Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
 Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
 Меня скорей из памяти изгладь,—
 Иль дважды мне ответ придется дать:

За то, что был при жизни столь ничтожным
 И что потом тебя заставил лгать!

То время года видишь ты во мне,
 Когда один-другой багряный лист
 От холода трепещет в вышине —
 На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
 Когда поблек на западе закат
 И купол неба, отнятый у нас,
 Подобьем смерти — сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
 Который гаснет в пепле прошлых дней,
 И то, что жизнью было для меня,
 Могилою становится моей.

Ты видишь всё. Но близостью конца
 Теснее наши связаны сердца!

Когда меня отправят под арест
 Без выкупа, залога и отсрочки,
 Не глыба камня, не могильный крест,—
 Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
 Все, что во мне тебе принадлежало.
 Пускай земле достанется мой прах,—
 Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
 А смерть возьмет от жизни быстротечной
 Осадок, остающийся на дне,
 То, что похитить мог бродяга встречный.

Ей — черепки разбитого ковша,
 Тебе — мое вино, моя душа.

Ты утоляешь мой голодный взор,
 Как землю освежительная влага.
 С тобой веду я бесконечный спор,
 Как со своей сокровищницей скряга.

То счастлив он, то мечется во сне,
 Боясь шагов, звучащих за стеною,
 То хочет быть с ларцом наедине,
 То рад блеснуть сверкающей казною.

Так я, вкусив блаженство на пиру,
 Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
 Живу я тем, что у тебя беру,
 Моя надежда, мука и награда.

В томительном чередованье дней
 То я богаче всех, то всех бедней.

Увы, мой стих не блещет новизной,
 Разнообразьем перемен неожиданных.
 Не поискать ли мне тропы иной,
 Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
 В одежде старой появляюсь снова.
 И кажется, по имени назвать
 Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
 Решаю я одну свою задачу:
 Я о тебе пишу, моя любовь,
 И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
 Но и оно не блещет новизной.

Седины ваши зеркало покажет,
 Часы — потерю золотых минут.
 На белую страницу строчка ляжет—
 И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
 Мы все ведем своим утратам счет.
 А в шорохе часов неторопливом
 Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
 Все, что не в силах память удержать.
 Своих детей, давно забытых вами,
 Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
 Для вас таят бесценные уроки.

Тебя я музой называл своею
 Так часто, что теперь наперебой
 Поэты, переняв мою затею,
 Свои стихи украсили тобой.

Глаза, что петь немного научили,
 Заставили невежество летать,—
 Искусству тонкому придали крылья,
 Изяществу — величия печать.

И все же горд своим я приношеньем,
 Хоть мне такие крылья не даны.
 Стихам других ты служишь украшеньем,
 Мои стихи тобою рождены,

Поэзия — в тебе. Простые чувства
 Ты возвышать умеешь до искусства.

Когда один я находил истоки
 Поэзии в тебе, блистал мой стих.
 Но как теперь мои померкли строки
 И голос музы немощной затих!

Я сознаю своих стихов бессилье.
 Но все, что можно о тебе сказать,
 Поэт в твоём находит изобилье,
 Чтобы тебе преподнести опять.

Он славит добродетель, это слово
 Украй у поведенья твоего,
 Он воспевае красоту, но снова
 Приносит дар, ограбив божество.

Благодарить не должен тот, кто платит
 Сполна за все, что стихотворец тратит.

Мне изменяет голос мой и стих,
 Когда подумаю, какой певец
 Тебя прославил громом струн своих,
 Меня молчать заставив наконец.

Но так как вольный океан широк
 И с кораблем могучим наравне
 Качает скромный маленький челнок,—
 Дерзнул я появиться на волне.

Лишь с помощью твоей средь бурных вод
 Могу держаться, не иду ко дну.
 А он в сиянье парусов плывет,
 Бездонную тревожа глубину.

Не знаю я, что ждет меня в пути.
 Но не боюсь и смерть в любви найти.

Тебе ль меня придется хоронить
 Иль мне тебя — не знаю, друг мой милый.
 Но пусть судьбы твоей прервется нить,
 Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
 А от меня ничто не сохранится.
 На кладбище покой я обрету,
 А твой приют — открытая гробница.

Твой памятник — восторженный мой стих.
 Кто не рожден еще, его услышит.
 И мир повторит повесть дней твоих,
 Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
 Там, где живет дыханье,—на устах!

Не обручен ты с музою моей.
И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.

Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.

Я уступить соперникам готов.
Но после риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.

Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

Я думал, что у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей
Всего, что может высказать поэт.

Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла,—
Чтобы свое величье доказать
Без украшений красота могла.

Но ты считаешь дерзостным грехом
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту,

То, что во взоре светится твоим,
Твои певцы не выразят вдвоем.

Кто знает те слова, что больше значат
 Правдивых слов, что ты есть только ты?
 Кто у себя в сокровищнице прячет
 Пример тебе подобной красоты?

Как беден стих, который не прибавил
 Достоинства виновнику похвал.
 Но только тот в стихах себя прославил,
 Кто попросту тебя тобой назвал.

Пересказав, что сказано природой,
 Он создает правдивый твой портрет,
 Которому бесчисленные годы
 Восторженно дивиться будет свет.

А голоса тебе любезной лести
 Звучат хулой твоей красе и чести!

Моя немая муза так скромна.
 Меж тем поэты лучшие кругом
 Тебе во славу чертят письма
 Красноречивым золотым пером.

Моя богиня тише всех богинь.
 И я, как малограмотный дьячок,
 Умею только возглашать «аминь!»
 В конце торжественно звучащих строк.

Я говорю: «Конечно!», «Так и есть!»,
 Когда поэты произносят стих,
 Твоим заслугам воздавая честь,—
 Но сколько чувства в помыслах моих!

За громкие слова цени певцов,
 Меня — за мысли тихие, без слов.

Его ли стих — могучий шум ветрил,
 Несущихся в погоню за тобою,—
 Все замыслы во мне похоронил,
 Утробу сделав урной гробовой?

Его ль рука, которую писать
 Учил какой-то дух, лишенный тела,
 На робкие уста кладет печать,
 Достигнув в мастерстве своем предела?

О нет, ни он, ни дружественный дух—
 Его ночной советчик бестелесный—
 Так не могли ошеломить мой слух
 И страхом поразить мой дар словесный.

Но если ты с его не сходишь уст,
 Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.

Прощай! Тебя удерживать не смею.
 Я дорого ценю любовь твою.
 Мне не по средствам то, чем я владею,
 И я залог покорно отдаю.

Я, как подарком, пользуюсь любовью.
 Заслугами не куплена она.
 И, значит, добровольное условие
 По прихоти нарушить ты вольна.

Дарила ты, цены не зная кладу
 Или не зная, может быть, меня.
 И не по праву взятую награду
 Я сохранял до нынешнего дня.

Был королем я только в сновиденье.
 Меня лишило трона пробужденье.

Когда захочешь, охладев ко мне,
 Предать меня насмешке и презрению,
 Я на твоей останусь стороне
 И честь твою не опорочу тенью.

Отлично зная каждый свой порок,
 Я рассказать могу такую повесть,
 Что навсегда сниму с тебя упрек,
 Запятнанную оправдаю совесть.

И буду благодарен я судьбе:
 Пускай в борьбе терплю я неудачу,
 Но честь победы приношу тебе
 И дважды обретаю все, что трачу.

Готов я жертвой быть неправоты,
 Чтоб только правой оказалась ты.

Скажи, что ты нашла во мне черту,
 Которой вызвана твоя измена.
 Ну, осуди меня за хромоту—
 И буду я ходить, согнув колено.

Ты не найдешь таких обидных слов,
 Чтоб оправдать внезапность охлаждения,
 Как я найду. Я стать другим готов,
 Чтоб дать тебе права на отчужденье.

Дерзну ли о тебе упомянуть?
 Считать я буду память вероломством
 И при других не выдам как-нибудь,
 Что мы старинным связаны знакомством.

С самим собою буду я в борьбе:
 Мне тот враждебен, кто не мил тебе!

Уж если ты разлюбишь,—так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее.

Что нет невзгод, а есть одна беда—
Твоей любви лишиться навсегда.

Кто хвалится родством своим со знатью;
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья,
Но каждому милей всего одно.
А у меня особенное счастье,—
В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь все отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

Ты от меня не можешь ускользнуть.
 Моей ты будешь до последних дней.
 С любовью связан жизненный мой путь,
 И кончиться он должен вместе с ней.

Зачем же мне бояться худших бед,
 Когда мне смертью меньшая грозит?
 И у меня зависимости нет
 От прихотей твоих или обид.

Не опасюсь я твоих измен.
 Твоя измена — беспощадный нож.
 О, как печальный жребий мой блажен:
 Я был твоим, и ты меня убьешь.

Но счастья нет на свете без пятна.
 Кто скажет мне, что ты сейчас верна?

Что ж, буду жить, приемля как условие,
 Что ты верна. Хоть стала ты иной,
 Но тень любви нам кажется любовью.
 Не сердцем — так глазами будь со мной.

Твой взор не говорит о перемене.
 Он не таит ни скуки, ни вражды.
 Есть лица, на которых преступленья
 Чертят неизгладимые следы.

Но, видно, так угодно высшим силам;
 Пусть лгут твои прекрасные уста,
 Но в этом взоре, ласковом и милом,
 По-прежнему сияет чистота.

Прекрасно было яблоко, что с древа
 Адаму на беду сорвала Ева.

Кто, злом владея, зла не причинит,
 Не пользуясь всей мощностью этой власти,
 Кто двигает других, но, как гранит,
 Неколебим и не подвержен страсти,—

Тому дарует небо благодать,
 Земля дары приносит дорогие.
 Ему дано величием обладать,
 А чтить величие призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,
 Хоть сам он по себе цветет и вянет.
 Но если в нем приют нашел порок,
 Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
 Растленных роз, отравленных лилей.

Ты украшать умеешь свой позор.
 Но как в саду незримый червячок
 На розах чертит гибельный узор,
 Так и тебя пятнает твой порок.

Молва толкует про твои дела,
 Догадки щедро прибавляя к ним.
 Но похвалой становится хула.
 Порок оправдан именем твоим!

В каком великолепнейшем дворце
 Соблазнам низким ты даешь приют!
 Под маскою прекрасной на лице,
 В наряде пышном их не узнают.

Но красоту в пороках не сберечь.
 Ржавая, остроту теряет меч.

Кто осуждает твой беспечный нрав,
Кого пленяет юный твой успех.
Но, прелестью проступки оправдав,
Ты в добродетель превращаешь грех.

Поддельный камень в перстне королей
Считается алмазом дорогим,—
Так и пороки юности твоей
Достоинствами кажутся другим.

Как много волк похитил бы овец,
Надев ягненка нежное руно.
Как много можешь ты увлечь сердец
Всем, что тебе судьбой твоей дано.

Остановись — я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю.

Мне показалось, что была зима,
Когда тебя не видел я, мой друг.
Какой мороз стоял, какая тьма,
Какой пустой декабрь царил вокруг!

За это время лето протекло
И уступило осени права.
И осень шла, ступая тяжело,—
Оставшаяся на сносях вдова.

Казалось мне, что все плоды земли
С рождения удел сиротский ждет.
Нет в мире лета, если ты вдали.
Где нет тебя, и птица не поет.

А там, где слышен робкий, жалкий свист,
В предчувствии зимы бледнеет лист.

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
 Все оживил он веяньем своим.
 В ночи звезда тяжелая Сатурна
 Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц и запахи и краски
 Бесчисленных цветов не помогли
 Рождению моей весенней сказки.
 Не рвал я пестрых первенцев земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
 Пурпурных роз душистый первый цвет,
 Напоминая, мне не заменили
 Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
 Мне показался тенью милой тени.

Фиалке ранней бросил я упрек:
 Лукавая крадет свой запах сладкий
 Из уст твоих, и каждый лепесток
 Свой бархат у тебя берет украдкой.

У лилий—белизна твоей руки,
 Твой темный волос—в почках майорана,
 У белой розы—цвет твоей щеки,
 У красной розы—твой огонь румяный.

У третьей розы—белой, точно снег,
 И красной, как заря,—твое дыханье.
 Но дерзкий вор возмездья не избег:
 Его червяк съедает в наказанье.

Каких цветов в саду весеннем нет!
 И все крадут твой запах или цвет.

Где муза? Что молчат ее уста
 О том, кто вдохновлял ее полет?
 Иль, песенкой дешевой занята,
 Она ничтожным славу создает?

Пой, суетная муза, для того,
 Кто может оценить твою игру,
 Кто придает и блеск, и мастерство,
 И благородство твоему перу.

Вглядишься в его прекрасные черты
 И, если в них морщину ты найдешь,
 Изобличи убийцу красоты,
 Строфою гневной заклеи грабеж.

Пока не поздно, времени быстрей
 Бессмертные черты запечатлей!

О ветреная муза, отчего,
 Отвергнув правду в блеске красоты,
 Ты не рисуешь друга моего,
 Чьей доблестью прославлена и ты?

Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
 Что красоту не надо украшать,
 Что правде придавать не надо цвет
 И лучшее не стоит улучшать.

Да, совершенству не нужна хвала,
 Но ты ни слов, ни красок не жалея,
 Чтоб в славе красота пережила
 Свой золотом покрытый мавзолей.

Нетронутым — таким, как в наши дни,
 Прекрасный образ миру сохрани!

Люблю,—но реже говорю об этом,
 Люблю нежней,—но не для многих глаз.
 Торгует чувством тот, кто перед светом
 Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
 Когда любовь нова была для нас.
 Так соловей гремит в полночный час
 Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
 Когда его умолкнут излиянья.
 Но музыка, звуча со всех ветвей,
 Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк подобно соловью:
 Свое пропел и больше не пою.

У бедной музы красок больше нет,
 А что за слава открывалась ей!
 Но, видно, лучше голый мой сюжет
 Без добавленья похвалы моей.

Вот почему писать я перестал.
 Но сам взгляни в зеркальное стекло
 И убедись, что выше всех похвал
 Стеклом отраженное чело.

Все то, что отразила эта гладь,
 Не передаст палитра иль резец.
 Зачем же нам, пытаясь передать,
 Столь совершенный портить образец?

И мы напрасно спорить не хотим
 С природой или зеркалом твоим.

Ты не меняешься с течением лет,
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет...
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется, невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим,—
Он был перед рождением твоим!

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.

Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.

«Прекрасный, верный, добрый»—вот слова,
Что я твержу на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!

Добро, краса и верность жили врозь,
Но это все в тебе одном слилось.

Когда читаю в свитке мертвых лет
 О пламенных устах, давно безгласных,
 О красоте, слагающей куплет
 Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетиями хранимые черты—
 Глаза, улыбка, волосы и брови—
 Мне говорят, что только в древнем слове
 Могла всецело отразиться ты.

В любой строке к своей прекрасной даме
 Поэт мечтал тебя предугадать,
 Но всю тебя не мог он передать,
 Впиваясь в даль влюбленными глазами.

А нам, кому ты, наконец, близка,—
 Где голос взять, чтобы звучал века?

Ни собственный мой страх, ни вещий взор
 Вселенной всей, глядящей вдаль прилежно,
 Не знают, до каких дана мне пор
 Любовь, чья смерть казалась неизбежной.

Свое затмение смертная луна
 Пережила назло пророкам лживым.
 Надежда вновь на трон возведена,
 И долгий мир сулит расцвет оливам.

Разлукой смерть не угрожает нам.
 Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
 Слепая смерть грозит лишь племенам
 Еще не просветленным, бессловесным.

В моих стихах и ты переживешь
 Венцы тиранов и гербы вельмож.

Что может мозг бумаге передать,
 Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
 Что мне припомнить, что мне рассказать,
 Чтобы твои достоинства прославить?

Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
 Как старую молитву—слово в слово,—
 Я повторяю. Новизны в нем нет,
 Но он звучит торжественно и ново.

Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
 Нам неизбежно кажется другою.
 Морщин не знает вечная любовь
 И старость делает своим слугою.

И там ее рожденье, где молва
 И время говорят: любовь мертва.

Меня неверным другом не зови.
 Как мог я изменить иль измениться?
 Моя душа, душа моей любви,
 В твоей груди, как мой залог, хранится.

Ты—мой приют, дарованный судьбой.
 Я уходил и приходил обратно
 Таким, как был, и приносил с собой
 Живую воду, что смывает пятна.

Пускай грехи мою сжигают кровь,
 Но не дошел я до последней грани,
 Чтоб из скитаний не вернуться вновь
 К тебе, источник всех благодеяний.

Что без тебя просторный этот свет?
 Ты в нем одна. Другого счастья нет.

Да, это правда: где я не бывал,
 Пред кем шута не корчил площадного,
 Как дешево богатство продавал
 И оскорблял любовь любовью новой!

Да, это правда: правде не в упор
 В глаза смотрел я, а куда-то мимо.
 Но юность вновь нашел мой беглый взор,—
 Блуждая, он признал тебя любимой.

Все кончено, и я не буду вновь
 Искать того, что обостряет страсти,
 Любовью новой проверять любовь.
 Ты—божество, и весь в твоей я власти.

Вблизи небес ты мне приют найди
 На этой чистой, любящей груди.

О, как ты прав, судьбу мою браня,
 Виновницу дурных моих деяний,
 Богиню, осудившую меня
 Зависеть от публичных подаяний.

Красильщик скрыть не может ремесло.
 Так на меня проклятое занятие
 Печатью несмываемой легло.
 О, помоги мне смыть мое проклятье!

Согласен я без ропота глотать
 Лекарственные горькие коренья,
 Не буду горечь горькою считать,
 Считать неправой меру исправленья.

Но жалостью своей, о милый друг,
 Ты лучше всех излечишь мой недуг!

Мой друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем каленою печатью.

Лишь похвала твоя и твой укор
Моей отрадой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор
И чувства оковал незримой сталью.

В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести.

Я слышу сердце друга моего,
А все кругом беззвучно и мертво.

Со дня разлуки—глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на все по-прежнему гляжу.

Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.

Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.

Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

Неужто я, прияв любви венец,
Как все монархи, лестью упоен?
Одно из двух: мой глаз—лукавый льстец
Иль волшебству тобой не обучен.

Из чудищ и бесформенных вещей
Он херувимов светлых создает.
Всему, что входит в круг его лучей,
С твоим лицом он сходство придает.

Вернее первая догадка: лесть.
Известно глазу все, что я люблю,
И он умеет чашу преподнести,
Чтобы пришлась по вкусу королю.

Пусть это яд,—мой глаз искупит грех:
Он пробует отраву раньше всех!

О, как я лгал когда-то, говоря:
«Моя любовь не может быть сильнее».
Не знал я, полным пламенем горя,
Что я любить еще нежней умею.

Случайностей предвидя миллион,
Вторгающихся в каждое мгновенье,
Ломающих незыблемый закон,
Колеблющих и клятвы и стремленья,

Не веря переменчивой судьбе,
А только часу, что еще не прожит,
Я говорил: «Любовь моя к тебе
Так велика, что больше быть не может!»

Любовь—дитя. Я был пред ней не прав,
Ребенка взрослой женщиной назвав.

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь—над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь—звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь—не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих,—
То нет любви и нет стихов моих!

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,

Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.

Все преступления вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.

Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

Для аппетита пряностью приправы
Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.

Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.

От этого любовного коварства
И опасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.

Но понял я: лекарства—яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

Каким питьем из горьких слез Сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаюсь клада.

Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?

О благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.

Так после всех бесчисленных утрат
Я становлюсь богаче во сто крат.

То, что мой друг бывал жесток со мною,
 Полезно мне. Сам испытал печаль,
 Я должен гнуться под своей виною,
 Коль это сердце—сердце, а не сталь.

И если я потряс обидой друга,
 Как он меня,—его терзает ад,
 И у меня не может быть досуга
 Припоминать обид минувших яд.

Пускай та ночь печали и томленья
 Напомнит мне, что чувствовал я сам,
 Чтоб другу я принес для исцеленья,
 Как он тогда, раскаянья бальзам.

Я все простил, что испытал когда-то,
 И ты прости,—взаимная расплата!

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
 Напраслина страшнее обличенья.
 И гибнет радость, коль ее судить
 Должно не наше, а чужое мненье.

Как может взгляд чужих порочных глаз
 Щадить во мне игру горячей крови?
 Пусть грешен я, но не грешнее вас,
 Мои шпионы, мастера злословья.

Я—это я, а вы грехи мои
 По своему равняете примеру.
 Но, может быть, я прям, а у судьи
 Неправого в руках кривая мера,

И видит он в любом из ближних ложь,
 Поскольку ближний на него похож!

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу—
Верней, чем на пергаменте и воске,—
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.

Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленью,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.

Так долго бы не сохранился воск
Твоих таблиц—подарок твой напрасный.
Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.

Кто должен памятку любви хранить,
Тому способна память изменить!

Не хвастай, время, властью надо мной.
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной.
Они—перелицовка старины.

Наш век недолог. Нас не мудрено
Прельстить перелицованным старьем.
Мы верим, будто нами рождено
Все то, что мы от предков узнаем.

Цена тебе с твоим архивом грош.
Во мне и тени удивленья нет
Пред тем, что есть и было. Эту ложь
Плетешь ты в спешке суетливых лет.

И если был я верен до сих пор,
Не изменюсь тебе наперекор.

О, будь моя любовь—дитя удачи,
 Дочь времени, рожденная без прав,—
 Судьба могла бы место ей назначить
 В своем венке иль в куче сорных трав.

Но нет, мою любовь не создал случай.
 Ей не сулит судьбы слепая власть
 Быть жалкою рабой благополучий
 И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Ей не страшны уловки и угрозы
 Тех, кто у счастья час берет в наем.
 Ее не холит луч, не губят грозы.
 Она идет своим большим путем.

И этому ты, временщик, свидетель,
 Чья жизнь—порок, а гибель—добродетель.

Что, если бы я право заслужил
 Держать венец над тронном властелина
 Или бессмертья камень заложил,
 Не более надежный, чем руина?

Кто гонится за внешней суетой,
 Теряет все, не рассчитав расплаты,
 И часто забывает вкус простой,
 Избалован стряпней замысловатой.

Нет, лишь твоих даров я буду ждать.
 А ты прими мой хлеб, простой и скудный.
 Дается он тебе как благодать,
 В знак бескорыстной жертвы обоюдной.

Прочь, искустель! Чем душе трудней,
 Тем менее ты властвуешь над ней!

Крылатый мальчик мой, несущий бремя
Часов, что нам отсчитывают время,

От убыли растешь ты, подтверждая,
Что мы любовь питаем, увядая.

Природа, разрушительница-мать,
Твой ход упорно возвращает вспять.

Она тебя хранит для праздной шутки,
Чтобы, рождая, убивать минутки.

Но бойся госпожи своей жестокой:
Коварная щадит тебя до срока.

Когда же это время истечет,
Предъявит счет и даст тебе расчет.

Прекрасным не считался черный цвет,
Когда на свете красоту ценили.
Но, видно, изменился белый свет—
Прекрасное позором очернили.

С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Слывет она безродной и бездомной.

Вот почему и волосы и взор
Возлюбленной моей чернее ночи,—
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.

Но так идет им черная фата,
Что красотою стала чернота.

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой,—
Ревнивой завистью терзаюсь я.

Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук,—
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забытьи.

Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы—мне!

Издержки духа и стыда растрата—
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.

Утолено,—влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.

Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде—радость, в испытанье—горе,
А в прошлом—сон, растаявший как дым.

Все это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад крошечный?

Ее глаза на звезды не похожи,
 Нельзя уста кораллами назвать,
 Не белоснежна плеч открытых кожа,
 И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
 Нельзя сравнить оттенков этих щек.
 А тело пахнет так, как пахнет тело,
 Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
 Особенного света на челе.
 Не знаю я, как шествуют богини,
 Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,
 Кого в сравненьях пышных оболгали.

Ты прихоти полна и любишь власть,
 Подобно всем красавицам надменным.
 Ты знаешь, что моя слепая страсть
 Тебя считает даром драгоценным.

Пусть говорят, что смуглый облик твой
 Не стоит слез любовного томленья,—
 Я не решаюсь в спор вступать с молвой,
 Но спорю с ней в своем воображенье.

Чтобы себя уверить до конца
 И доказать нелепость этих басен,
 Клянусь до слез, что темный цвет лица
 И черный цвет волос твоих прекрасен.

Беда не в том, что ты лицом смугла,—
 Не ты черна, черны твои дела!

Люблю твои глаза. Они меня,
 Забытого, жалеют непритворно.
 Отвергнутого друга хороня,
 Они, как траур, носят цвет свой черный.

Поверь, что солнца блеск не так идет
 Лицу седого раннего востока,
 И та звезда, что вечер к нам ведет,—
 Небес прозрачных западное око—

Не так лучиста и не так светла,
 Как этот взор, прекрасный и прощальный.
 Ах, если б ты и сердце облекла
 В такой же траур, мягкий и печальный,—

Я думал бы, что красота сама
 Черна, как ночь, и ярче света—тьма!

Будь проклята душа, что истерзала
 Меня и друга прихотью измен.
 Терзать меня тебе казалось мало,—
 Мой лучший друг захвачен в тот же плен.

Жестокая, меня недобрым глазом
 Ты навсегда лишила трех сердец:
 Теряя волю, я утратил разом
 Тебя, себя и друга, наконец.

Но друга ты избавь от рабской доли
 И прикажи, чтоб я его стерег.
 Я буду стражем, находясь в неволе,
 И сердце за него отдам в залог.

Мольба напрасна. Ты—моя темница,
 И все мое со мной должно томиться.

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложенным именем,
Чтоб только он—мое второе я—
По-прежнему служил мне утешеньем.

Но он не хочет, и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.

Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.

Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возвратить не мог!

Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для меня найти приют?
И если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники дожди,—
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.

Недобрым «нет» не причиняй мне боли,
Желанья все в твоей сольются воле.

Твоя душа противится свиданьям.
 Но ты скажи ей, как меня зовут.
 Меня прозвали «волей» иль «желаньем»,
 А воле есть в любой душе приют.

Она твоей души наполнит недра
 Собою одной и множествами воль.
 А в тех делах, где счет ведется щедро,
 Число один—не более чем ноль.

Пусть я ничто во множестве несметном,
 Но для тебя останусь я одним.
 Для всех других я буду незаметным,
 Но пусть тобою буду я ценим.

Ты полюби сперва мое прозвание,
 Тогда меня полюбишь. Я—желанье!

Любовь слепа и нас лишает глаз.
 Не вижу я того, что вижу ясно.
 Я видел красоту, но каждый раз
 Понять не мог—что дурно, что прекрасно.

И если взгляды сердце завели
 И якорь бросили в такие воды,
 Где многие проходят корабли,—
 Зачем ему ты не даешь свободы?

Как сердцу моему проезжий двор
 Казаться мог усадьбою счастливой?
 Но все, что видел, отрицал мой взор,
 Подкрашивая правдой облик лживый.

Правдивый свет мне заменила тьма,
 И ложь меня объяла, как чума.

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.

Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд—разящий меч,
И нет брони на любящей груди.

Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статься, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милости щадя.

О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня—я смерти буду рад.

Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли.
Не то страдания, хлынув через край,
Заговорят внезапно поневоле.

Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимой любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.

Презреньем ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчание нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.

Чтоб избежать позорного клейма,
Криви душой, а с виду будь пряма!

Мои глаза в тебя не влюблены,—
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

Ушей твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.

И все же внешним чувствам не дано—
Ни всем пяти, ни каждому отдельно—
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.

В своем несчастье одному я рад,
Что ты—мой грех и ты—мой вечный ад.

Любовь—мой грех, и гнев твой справедлив.
 Ты не прощаешь моего порока.
 Но, наши преступления сравнив,
 Моей любви не бросишь ты упрека.

Или поймешь, что не твои уста
 Изобличать меня имеют право.
 Осквернена давно их красота
 Изменой, ложью, клятвою лукавой.

Грешнее ли моя любовь твоей?
 Пусть я люблю тебя, а ты—другого,
 Но ты меня в несчастье пожалей,
 Чтоб свет тебя не осудил сурово.

А если жалость спит в твоей груди,
 То и сама ты жалости не жди!

Нередко для того, чтобы поймать
 Шальную курицу иль петуха,
 Ребенка наземь опускает мать,
 К его мольбам и жалобам глуха,

И тщетно гонится за беглецом,
 Который, шею вытянув вперед
 И трепеща перед ее лицом,
 Передохнуть хозяйке не дает.

Так ты меня оставила, мой друг,
 Гонясь за тем, что убегает прочь.
 Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
 Зову тебя, терзаясь день и ночь.

Скорей мечту крылатую лови
 И возвратись к покинутой любви.

На радость и печаль, по воле Рока,
 Два друга, две любви владеют мной:
 Мужчина светлокудрый, светлоокий
 И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Чтобы меня низвергнуть в ад крошечный,
 Стремится демон ангела прельстить,
 Увлечь его своей красою грешной
 И в дьявола соблазном превратить.

Не знаю я, следя за их борьбою,
 Кто победит, но доброго не жду.
 Мои друзья—друзья между собою,
 И я боюсь, что ангел мой в аду.

Но там ли он,—об этом знать я буду,
 Когда извергнут будет он оттуда.

«Я ненавижу»—вот слова,
 Что с милых уст ее на днях
 Сорвались в гнев. Но едва
 Она заметила мой страх,

Как придержала язычок,
 Который мне до этих пор
 Шептал то ласку, то упрек,
 А не жестокий приговор.

«Я ненавижу»,—присмирив,
 Уста промолвили, а взгляд
 Уже сменил на милость гнев,
 И ночь с небес умчалась в ад.

«Я ненавижу,—но тотчас
 Она добавила:—Не вас!»

Моя душа, ядро земли греховной,
 Мятажным силам отдаваясь в плен,
 Ты изнываешь от нужды духовной
 И тратишься на роспись внешних стен.

Недолгий гость, зачем такие средства
 Расходуешь на свой наемный дом?
 Чтобы слепым червям отдать в наследство
 Имущество, добытое трудом?

Расти, душа, и насыщайся вволю,
 Копи свой клад за счет бегущих дней
 И, лучшую приобретая долю,
 Живи богаче, внешне победней.

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
 И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

Любовь—недуг. Моя душа больна
 Томительной, неутолимой жаждой.
 Того же яда требует она,
 Который отравил ее однажды.

Мой разум-врач любовь мою лечил.
 Она отвергла травы и коренья,
 И бедный лекарь выбился из сил
 И нас покинул, потеряв терпенье.

Отныне мой недуг неизлечим.
 Душа ни в чем покоя не находит.
 Покинутые разумом моим,
 И чувства и слова по воле бродят.

И долго мне, лишенному ума.
 Казался раем ад, а светом—тьма!

О, как любовь мой изменила глаз!
 Расходится с действительностью зренье.
 Или настолько разум мой угас,
 Что отрицает зримые явления?

Коль хорошо, что нравится глазам,—
 То как же мир со мною не согласен?
 А если нет, признать я должен сам,
 Что взор любви неверен и неясен.

Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
 Но любящим смотреть мешают слезы.
 Подчас и солнце слепнет до тех пор,
 Пока все небо не омоют грозы.

Любовь хитра,—нужны ей слез ручьи,
 Чтоб утаить от глаз грехи свои!

Ты говоришь, что нет любви во мне.
 Но разве я, ведя войну с тобою,
 Не на твоей воюю стороне
 И не сдаю оружия без боя?

Вступал ли я в союз с твоим врагом?
 Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
 И разве не виню себя кругом,
 Когда меня напрасно ты обидишь?

Какой заслугой я горжусь своей,
 Чтобы считать позором унижение?
 Твой грех мне добродетели милей,
 Мой приговор—ресниц твоих движение.

В твоей вражде понятно мне одно:
 Ты любишь зрячих,—я ослеп давно.

Откуда столько силы ты берешь,
 Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
 Я собственным глазам внушаю ложь,
 Клянусь им, что не светел свет дневной.

Так бесконечно обаянье зла,
 Уверенность и власть греховных сил,
 Что я, прощая черные дела,
 Твой грех, как добродетель, полюбил.

Все, что вражду питало бы в другом,
 Питает нежность у меня в груди.
 Люблю я то, что все клянут кругом,
 Но ты меня со всеми не суди.

Особенной любви достоин тот,
 Кто недостойной душу отдает.

Не знает юность совести упреков,
 Как и любовь, хоть совесть—дочь любви.
 И ты не обличай моих пороков
 Или себя к ответу призови.

Тобою предан, я себя всецело
 Страстям простым и грубым предаю.
 Мой дух лукаво соблазняет тело,
 И плоть победу празднует свою.

При имени твоём она стремится
 На цель своих желаний указать,
 Встает, как раб перед своей царицей,
 Чтобы упасть у ног её опять.

Кто знал в любви паденья и подъемы,
 Тому глубины совести знакомы.

Я знаю, что грешна моя любовь,
 Но ты в двойном предательстве виновна,
 Забыв обет супружеский и вновь
 Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
 Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
 Признаться, сам я совершил не два,
 А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте твоей не раз,
 В твоей любви и верности глубокой.
 Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
 Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся: ты правдива и чиста—
 И черной ложью осквернил уста.

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
 А нимфа юная у Купидона
 Взяла горящий факел смоляной
 И опустила в ручеек студёный.

Огонь погас, а в ручейке вода
 Нагрелась, забурилась, закипела.
 И вот больные сходятся туда
 Лечить купаньем немощное тело.

А между тем любви лукавый бог
 Добыл огонь из глаз моей подруги
 И сердце мне для опыта поджег.
 О, как с тех пор томят меня недуги!

Но исцелить их может не ручей,
 А тот же яд—огонь ее очей.

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду,—но вода
Любви не охлаждала никогда.

 В. БЕНЕДИКТОВ

ПОДРАЖАНИЯ СОНЕТАМ ШЕКСПИРА

1 (154)*

Однажды крепко спал Амур—любви божок,
Отбросив факел свой, для всех сердец опасный,
И к месту этому вдруг подлетел кружок
Нимф, давших клятву жить в невинности бесстрастной.

И вот—одна из них рукой своей прекрасной
Схватила факел тот, что множество поджег
Сердец, замученных потом тоской напрасной,
И бросила его на дно в речной поток,—

И словно без меча, что полководцу нужен,
Влюбленных армий вождь лежал обезоружен,
Поток же стал горяч, целебен навсегда,—

И я им излечить хотел любви невзгоду,
Но—нет!—Огонь любви разгорячает воду,
А пламенной любви не холодит вода.

*В скобках — номера сонетов Шекспира.

Однажды Купидон, склонясь венком кудрей
И факел опустив, уснул среди поляны;
Подкравшись к сонному, одна из жриц Дианы
Взяла тот пламенник—и в воду поскорей.

И хладного ключа вода теплей, теплей,
И животворного потока бьют фонтаны,
И притекают к ним толпы больных людей
И, язвы там целя, излечивают раны.

Проснувшись, факел свой схватил любви божок,
Коснулся Хлои глаз и вновь его зажег—
И к сердцу мне поднес, а я не остерегся,—

И, страждущий, пошел к целебному ключу,
Но мне не помогло: себя я излечу
Лишь влагою очей, где факел тот возжегся.

Есть люди честные, а низкими славут.
Не лучше ль быть, чем слыть? Ведь чистых наслаждений
И вовсе не найдешь, коль их отдать под суд
Не совести своей, а посторонних мнений.

Толпа причудлива, но для моих причуд
Не умягчить своих сердитых убеждений.
Не стану же и я,—как я ни слаб, ни худ,—
Слабейших, худших чтить, боясь их осуждений.

Во мне есть то, что есть. Свет судит вкривь и вкось.
Да, он способен быть лазутчиком, шпионом,
Но не судьей. Он, мне, лишь только б довелось,

Свой приписав порок, сразит меня законом.
Чтоб быть судьей грехов, пусть он в закон бы ввел:
«Всяк грешен; смертный—царь, а грех—его престол».

Я жизнью утомлен, и смерть—моя мечта.
 Что вижу я кругом? Насмешками покрыта,
 Проголодалась честь, в изгнание правота,
 Корысть—прославлена, неправда—знаменита.

Где добродетели святая красота?
 Пошла в распутный дом: ей нет иного сбыта!..
 А сила где была последняя— и та
 Среди слепой грозы параличом разбита.

Искусство сметено со сцены помелом:
 Безумье кафедрой владеет. Праздник адский!
 Добро ограблено разбойническим злом;

На истину давно надет колпак дурацкий.
 Хотел бы умереть; но друга моего
 Мне в этом мире жаль оставить одного.

С дороги—бух в постель, а сон все мимо, мимо.
 Усталый телом, я и рад бы отдохнуть,
 Но мысль не хочет спать, и к той, что мной любима,
 Сейчас пускается в дальнейший, трудный путь.

Мысль—эта странница—идет неутомимо
 На поклонение к тебе и мне уснуть
 Минуты не дает; глаз не могу сомкнуть,
 Вперенных в тьму, во мрак, в то, что слепцами зримо.
 И зоркостью души я—без пособия глаз,
 Я—вижу тень твою. Она живой алмаз
 Во мраке полночи. Ночь эта блещет ею

И ею молодит свой черный старый лик.
 Я ж от тебя ни днем, ни ночью, ни на миг,
 Здесь—телом, там—душой, покоя не имею.

Могу ль я быть здоров, спокойствие сгубя?
 Отрады ночью нет мне за дневные муки,
 На день грядущий сном не подкрепишь себя;
 Днем на ночь наберешь запас тоски и скуки.

День с ночью—два врага, друг друга не любя,
 Союзно мне вредить друг другу тянут руки:
 Днем мучусь я с тобой, а ночью—без тебя;
 Днем—труд свидания, а ночью—скорбь разлуки.

Дню серому я льщу: я говорю, что он
 Тобою освещен, тобою изукрашен.
 Я ночи также льщу: когда угрюм и страшен

Ее беззвездный вид,—твержу, что небосклон
 Блестит светилами очей твоих, а очи
 Твои мне портят дни и отравляют ночи.

Душа моя! О Дух! чистый в сфере грешной!
 Корою грубою ты обведен кругом.
 Зачем же красишь ты, лощишь покров свой внешний
 И в роскоши такой содержишь этот дом?

Ты ненадолго в нем. Ты дальний гость, не здешний,
 А на отделку стен все тратишься. Потом
 Ты выедешь, а червь,—преемник твой поспешный,—
 Сейчас на твой же счет и запирует в нем.

Пусть лучше этот дом постраждет! Что в нем проку,
 А ты будь бережлив, не траться, но копи!
 Часть времени продай, часть вечности купи!

Что скорлупу беречь? Зерну дай больше соку!
 Сам смерть ты объедай,—ту смерть, что ест людей.
 Перемоги ее, чтоб не достаться ей.

Когда из хроники былых времен порою
Я описания прекрасных лиц читал,
Я много алых уст, глаз с огненной игрою,
Красивых ног и рук в отрывках подмечал.

Ведь были ж древние знакомы с красотой!
Но в этих очерках я, кажется, встречал
Намеки лишь на то, что ныне лишь тобою
Для нас осуществлен чистейший идеал.

Быть может, древние в пророчество впадали
О нашем времени и творческом чутьем
В грядущей красоте тебя предугадали,—

Но не могли воспеть, чуть грезя о твоём
Существовании; они тебя не знали...
Мы знаем, но и мы—глядим и не поём.

Коль правда, что ничто не ново, все обычно,
Что наше новое—лишь снова введено,—
Изволь изобретать! Носи, рождай вторично
Дитя, которое уж было рождено!

Но нет! История пусть мне укажет лично
Твой образ, бывший там—когда-нибудь давно,
И пусть история докажет мне логично,
Что там твое лицо теперь повторено!

Коль так, хотел бы я знать древних лет сужденье
О красоте твоей: и вразумился б им,
Что на земле у нас—прогресс или паденье,

Иль то ж все вторится путем чередовым.
Но,—я уверен,—встарь рождало удивленье
И то, в чем мы теперь несовершенства зрим.

Во мне перед собой ты видишь время снега;
 С кустов зеленая одежда их снята;
 Поблеклый лист упал; исчезла песен нега—
 Певцов пернатых нет—в оркестре пустота.

Во мне перед собой ты видишь час ночлега,
 На западе дрожит чуть светлая черта,
 И все густеет мрак, мрак—этот alter ego
 Тьмы смертной, вечной тьмы: недалеко и та.

Во мне перед тобой дней прошлых лишь остаток,
 Лишь искры под золой, а пламень прекращен,
 Убитый тем, чем жил и чем питался он.

Люби ж меня сильнее! Ты видишь: срок мой—краток.
 Ты потерять меня страшишься: миг лови!
 Чем больше этот страх, тем больше дай любви.

Свет, может быть, тебе вопрос бы предложил:
 Чем я твоей любви награду заслужил—
 Каким достоинством? Ответить было б трудно;
 Число моих заслуг здесь на земле так скудно.

Попробуй—что-нибудь мне в славу припиши—
 Все это ты солжешь от доброты души,
 Из снисхождения. Над трупом лгать—напрасно.
 Тут истина стоит и судит беспристрастно.

Забудь меня совсем! Любовь нарядишь в ложь—
 Себя лишь пристыдишь и труп мой в стыд введешь.
 Умру—не говори ни слова о покойном!

Обоим стыдно нам: свет верно б так решил.
 Мне стыдно: в мире я так мало совершил,
 Тебе—твоя любовь жила на недостойном.

Когда мой час пробьет и в положенный срок
 Сорвет меня с земли неумолимый рок—
 Я буду жить в стихах; в них сохранен судьбою,
 Всегда, мой верный друг, останусь я с тобою.

Взгляни на них и знай, что в них моя сполна
 Существенная жизнь тебе посвящена.
 Земля! Возьми мой труп! Свое своим зачисли!
 Ты же лучшее возьмешь—свет разума, свет мысли.

Что потеряешь ты с кончиною моей?
 Мой неподвижный прах, горсть пыли, снедь червей—
 Ведь памяти твоей прах этот недостоин.
 А если ценное кой-что заключено
 И было в прахе в том, то, милый друг, оно
 Навек останется с тобою: будь спокоен!

Н. ГЕРБЕЛЬ

1

От молодых существ потомства все хотят,
 Чтоб в мире красота цвела—не умирала,
 Твердя, что Время все припрячет, что увяло,
 А нежные ростки их память сохранят.

Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
 А легкий пламень сам свой пыл в себе питает,
 Там голод сея, где избыток должен быть,—
 Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.

Ты, лучший из людей, природы украшеньё
 И вестник молодой пленительной весны,
 Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны
 И сеешь вокруг себя одно опустошеньё.

Ты пожалей хоть мир—упасть ему не дай
 И, как земля, даров его не пожирай.

Когда, гонимый миром и судьбою,
Над участью своей я плачу в тишине
И, проклиная жизнь, напрасною мольбою
Тревожу небеса, не внемлющие мне;

Когда, завидуя с отчаяньем скупого
Всем благам ближнего, я для себя б хотел
Талантов одного и почестей другого
И недоволен всем, что мне дано в удел...

О, если в этот миг бесплодного мученья
Случайно вспомню я, подруга, о тебе
(Как птичка Божия, почуяв пробужденье

Светила дня), я гимн пою судьбе.
И так счастлив тогда любовию моею,
Что лучшей участи желать себе не смею.

 К. СЛУЧЕВСКИЙ

Не по звездам небес дано мне жизнь читать;
А все же думается мне: я астролог.
Не то, чтоб горе мог иль радость предсказать,
Чтобы предвидеть мор, погоду, голод мог!
Мне не под силу знать и быстрый ход минут,—
Дождем или грозой их мощный рок снабдит,
Властитель, будет ли он счастлив там иль тут—
О том небесный свод мне мало говорит!
Я черпал мысль мою лишь из твоих очей:
По звездам тех очей я мысленно читал,
Что верность и краса в твоих детей пройдут,
Лишь от тебя пройдут; в тебе я их сыскал...
А ежели не так, то, правды не тая,
Красе и верности смерть предвещаю я!

Твоя прияла грудь все мертвые сердца;
 Их в жизни этой нет, я мертвыми их мнил;
 И у тебя в груди любви их нет конца;
 В ней все мои друзья, которых схоронил.

Надгробных пролил я близ мертвых много слез,
 Перед гробами их как дань любви живой!
 Благоговейно им, умершим, в дань принес;
 Они теперь в тебе, они живут с тобой.

И смотришь ты теперь могилою живой,
 На ней и блеск, и свет скончавшихся друзей,
 Я передал их всех душе твоей одной,
 Что многим я давал, то отдал только ей.

Их лики милые в себе объединя,
 Имеешь также ты своим—всего меня!

Когда в блаженный час от жизни отойду,
 И ты переживешь меня и невзначай
 Прочтешь мои стихи, что в рифму я кладу,
 Ты неумелости стиха не замечай!

С годами уровень людских умов растет;
 Писанья лучшие в законный срок придут!
 Но ты люби мой стих; ведь в нем любовь живет.
 Любовью, мнится мне, меня не превзойдут!

И в благосклонности к нему скажи скорей,
 Что если б я, твой друг, я был еще в живых,
 И дожил до иных, намного лучших дней—

То стал бы я писать не хуже всех других.
 Когда б не умер я, твой друг, я лучше б стал—
 Они стихом берут, а я любовью взял!

У музы ли моей не хватит для стихов
 Предмета, если ты даруешь им дыханье,
 Настолько чудное, что для простых листов
 Бумаги тягостно такое содержанье?
 О, благодарна будь себе, себе одной,
 Когда в моих стихах ты что-нибудь отметишь,
 И кто настолько нем, чтобы не петь со мной,
 Когда сама как мысль высокая ты светишь?
 Десятой музой будь, будь выше в десять раз
 Тех старых девяти знакомых всем поэтам
 И песни чудные внуши им в добрый час,
 Чтобы не старились те песни в мире этом.
 Пусть с музой слабою стяжал успех и я,
 Здесь труд созданья мой, а слава вся твоя.

 В. ЛИХАЧОВ

1

От избранных существ потомства мы желаем,
 Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
 Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
 На смену возникал такой же юный всход.
 А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
 Его огонь живишь из недр своих же благ,
 И, где обилие, там голод порождая,
 Нешаден к прелести своей, как лютый враг.
 Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный
 Ликующей весны,—хоронишь от людей
 В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
 И разоряешься от скупости своей.
 Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
 Чтоб все его добро не унести в могилу.

О время! Когти льва, чуть стар, тупи нещадно,
 Земные существа земле и предавай,
 У тигра зубы рви из пасти кровожадной
 И феникса в крови его же сожигай;
 Чредою лет и зим над миром пролетая,
 Будь миру вестником и радостей и бед,
 Рази красу, когда поникнет, увядая,—
 На преступленье лишь одно тебе запрет:
 Попутно не клейми зловещими чертами
 Прекрасное чело любимца моего;
 Как образец красы, грядущим вслед за нами
 В наследие оставь нетронутым его.
 А повредишь ему—я этот вред поправлю
 И друга юношей в стихах своих прославлю.

М. ЧАЙКОВСКИЙ

Сравню ли я тебя с весенним днем?
 Нет, ты милее длительной красою:
 Злой вихрь играет нежным лепестком,
 Весна проходит краткой полосою.
 Светило дня то шлет чрезмерный зной,
 То вдруг скрывается за тучей мрачной...
 Нет красоты, что, строгой чередой
 Иль случаем, не стала бы невзрачной.
 Твоя ж весна не ведает теней,
 И вечный блеск ее не увядает.
 Нет, даже смерть бессильна перед ней!
 На все века твой образ просияет.
 Пока есть в людях чувства и мечты,
 Живет мой стих, а вместе с ним и ты!

Мой друг, поступок твой предай забвению!
 У розы есть шипы, есть ил в ключе,
 У солнца и луны—туман, затмения,—
 Зловредный червь встречается в цветке.
 Все люди грешны, ведь грешу и я,
 Твои обиды быстро извиняя;
 Тебе в угоду, сам себе вреда,
 Я, что бы ты ни сделал, все прощаю.
 Грехи твои моя любовь встречает:
 Противник твой, защитником являсь,
 Сам на себя же встречный иск вчиняет.
 И сам против себя вооружась,
 Стремится быть судьей, чтоб оправдать
 Во всем тебя, о мой прелестный тать!

Нет, для меня стареть не можешь ты.
 Каким увидел я тебя впервые,
 Такой ты и теперь. Пусть три зимы
 С лесов стряхнули листья золотые,—
 Цветы весны сгубил три раза зной.
 Обвеянный ее благоуханьем,
 Пронизанный зеленым ликованьем,
 Как в первый день стоишь ты предо мной.
 Но как на башне стрелка часовая
 Незримо подвигает день к концу,
 Краса твоя, по-прежнему живая,
 Незримо сходит в бездну по лицу.
 Так знайте же, грядущие творенья,
 Краса прошла до вашего рожденья.

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела,
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждать! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,
Чтоб сохранить следы весны в стекле,—
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен,—и есть предел утрате:
Хоть нет цветов,—есть жизнь в их аромате!

Я—как богач, которого приводит
К сокровищу заветный из ключей:
Смотреть свой клад не каждый час он ходит,
Чтоб радость сделать реже, но сильней.
Так праздников торжественных веселье
Разделено по редким дням в году;
Так лучшие из перлов в ожерелье
Нанизаны не сплошь в одном ряду.
Так часто время и тебя скрывает,
Как редкий перл иль праздничный наряд:
Тем слаще видеть мне тебя бывает!
Благодарить за все тебя я рад.
С тобою быть—блаженство обладанья;
Тебя не видеть—счастье ожиданья!

Весна цвела,—был от тебя вдали я;
 Апрель нарядный красками сверкал,
 Во все вливалась юности стихия,
 И сам Сатурн смеялся и плясал.
 Но песни птиц, цветов благоуханья,
 Краса лугов—все было чуждо мне;
 Я сладкого не ощущал желанья
 Сорвать цветок, воспеть хвалу весне;
 Я презирал красу лилеи бледной,
 Румяных роз я не ласкал, любя!
 Вся прелесть их,—я знал,—лишь список бедный
 С их образца единого—тебя!
 Казалось мне, что вдруг—зима! Мечтами
 С тобою весь, я лишь шутил с цветами.

 К. ФОФАНОВ

Ни собственный мой страх, ни дух, что мир тревожит,
 Мир, замечтавшийся о будущности дел,
 Любви моей года определить не может,
 Хотя бы даже ей готовился предел.
 Смертельный месяц мой прошел свое затменье,
 И прорицатели смеются над собой,
 Сомнения теперь сменило уверенье,
 Оливковая ветвь приносит мир благой.
 Благодаря росе, ниспавшей в это время,
 Свежей моя любовь и смерть мне не страшна,
 Я буду жить назло в стихе, тогда как племя
 Глупцов беспомощных похитить смерть должна,
 И вечный мавзолей в стихах, тобой внушенных,
 Переживет металл тиранов погребенных.

О нет, не говори, что сердцем пред тобою
 Я изменил, хотя слабей в разлуке пыл.
 Скорей расстануся без страха сам с собою,
 Но не с душой, что я в тебе похоронил.
 Любовь моя—очаг, и если я скитаюсь,
 То возвращаюсь вновь к нему, как пилигрим;
 Сам приношу воды, с дороги омываюсь,
 Стирая пятна, пыль,—и греюсь перед ним.
 И если есть во мне те слабости, так трудно,
 Так горячо у всех волнующие кровь,
 То и тогда не верь, чтоб мог я безрассудно
 Растратить без 'тебя всю страсть и всю любовь,—
 И верь—вселенную я ни во что не ставлю;
 Тебя, о роза, я одну люблю и славлю.

 Ф. ЧЕРВИНСКИЙ

Твоей ли волею тяжелые ресницы
 Я не могу сомкнуть во мгле немых ночей?
 Ты ль прерываешь сон, послав мне вереницы
 Похожих на тебя пленительных теней?
 И твой ли дух ко мне летит в ночи безмолвной,
 Сгорая ревностью, не знающею сна,
 Чтоб бред подслушать мой, измены скрытой полный?
 О нет, твоя любовь на это не властна.
 Моя, моя любовь лишила сновидений
 Усталые глаза, умчала мой покой:
 Могучая, она как благодатный гений,
 Как зоркий сторож твой—везде, всегда со мной.
 Твой мир она хранит. А ты—по воле рока—
 Так близко ты к другим, так от меня далеко!

Когда я вижу, как волшебные уборы
 Срывает время с древности седой,
 И башни рушатся, высокие, как горы,
 И в рабстве медь у ярости слепой;
 Когда я вижу, как, в береговое царство
 Врываясь, океан бушует и ревет,
 Как алчная земля, исполнена коварства,
 Захватывает сонм необозримых вод,
 Как распадаются могучие народы,
 Как царства пышные в развалинах лежат—
 Я скорбно думаю, что мстительные годы
 Ее, мою любовь, отнимут и умчат.
 О, эта мысль—как смерть! Не плакать я не в силах,
 Что все мне близкое—все скроется в могилах.

Когда простились мы—какой зимой неожиданной
 Повеяло вокруг! Как сумрачны поля,
 Как тяжек небосклон, угрюмый и туманный,
 Какой пустынею казалась земля!

А ведь она цвела: сады—в уборе новом—
 Сияли золотом, дыханья роз полны,—
 И осень пышная—подобно юным вдовам—
 Несла плоды любви умчавшейся весны.

Но умирающей казалась мне природа...
 Ты—лето для меня, а нет тебя со мной—
 И немые соловьи, и если с небосвода
 Польется робко песнь над чащею лесной,

Так сумрачна она, что, чутко ей внимая,
 Поникшие цветы бледнеют, умирая...

Когда я предаюсь мечтам печальным
И о прошедшем вспомню я порой,
Невольно вздохом грустным и прощальным
Я провожу мгновений светлых рой.

И вижу я сквозь высохшие слезы
Своих друзей и прежнюю любовь,
Встают давно исчезнувшие грезы,
Ряд милых образов я вижу вновь.

И должен я среди воспоминаний
Оплакать миг, оплаканный не раз,
Переходя к страданиям от страданий,
О прошлых днях восстановить рассказ.

Но если вспомню о тебе тогда,—
Моих утрат, печалей нет следа.

Пл. КРАСНОВ

Она твоя—я не о том горюю,
Хотя люблю ее я горячо.
Что ты ее,—об этом слезы лью я:
Тебя утратить мне больней еще.
Изменники! Вас все ж я извиняю.
Ты полюбил ее за то, что я
Ее люблю; она ж, тебя лаская,
Нежна к тебе, конечно, для меня.
Тебя утрачу—выигрыш подруги;
Утрачу ли ее—ты приобрел.
Геряю я; но вы нашли друг друга,
И ради вас мне крест мой не тяжел.
Ведь друг и я—одно, и я лелею
В душе мечту, что я люблю лишь ею.

Сбираясь в путь далекий, я убрал
 Все вещи, что не взял с собою вместе.
 И чтобы вор их дерзкий не украл,
 Их запер под замок в надежном месте.
 Ты ж лучшее сокровище мое,—
 Мое блаженство и мое мученье,—
 В сравненье с чем все прочее ничто,
 Оставлено вора́м на расхищенье.
 Не запер я на ключ, в сундук, тебя...
 Лишь там, где нет тебя и все ж ты вечно,—
 В груди моей,—храню тебя любя.
 И можешь ты уйти отсель беспечно...
 Ах, могут у меня тебя украсть;
 Из-за тебя и честный может пасть.

А. ФЕДОРОВ

Одни твердят, что молодость твоя—
 Достоинство, краса; другие—недостаток.
 Но все к тебе идет и любят все тебя,
 Все, начиная с нас, от взрослых до ребяток.
 Как дикий камешек на пальце королевы
 Бесценен, так твои ошибки и дела,
 Все то, что ты творишь, не вызывает зла,
 А привлекает всех, как внешние посевы.
 Как много б обмануть мог хищный волк овец,
 Прикинувшись овцой, и сколько б ты сердец
 Успел бы захватить, прикрывшись обаяньем;
 Но нет, зачем обман: я так люблю тебя,—
 Ты—мой, и я в тебе уберегу себя,
 И образ светлый твой мне будет достояньем.

Свой факел уронив, красавец Купидон
 Заснул. Одна из дев Дианы подхватила
 Огонь любви и вмиг светильник опустила
 В холодный ключ воды, но не погас там он.
 Из пламени любви священный ключ мгновенно
 Впитал бессмертный жар на вечные года.
 И стала для людей целительна вода
 От злобных болестей, жестоких, как измена.
 Зажегши вновь от глаз, любимых мною,
 Для пробы мальчик им меня коснулся вдруг.
 Я исцеленья ждал душой моей больною
 От теплых вод, куда тянул меня недуг,
 Но исцеленья нет. Ключ животворный льется
 В очах возлюбленной, где пламя вновь смеется.

Б. БЕР

16

Зачем в борьбе со Временем голодным
 Надежнее вам не искать исхода?
 Мне не спасти стихом моим бесплодным
 Вас от того, к чему ведет природа.
 Теперь вы лучших дней своих свидетель.
 Как много девичьих садов готово
 Принять цветы живые! Добродетель
 Их, верно, воссоздаст на почве новой.
 Ваш образ так не отразят портреты,
 Как Времени перо в чертах потомства,
 И робкие мои не сохранят сонеты
 Вас от веков руки и вероломства.

Отдать себя и снова самочувство
 И жизнь обрести от своего искусства.

Сравню ли я тебя с днем светлым лета?
 Милей его ты, кротче и нежнее.
 Холодный ветер—злостный враг расцвета,
 Дни летние могли бы быть длиннее.
 Порою око неба слишком знойно,
 Иль золото его закрыто тучей,
 И красота боится беспокойно
 Природы иль случайности летучей.
 Твое лишь лето вечное не минет,
 И красота не будет скоротечность.
 Смерть с похвальбой тень на тебя не кинет,
 Когда в стихе изведает ты вечность.
 Пока есть люди и пока есть зренье,
 Жив будет стих и ты, его творенье.

Не раз я видел солнце в блеске славы,
 Ласкало горы царственное око,
 В лугах улыбкой целовало травы,
 Рядило в золото струи потока;
 А иногда божественное ликом
 Презренным тучам затмевать давало
 Свое величье и с тоской великой
 На запад, в тучи прячась, поспешало.
 Так и мое торжественно светило
 Однажды утром солнце надо мною.
 Увы! Моим оно недолго было
 И скрылось вдруг за темной пеленою.
 И все ж его люблю я. Мне понятна
 Мгла солнца жизни: на небесном пятна.

Зачем обещан был мне светлый, ясный день
И без плаща тобой я послан был в дорогу?
Затем ли, чтобы туч суровых злая тень
Затмила образ твой, будя в душе тревогу?

Мне мало, коль твой взор обсушит сквозь туман
Дождь на лице моем, омоченном грозою...
На что лекарство мне, полезное для ран,
И все ж бессильное над скорбью и тоскою!
Раскаянье твое, участие и стыд
Не могут даровать желанное забвенье...
Тем, кто несет, как я, тяжелый крест обид,
Печаль обидчика—плохое утешенье.
Но плачешь ты, любя, и жемчуг этих слез
Искупит все, что я, страдая, перенес.

В исканье новизны бродя то здесь, то там,
Я обесценил все, что сердцу было свято,
Противоречил я поступками словам
И променял друзей, любимых мной когда-то.
Да, заблуждался я! От правды был далек,
Но молодость мою вернули заблужденья.
Конец ошибкам! В них мне жизнь дает урок;
Люблю тебя сильнее за все мои мученья!
Прими мою любовь и ею завладей!
Клянусь тебе, она продлится бесконечно,
И друга, верного, как бог, в любви моей,
Не стану больше я испытывать беспечно.
Так приюти ж меня, чтоб мог я отдохнуть,
Склонясь порой к тебе на любящую грудь.

Вини мою судьбу за все, в чем я не прав,
 За все, что есть во мне презренного и злого!
 Корысть публичности мой воспитала нрав,
 Судьба же не дала мне ничего другого,
 Поэтому-то я презреньем заклею;
 Как краскою маляр, отметила позором
 Меня судьба моя, и путь мой омрачен...
 О, сжался надо мной и не терзай укором!
 Дай обновиться мне! Готов я, как больной,
 Из укуса питье принять для излечения,—
 Мне горечь не страшна, и кары нет такой,
 Которой бы не снес я ради исправленья.
 О, пожалей меня! Достаточно, мой друг,
 Лишь жалости твоей, чтоб облегчить недуг.

Н. БРЯНСКИЙ

Малютка—бог любви — однажды, факел свой
 На траву положив, забылся сном беспечно;
 Тем временем к нему подкрался резвый рой
 Нимф, давших клятву девственности вечной.
 И мигом факел тот, в сердцах будивший пыл,
 Похитили они во имя обещаний;
 Так наш уснувший бог восторженных желаний
 Рукою девственниц обезоружен был.
 Тот факел бросили они в родник холодный,
 И от огня любви он тотчас теплым стал—
 Людских страданий всех целитель превосходный...
 Но я в нем, страсти раб, купался... и узнал,
 Что, правда, пыл любви и воду согревает,
 Вода же в свой черед любви не охлаждает.

Ни мрамору, ни злату саркофага
Могущих сих не пережить стихов.
Не в грозном камне, выщербленном влагой.
Блистать ты будешь, но в рассказе строф.

Война низвергнет статуи, и зданий
Твердыни рухнут меж народных смут,
Но об тебе живых воспоминаний
Ни Марса меч, ни пламя не сотрут.

Смерть презирая и вражду забвенья,
Ты будешь жить, прославленный всегда;
Тебе дивиться будут поколения,
Являясь в мир, до Страшного суда.

До дня того, когда ты сам восстанешь,
Во взоре любящем ты не увянешь!

Твой верный раб, я все минуты дня
Тебе, о мой владыка, посвящаю.
Когда к себе ты требуешь меня,
Я лучшего служения не знаю.
Не смею клясть я медленных часов,
Следя за ними в пытке ожидания,
Не смею и роптать на горечь слов,
Когда мне говоришь ты: «до свиданья».
Не смею я ревнивою мечтой
Следить, где ты. Стою—как раб угрюмый—
Не жалуясь и полн единой думой:
Как счастлив тот, кто в этот миг с тобой!
И так любовь безумна, что готова¹
В твоих поступках не видеть дурного.

Избави Бог, судивший рабство мне,
 Чтоб я и в мыслях требовал отчета,
 Как ты проводишь дни наедине.
 Ждать приказаний—вся моя забота!
 Я твой вассал. Пусть обречет меня
 Твоя свобода на тюрьму разлуки:
 Терпение, готовое на муки,
 Удары примет, голову склоня.
 Права твоей свободы—без предела.
 Где хочешь будь; располагай собой
 Как вздумаешь; в твоих руках всецело
 Прощать себе любой проступок свой.
 Я должен ждать,—пусть в муках изнывая,—
 Твоих забав ничем не порицаю.

Быть может, правда, что в былое время,—
 Что есть,—все было; нового—здесь нет,
 И ум, творя, бесплодно носит бремя
 Ребенка, раньше видевшего свет.
 Тогда, глядящие в века былые,
 Пусть хроники покажут мне твой лик,
 Лет за пятьсот назад, в одной из книг,
 Где в письменна вместилась мысль впервые.
 Хочу я знать, что люди в эти дни
 О чуде внешности подобной говорили.
 Мы стали ль совершенней? Иль они
 Прекрасней были? Иль мы те ж, как были?
 Но верю я: прошедшие года
 Таких, как ты, не знали никогда!

Как волны набегают на камень,
 И каждая там гибнет в свой черед,
 Так к своему концу спешат мгновенья,
 В стремленье неизменном—все вперед!
 Родимся мы в огне лучей без тени
 И к зрелости бежим; но с той поры
 Должны бороться против злых затмений,
 И время требует назад дары.
 Ты, Время, юность губишь беспощадно,
 В морщинах искажаешь блеск красы,
 Все, что прекрасно, пожираешь жадно,
 Ничто не свято для твоей косы.
 И все ж мой стих переживет столетья:
 Так славы стоит, что хочу воспеть я!

Ты ль требуешь, чтоб я, открывши очи,
 Их длительно вперял в тоскливый мрак?
 Чтоб призрак, схож с тобой, средь ночи
 Меня томил и мой тревожил зрак?

Иль дух твой выслан, чтобы ночью черной
 От дома далеко за мной следить
 И уличить меня в вине позорной,
 В тебе способной ревность разбудить?

Нет! Велика любовь твоя, но все же
 Не столь сильна: нет! То—любовь моя
 Сомкнуть глаза мне не дает на ложе.
 Из-за нее, как сторож, мучусь я!

Ведь ты не спишь, и мысль меня тревожит,
 Что с кем-то слишком близко ты, быть может!

То время года видишь ты во мне,
 Когда, желтея, листья стали редки,
 И там, где птицы пели о весне,
 Оголены, дрожа от стужи, ветки.

Во мне ты сумерки находишь дня,
 Что гаснет после яркого заката;
 Ночь темная, к покою всех клоня
 (Двойник твой, Смерть!), его влечёт куда-то!

Во мне ты видишь отблески огней,
 Лежавших в пепле юности своей;
 Они окончат жизнь на этом ложе.

Снедаемые тем, что их зажгло,
 И потому, что день, ты любишь строже,
 Спеша любить то, что почти прошло!

С. ИЛЬИН

Похож я на скупого богача:
 Лишь изредка любуюсь блеском клада,
 Он достает его из-под ключа;
 Ему мила запретная отрада.

Не потому ль рад празднику народ.
 Что несколько лишь ярких дней веселья
 Приходится на весь рабочий год.
 Ведь крупных перлов мало в ожерелье...

Как мой сундук ревниво стережет
 Красивейший наряд для воскресенья,—
 Скупое время жадно бережет
 Нечастых встреч последние мгновенья.

И я, мой друг, всегда с тобой живу,
 Иль в золотых мечтах, иль наяву.

В разлуке были мы. Кругом шумел
В своем цветном плаще апрель веселый.
Вдохнуть во все он молодость сумел;
Казалось, прыгал сам Сатурн тяжелый.

Ни пенье птиц, ни яркие цветы
С их ароматом, прелестью уборов,
Ничто моей не трогало мечты,
Не привлекало равнодушных взоров.

Я не пленялся бледностью лилей
И горделивых роз румянцем смелым:
Цветы казались копией твоей,
Срисованной художником умелым;

И без тебя апрель мне был зимой,
Лишь тень твоя—цветы—была со мной.

О. РУМЕР

147

Моя любовь—уродливый недуг,
Не помышляющий об исцеленье,
Питаемый ключом несчетных мук—
Болезненным стремленьем к угожденью.
Мой разум, врач моей любви, сердясь,
Что предписания его забыты,
Меня покинул, и я вижу: страсть
Подобна смерти, никогда не сытой.
Без разума я обречен на бред,
Безумная тревога сердце гложет,
В моих словах и мыслях связи нет,
И правду высказать язык не может.

Была ты так чиста, светла на взгляд—
А ты темна, как ночь, мрачна, как ад.

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живетсЯ богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли замкнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

То время года видишь ты во мне,
Когда из листьев редко где какой,
Дрожа, желтеет в веток голизне,
А птичий свист везде сменил покой.
Во мне ты видишь бледный край небес,
Где от заката памятка одна,
И, постепенно взявши перевес,
Их опечатывает темнота.
Во мне ты видишь то сгоранье пня,
Когда зола, что пламенем была,
Становится могилою огня,
А то, что грело, изошло дотла.
И, это видя, помни: нет цены
Свиданьям, дни которых сочтены.

Но успокойся. В дни, когда в острог
Навек я смертью буду взят под стражу,
Одна живая память этих строк
Еще переживет мою пропажу.

И ты увидишь, их перечитав,
Что было лучшею моей частицей.
Вернется в землю мой земной состав,
Мой дух к тебе, как прежде, обратится.

И ты поймешь, что только прах исчез,
Не стоящий нисколько сожаленья,
То, что отнять бы мог головорез,
Добыча ограбленья, жертва тленья.

А ценно было только то одно,
Что и теперь тебе посвящено.

ПРИМЕЧАНИЯ

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»*

¹ *Эскал* — Описываемые события, согласно легенде, произошли в начале XIV века, когда Вероней (городом в северо-восточной Италии) правил Бартоломео делла Скала; отсюда имя в шекспировской пьесе: Эскал.

² *Тибальт* — так зовут кота в английском варианте «Рейнеке Лиса», знаменитого произведения средневекового эпоса.

³ *Кормилица* — Женщины не играли на сцене эпохи Шекспира. Роль кормилицы исполнял комик, игравший роли шутов.

⁴ *Мантуя* — город в северо-западной части Ломбардии. Мантуя являлась самостоятельным княжеством.

⁵ *Пролог* — Текст пролога произносил хор. Роль «хора» в театре эпохи Шекспира исполнял актер, одетый в черный плащ. В «Ромео и Джульетте» его появление ограничивается двумя выходами (см. конец первого акта). Возможно, что текст других его выходов потерян.

⁶ *Я буду грызть ноготь...* — Грызть ноготь большого пальца, шелкая им о зубы, считалось оскорблением (таким же, как показать язык).

⁷ *Где меч мой боевой?* — В эпоху Шекспира боевые длинные средневековые мечи были уже пережитком. Деталь, намекающая на старость синьора Капулетти.

⁸ *Виллафранка* — небольшой город около Вероны.

⁹ *Ей нет еще четырнадцати лет.* — В ту эпоху не только в Италии, но и в Англии девочка четырнадцати лет считалась «на выданье».

¹⁰ *Хорош при этом также подорожник.* — Подорожник применялся как средство лечения при ранениях и ушибах.

¹¹ *А я тебя и раньше родила* — Леди Капулетти хочет сказать, что она вышла замуж, будучи моложе Джульетты.

¹² *С татарским луком* — то есть с большим луком. Бенволио иронизирует над неуклюжими ряжеными старого времени.

¹³ *Я факельщиком буду* — В группе ряженных тот, кто не умел или не желал танцевать, брал на себя обязанности факельщика.

¹⁴ *Все королева Маб* — Имя этой феи — кельтского происхождения (Англия до завоевания ее англосаксами в V—VI веках была населена кельтами). Маб названа «родоприемницей» в двойном значении: во-первых, она, согласно народному поверью, помогала рождению снов, а во-вторых, согласно другому поверью, подменивала новорожденных младенцев оборотнями. Этот монолог Меркуцио принадлежит к наиболее знаменитым местам трагедии.

¹⁵ *Заводятся в ногтях у мастериц...* — Согласно старинному английскому народному поверью, у ленивых девушек заводятся под ногтями червячки.

* Составлено на основе примечаний М. Морозова.

¹⁶ *О нищей и царе Кофетуа* — Кофетуа — легендарный африканский царь, воспетый в старинной английской народной балладе. Кофетуа был женоненавистником, но однажды он увидел из окна своего дворца нищую девушку и полюбил ее на всю жизнь.

¹⁷ *Кота Тибальта из сказки...* — см. примеч. 2.

¹⁸ *А его бессмертные passato, его punto reverso, его hai!* — *Passado, punto reverso* — итальянские названия приемов фехтования; *hai* — принятое в то время восклицание фехтовальщика во время выпада.

¹⁹ *Pardonnez moi* — «Прошу прощения» (франц.).

²⁰ *Bon, bon!* — «Прекрасно, прекрасно!» (франц.).

²¹ *Не стало места на старых лавках!* — Намек на случай, действительно имевший место в Лондоне. Когда среди английской щегольской молодежи стало модным носить широкие французские штаны (короткие, до колен, и похожие на два баллона), однажды случилось, что члены палаты лордов, среди которых были и молодые щеголи, не поместились на своих старинных скамьях.

²² *Петрарка* (1304—1374) — знаменитый итальянский поэт.

²³ *Лаура* — возлюбленная Петрарки, воспетая им в сонетах.

²⁴ *Розмарин* — цветок; считался символом верной любви.

²⁵ *Это собачья буква.* — Звук «р» напоминает ворчание собаки.

²⁶ *Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого...* — Это, конечно, совсем не похоже на тихого Бенволио. Меркуцио подтрунивает над ним.

²⁷ *Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь...* — Имеется в виду старинная английская поговорка: «У кошки девять жизней» (то есть кошки живучи).

²⁸ *Фазтон* — в античной мифологии сын Феба, бога солнца. Он взялся править солнечной колесницей своего отца, но погнал коней так быстро, что колесница опрокинулась, и солнце обожгло землю, превратив часть Африки в пустыню. В этом образе отражено все нетерпение Джульетты.

²⁹ *Убьет вернее взгляда василиска.* — Василиск — сказочное чудовище, один взгляд которого будто бы убивает человека.

³⁰ *Как стоны мандрагоры...* — Согласно старинному поверью, корень мандрагоры, когда его выдергивают из земли, издает ужасные стоны, от которых люди сходят с ума.

³¹ *Вот и музыканты.* — Согласно обычаю, жених будил невесту в день свадьбы музыкой и пением.

³² *Когда в груди терзания и муки...* — Эти стихи, принадлежащие поэту и драматургу Ричарду Эдвардсу, были, вероятно, текстом популярного в то время романа. Возможно, что в этой сцене скрыт направленный против легковесной поэзии полемический выпад со стороны Шекспира, который иронизирует над бессодержательным эпитетом «серебряные звуки».

³³ *В аптеке черепаха, крокодил...* — Аптекари в Англии времен Шекспира украшали свои лавочки чучелами черепах, крокодилов и других причудливых на вид животных, что придавало аптекам «таинственный» вид. Медицина была близка знахарству.

³⁴ *Я буду краток...* — В поэме Артура Брука (см. предисловие) брат Лоренцо рассказывает о происшедших событиях с помоста собравшейся на городской площади толпе народа.

¹ ...в ином ключе. — Музыкальный термин, здесь означает в другом тоне — весело, радостно.

² ...быть заключенной в монастырь, всю жизнь прожить монахиней бесплодной. — В Древней Греции не было, конечно, ни монастырей, ни монахинь. Это один из частых у Шекспира анахронизмов.

³ ...роза, в благовонье растворяясь... — Имеется в виду изготовление духов из роз.

⁴ Клянусь крепчайшим луком Купидона, его стрелой лучшей, золотой. — Поэты отмечали стрелы Купидона с золотым острием (счастливая любовь) от стрел со свинцовым наконечником (несчастливая любовь).

⁵ ...Венериных голубок чистой. — Афродиту (Венеру) сопровождали целующиеся голубки.

⁶ ...огнем, в который бросилась Дидона. — В «Энеиде» Вергилия рассказывается, что Дидона, царица карфагенская, после того как троянец Эней покинул ее, сожгла себя на костре.

⁷ Фебея (или Феба) — одно из имен Дианы, богини ночи и луны. В данном случае Фебея — поэтическое название луны.

⁸ Пирам и Фисба — герои трагической повести о любви, рассказанной в «Метаморфозах» Овидия. Содержание ее довольно верно воспроизведено в пьесе, которую дальше разыгрывают афинские ремесленники.

⁹ Еркюлес. — Основа искажает имена древнегреческих богов и героев: Еркюлес — вместо Геркулес, как немного дальше Фиб вместо Феб.

¹⁰ ...не заставляйте меня играть женщину: у меня борода пробивается! — В английском театре времен Шекспира женские роли исполнялись очень молодыми, еще безбородыми актерами.

¹¹ Я вам его представляю в бороде соломенного цвета. — В театре того времени цвет парика и бороды соответствовал характеру того или иного персонажа. Так, бороду рыжего цвета надевали при исполнении ролей злодеев и предателей, например Иуды. Все цвета, перечисленные Основой, очень мало подходили для нежного любовника Пирама.

¹² ...цвета французской кроны — чисто желтого цвета... У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет... — Французская корона — золотая монета, то есть монета желтого цвета. Весь этот диалог построен на перекрестной игре словами: «французская корона» (монета) гола, на ней не может быть волос, но «французская корона», corona Veneris (мед.), является последствием «французской болезни», часто приводящей к выпаданию волос.

¹³ Круг в траве кроплю росой. — По народному английскому поверью, в тех местах, где выросла особенно яркая и сочная трава, водили хором эльфы и феи. Считалось, что овцы боятся есть эту «заколдованную» траву.

* Составлено на основе примечаний А. Смирнова.

¹⁴ *Из-за ребенка, что при ней в пажих (похищен у индийского султана).* — По народному поверью, эльфы и фен похищают иногда из колыбелей маленьких детей, взамен оставляя собственных.

¹⁵ *Корин и Филлида* — условные имена, которые часто давались в античной, а вслед за ней и в ренессансной пасторальной поэзии влюбленным пастухам и пастушкам.

¹⁶ *Котурнами* у древних греков и римлян назывались шнурованные ботинки на высоких каблуках. По преданию, амазонки носили котурны, тогда как обычной обувью у древних греков и римлян были сандалии.

¹⁷ *Перигена* — дочь разбойника Синниса, убитого Тезеем. После смерти отца она была некоторое время возлюбленной Тезея.

¹⁸ *Эгмея* — нимфа.

¹⁹ *Ариадна* — дочь критского царя Миноса, которая помогла герою Тезею выбраться из лабиринта.

²⁰ *Антиопа* — одна из амазонок.

²¹ *Нептуновы пески* — морской песчаный берег.

²² *Весталки* (в Древнем Риме) — жрицы богини Весты, принесшие обет безбрачия. «Царящая на Западе Весталка» — английская королева Елизавета.

²³ *«Любовь в праздности»* — старинное английское народное название цветка «анютины глазки».

²⁴ *Левиафан* — упоминаемое в Библии морское чудовище, которое обладало способностью передвигаться с необыкновенной быстротой.

²⁵ *Грифон* (или гриф) — сказочное хищное животное, имеющее туловище льва, а голову и крылья — орла.

²⁶ *...на нем афинские одежды.* — Афиняне носили плащи особого покроя.

²⁷ *...пусть этот Пролог доложит публике...* — Актер, произносивший пролог, сам назывался Прологом.

²⁸ *...пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными.* — Чередование восьмисложных (то есть четырехстопных) и шестисложных (то есть трехстопных) стихов было обычным в английских народных балладах. Но некоторые баллады были написаны сплошь восьмисложными стихами. Основа полагает, что более длинные строки придадут прологу больше пышности.

²⁹ *Поглядите в альманах.* — Альманахами называли в старину подробные календари, содержавшие некоторые астрономические и астрологические сведения.

³⁰ *Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты.* — Кусты при случае заменяли актерам кулисы.

³¹ *Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы.* — Имеется в виду Нинова гробница, то есть гробница легендарного ассирийского царя Нина, основателя города Ниневии, столицы Ассирии. Дудка говорит неправильно, так же как и дальше, когда он называет гробницу Ниньевой.

³² *Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы?* — Одна из ходячих во времена Шекспира острот. Юмор ее в данном случае усиливается тем, что Основа еще не знает о постигшем его превращении.

³³ *Кто ей скажет, что она «рет, сколько бы она ни кричала свое «ку-ку»? — Здесь Шекспир не упускает случая сыграть на созвучье слов: suckoo — «кукушка» и suckold — «рогоносец».*

³⁴ *...великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей семьи. — Горчица считалась весьма лакомой приправой к мясу.*

³⁵ *Помчусь быстрее всех татарских стрел. — Купидон обычно изображался держащим в руках изогнутый лук с перехватом посередине. Лук такой формы называли во времена Шекспира «татарским» в отличие от прямого английского лука. Поэтому и стрелы Купидона — «татарские».*

³⁶ *...как бы два поля, что в одном гербе увенчаны нашлемником единым. — Дворянские гербы состояли из двух половинок (полей) с изображением так называемых геральдических зверей (львы, единороги и тому подобное), которые увенчивались перемычкой («нашлемником»).*

³⁷ *Прочь, эфиопка! — Эфиопов считали уродливыми главным образом по причине черного цвета кожи. Лизандр называет Гермину «эфиопкой» для того, чтобы оскорбить ее. С этой же целью он называет ее ниже «смуглой татаркой».*

³⁸ *Раскрашенная жердь — украшенное «майское дерево».*

³⁹ *...карлица, пигмейка, зачатая на спорынье! — Существовало поверье, что спорынья задерживает рост детей.*

⁴⁰ *Быстрее летят драконы черной ночи. — В древности движение солнца объясняли тем, что бог солнца Феб в своей колеснице едет по небу. Соответственно этому течение ночи рисовалось в виде катящейся колесницы божества ночи. Но колесница Феба запряжена белыми конями, а колесница ночи — черными драконами.*

⁴¹ *Аврора — богиня утренней зари. «Звезда Авроры» — планета Венера, которую называют также «Утренней звездой».*

⁴² *...ее завидев духи... спешат домой... — Считалось, что духи бродят только во мраке и не показываются после восхода солнца.*

⁴³ *...сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках. — В F имеется ремарка, которую можно истолковать в том смысле, что здесь дело идет о деревенской «шумовой» музыке, отбивающей лишь ритм ударами щипцов о кости.*

⁴⁴ *Прогони, цветок Дианы, Купидона все обманы! — Диана, древнеримская богиня девственности, противница Венеры и Купидона.*

⁴⁵ *...затравили мы медведя спартанскими собаками. — Спартанские псы, по утверждению древних авторов, отличались особенной лютостью.*

⁴⁶ *...ведь Валентинов день прошел, а птички только начали слетаться. — По народному поверью, в день святого Валентина (14 февраля) птицы прилетают с юга.*

⁴⁷ *Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь. — Дудка надеялся, что Основа за хорошо сыгранную роль получит от Тезея пожизненную пенсию. Такие случаи бывали при английском дворе. Так, например, пожизненную пенсию получил актер Престон.*

⁴⁸ *Фракийский певец* — легендарный Орфей, о котором рассказывалось, что после смерти своей жены Эвридики он погрузился в мрачное отчаяние, чем вызвал гнев вакханок, растерзавших его за это.

⁴⁹ *«Плач муз, скорбящих о судьбе Науки...»* — вероятно, намек на поэму Спенсера «Слезы муз» (1591).

⁵⁰ *Не думайте. Коль мы не угодим, что может быть, и т. д.* — Пигва делает паузы не там, где следует, что местами придает тексту смешной или обидный для слушателей смысл. Он должен был сказать: «Мы не жалеем своего труда. Вас оскорбить не входит в наши цели» — и так далее.

⁵¹ *И я, пока жива, верней Елены.* — Елена Спартанская, конечно, плохой пример женской верности.

⁵² *Шафал* — вместо Кефал; *Прокруса* — вместо Прокрида. — Кефал — герой древнегреческого сказания, покончивший с собой после гибели жены.

⁵³ *«Двурогую луну фонарь являет сей, а я — тот человек, что обитает в ней».* — В старину пятна на луне принимали нередко за очертания человеческой фигуры. Считалось, что это какой-то великий грешник (например, Каин), который в наказание за свои грехи осужден жить на луне.

⁵⁴ *Какие же он кости слагает?* — Деметрий шутит, играя словами. Основа говорит о своих костях, Деметрий — об игральных костях.

⁵⁵ *Вы, три сестры, сюда скорей...* — Три сестры — парки, богини судьбы. Они якобы пряли нить жизни человеческой и, когда она достигала определенной, предназначенной ими длины, обрезали ее. Тогда человек умирал.

⁵⁶ *Угодно вам посмотреть эпизод или прослушать бергамасский танец...* — Основа по обыкновению путает слова. Он хочет сказать: «прослушать эпизод и посмотреть танец». Бергамасский танец — веселый народный итальянский танец.

⁵⁷ *Коль я не смог вас позабавить и т. д.* — Этот монолог, являющийся эпилогом всей пьесы, Пэк произносит, обращаясь к зрителям.

«МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО»*

¹ *Имя Борачио* — смысловое: по-испански оно означает «пьяница».

² *Мессина* — город на острове Сицилия. Сицилия вместе с Сардинией и Неаполем входила во владения Арагонского королевства — феодального государства в Испании, существовавшего в XI—XV веках.

³ *...состязаться тупыми стрелами.* — Тупые стрелы употреблялись при стрельбе в птиц, чтобы подшибать их, не ранив. Они же были постоянным атрибутом шутов.

* Составлено на основе примечаний М. Морозова.

⁴ ...*пяти умственных способностей*. — Пятью умственными способностями считались: здравый смысл, воображение, изобретательность, способность суждения и память. По мнению Беатриче, Бенедикт сохранил из них только здравый смысл.

⁵ ...*попугаев обучать*. — Любители грубых шуток нередко обучали попугаев ругательным словам.

⁶ *Отлично, Леонато*. — Во время словесной дуэли между Бенедиктом и Беатриче дон Педро о чем-то тихо разговаривал с Леонато.

⁷ *Купидон — хороший охотник на зайцев, а Вулкан — отличный плотник* — примеры нелепостей, так как Купидон изображался с завязанными глазами, а Вулкан был кузнецом, а не плотником.

⁸ ...*носить на голове шапку, не вызывая подозрений* — намек на «рога» обманутого мужа, торчащие из-под шапки.

⁹ ...*рожок на невидимый ремешок*. — «Невидимый» — в отличие от «видимого» ремня, на котором висит охотничий рог.

¹⁰ *Адам Белл* — знаменитый английский стрелок, воспетый в балладах.

¹¹ ...*если только Купидон не растратил в Венеции всех своих стрел*. — Венеция считалась городом, где происходило особенно много любовных приключений.

¹² *Ваш любящий друг Бенедикт*. — Клавдио и дон Педро цитируют заключительные строки воображаемого письма Бенедикта, будто бы написанного в канун Ивановой ночи, когда, по народному поверью, любовные чары действуют сильнее всего.

¹³ ...*родился под знаком Сатурна*. — Согласно астрологическим представлениям, люди, родившиеся под знаком планеты Сатурн, должны были обладать меланхолическим темпераментом.

¹⁴ ...*буду водить его обезьян в аду* — намек на старую английскую поговорку, по которой старым девам суждено после смерти водить в аду на помочах детей в наказание за то, что при жизни они не имели своих.

¹⁵ ...*куску грубой глины!* — намек на библейское сказание о том, что бог создал первого человека, Адама, из глины.

¹⁶ *Синклес* — танец в пять па (от франц. cinq pas).

¹⁷ ... *вроде крыши Филемоновой хижины: внутри — Юпитер* — намек на древнегреческий миф: однажды Юпитер, приняв человеческий образ, посетил старую супружескую чету — Филемона и Бавкиду, живших в шалаше с соломенной крышей.

¹⁸ ...*рука у вас сухая и с той и с другой стороны*. — Сухая ладонь считалась признаком отсутствия темперамента.

¹⁹ «*Сто веселых рассказов*» — распространенный в те времена сборник очень грубых анекдотов.

²⁰ ...*цепь богатого ростовщика?* — Богатые горожане часто носили на шее массивную золотую цепь.

²¹ *Ата* — богиня мести и раздора у древних греков.

²² ...*Пресвитера Иоанна*. — Пресвитер (священник) Иоанн, в средневековых легендах, — владыка христианского царства в глубине Индии.

²³ *Великие Моголы* — тюркская династия в Индии, основанная в начале XVI века.

²⁴ *Да, конечно*. — Во время предыдущей реплики Бенедикта дон Педро

тихо разговаривал с Леонато или Клавдио о задуманной последними серенаде, и начальные слова этой реплики обращены им к одному из них.

²⁵ ...а от талии кверху — Испания: не видно камзола. — У испанцев камзол был обычно прикрыт плащом и потому мало заметен.

²⁶ ...больше нельзя держать путь по звездам. — Маргарита хочет сказать: «Если вы не изменили своей закоренелой ненависти к мужчине, право, нельзя больше доверять ясным указаниям, которые дает нам природа».

²⁷ *Cardius benedictus* — «целебный чертополох», считавшийся хорошим средством при сердечных заболеваниях.

²⁸ «...слишком молоды для них» — то есть слишком сильными противниками.

²⁹ «...бог видел его, когда он прятался в саду» — шутливый намек на библейский рассказ о грехопадении Адама.

³⁰ ...благослови ваше учреждение — такими словами нищие обычно выражали свою благодарность, когда получали милостыню в монастыре.

³¹ *Леандр* — по греческим мифам, возлюбленный Гиро, жрицы Афродиты. Спеша на свидание, каждый вечер переплывал Геллеспонт (Дарданеллы) из Абидоса в Сест, где жила Гиро, пока однажды в бурную ночь не утонул.

³² *Троил* — в средневековых сказаниях о Троянской войне троянский царевич, влюбленный в гречанку Крессиду. Сближению Троила и Кресиды способствовал ее дядя Пандар, имя которого стало нарицательным для обозначения сводника.

³³ *Европа* — мифологическая дочь финикийского царя Агенора. Влюбленный в нее Юпитер похитил ее, приняв образ быка.

«СОНЕТЫ»

По мнению наиболее авторитетных ученых, Уильям Шекспир написал большинство своих сонетов в 90-е годы XVI века, хотя в печать они попали лишь в 1609 году. Создавая свой цикл сонетов, Шекспир пошел совершенно новым путем, взорвав сложившиеся каноны жанра.

Вместо жестокой красавицы и ее томного воздыхателя в сонетах Шекспира, помимо лирического героя, появились благородный молодой человек и смуглая леди. Их взаимоотношения с лирическим героем совершенно ничем не напоминали привычный стереотип. Большая часть сонетов была посвящена другу. В цикле Шекспира прекрасный юноша заменил собой недоступную даму. Соответственно дружба, понимаемая в духе высоких неоплатонических идеалов, заняла место любви, а любовь к таинственной смуглянке, изменившей герою с его другом, отступила на второй план.

Оставляя в стороне дразнящий воображение биографов великого драматурга вопрос о том, кто был прототипом друга и смуглой леди, заметим, что в их изображении Шекспир достиг немыслимой до той поры в лирике индивидуализации, создал чрезвычайно сложные, лишенного всякого налета ходульности характеры. Еще более многогранным и неожиданным по-

лучился образ лирического героя, благородной и глубокой натуры, знающей и мучительную власть страсти, и бескорыстную преданность, и горькую боль обиды, и великодушное самоотречение, и огромное множество других душевных состояний, с таким замечательным мастерством переданных Шекспиром. В раскрытии внутреннего мира человека, в изображении сложных перипетий чувств Шекспир намного превосшел других стихотворцев Возрождения. Недаром его цикл впервые по достоинству оценили лишь романтики XIX века.

Следуя Ронсару и Дэниэлу, поэт ввел в свои сонеты размышления о хрупкости красоты перед лицом времени и силе поэзии, способной остановить мгновение. В отличие от своих предшественников Шекспир не только сделал эти размышления органической частью сюжета цикла, но и наполнил их особым трагическим напряжением, не свойственным лирике той эпохи. В образной форме высказался он и о сути своего поэтического мастерства, сравнив себя с ученым поэтом-соперником (биографы предполагают, что им мог быть Марло или Чапмен). Признавая несомненную мощь и величавость стиха поэта-соперника, Шекспир противопоставил его манере собственное понимание искусства. Его стих проще, он менее изыскан и не гонится за прихотью моды. Но зато он рисует образ друга таким, как его создала природа, а в этом и есть высшее достижение поэзии.

Шекспир столь совершенно разработал национальную английскую форму сонета, что она получила его имя и стала называться шекспировской. Основная ритмическая единица его сонетов — строка, за которой обычно следует пауза. Стих льется мелодично, но впечатления монотонности не возникает благодаря замечательному техническому мастерству поэта, виртуозно владевшего рифмой, ассонансом, аллитерацией и другими приемами, которые он, как и Сидни, всегда подчинял ходу мысли. Сама же мысль Шекспира выражалась в виде темы и вариаций, тезы и антитезы, и, какой бы горькой она ни была, автор всегда сохранял известную дистанцию между собой и эмоциями лирического героя, оставляя накал страсти для трагических героев, Отелло и Лира. Слово и мысль в сонетах, как правило, гармоничны, образы взяты из обыденной жизни, лексика довольно проста, и, в отличие от великих трагедий и поздних трагикомедий, «мысль не перевешивает слово»*.

А. Горбунов

* Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., 1954. С. 133.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издателей</i>	6
<i>И. Ш а й т а н о в. О Шекспире, драматурге и поэте</i>	8
РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА. Перевод Б. Пастернака	37
СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ. Перевод Т. Щепкиной-Куперник ...	143
МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО. Перевод Т. Щепкиной-Куперник .	221
СОНЕТЫ. Русские переводы XIX—XX веков	329
Примечания	438

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ**

Том 1

Редактор *Т.Е.Песоцкая*

Технический редактор *Н.А. Александрова*

Корректор *В.С.Антонова*

**Лицензия на издательскую деятельность
№ 063505 от 06.07.94**

Сдано в набор 11.08.94. Подписано в печать 22.01.97.

Формат 84x108/32. Бумага тип. Гарнитура таймс.

Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 141.

Издательство "Интербук".

119021, Москва, Фрунзенская наб., 2/1 - 20.

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

